

ПЕПЕЛ
ПЕРВОГО
СОЛНЦА

АРДЕН ВЕЙЛ

Арден Вейл
Пепел Первого Солнца

«Автор»

2026

Вейл А.

Пепел Первого Солнца / А. Вейл — «Автор», 2026

В деревне Вереск мёртвых сжигают до рассвета — иначе может проснуться вторая душа. Эйран всю жизнь был обычным сжигателем, пока в его печь не принесли тело девушки, которое отказалось гореть. С этого мгновения мёртвые начинают шептать его имя, на ладони вспыхивает знак древнего огня, а под печью просыпается первый порог двери, которую нельзя открывать. Лира, вернувшаяся из смерти, знает больше, чем говорит. Орден хочет забрать их обоих. Старые дома прячут сделки, заключённые на детских именах. А за всем этим ждёт Пустой Лик — сила, которая предлагает простое спасение: отдать одного ради всех. Но Эйран ещё не знает, что правильный огонь не пожирает живых. Он провожает мёртвых. И однажды ему придётся решить, станет ли он новым ключом к древней двери — или тем, кто наконец даст Первому Солнцу пепел.

© Вейл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тело, которое не горело	5
Глава 2. Девушка из пепла	11
Глава 3. Мёртвые колокола	23
Глава 4. Первая улика	38
Глава 5. Запрет матери	51
Глава 6. Человек, которого уже сожгли	64
Глава 7. Деревня в огне	80
Глава 8. Беглецы	93
Глава 9. Часовня Пустого Лица	107
Глава 10. Город без теней	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Арден Вейл

Пепел Первого Солнца

Глава 1. Тело, которое не горело

Мёртвых в Вереске сжигали до рассвета.

Так было всегда.

Не потому, что люди любили огонь. Не потому, что земля была слишком каменистой для могил. И даже не потому, что старые жрецы когда-то написали это в своих толстых книгах с железными застёжками.

Просто каждый в деревне знал: если тело встретит утро целым, в нём может проснуться вторая душа.

А вторая душа уже не помнила, кем человек был при жизни.

Эйран подбросил в печь три полена и отступил на шаг. Жар ударил в лицо, высушил губы, заставил глаза заслезиться. Он поднял рукав, вытер лоб и посмотрел на тёмное небо за решётчатым окном.

До рассвета оставалось меньше двух часов.

Плохо.

Сегодня мёртвых было трое. Старик Халвен, который умер тихо, сидя у окна. Младенец без имени, проживший всего один вечер. И женщина с разбитой грудью, найденная у северной дороги.

Старик уже стал пеплом. Младенца Эйран сжёг быстро, почти не глядя. С такими телами всегда было тяжелее всего, но работа есть работа. В Вереске никто не спрашивал, хочешь ты смотреть на смерть или нет. Её просто приносили к тебе на телеге и говорили:

— До утра.

Последнее тело лежало на каменной плите у стены.

Женщина.

Нет.

Девушка.

Эйран заметил это только сейчас, когда пламя в печи разгорелось сильнее и осветило её лицо. На вид ей было не больше двадцати. Белая кожа. Чёрные волосы, слипшиеся от грязи и крови. Тонкие пальцы. Порванное платье, не деревенское — слишком тонкая ткань, слишком аккуратный шов на рукавах.

Такие не ходили по северной дороге одни.

Такие вообще не приходили в Вереск.

Эйран взял железный крюк, подтянул носилки ближе к печи и поморщился. От тела не пахло смертью. Это было странно. Даже свежий покойник пахнет иначе, чем живой. Холодом, мокрой тканью, остановившейся кровью. А от неё пахло дождём и чем-то горьким, будто раздавленной травой.

— Кто ты такая? — тихо сказал он.

Ответа, конечно, не было.

Ответы мёртвых начинались только после рассвета. И тогда спрашивать было уже поздно.

Эйран подкатил носилки к пасти печи. Внутри ревел огонь. Красный, густой, злой. Он знал этот огонь лучше, чем лица соседей. Знал, сколько сухих поленьев нужно для старика, сколько для уопленника, сколько для того, кто умер от лихорадки. Знал, что кости трещат не сразу. Знал, что волосы вспыхивают первыми. Знал, что человеческое тело всегда сдаётся огню.

Всегда.

Он толкнул носилки вперёд.

Тело девушки скользнуло в печь.

Пламя коснулось края её платья — и погасло.

Эйран замер.

Сначала он решил, что показалось. В печи остались угли, жар, дым. Но огонь будто отступил от тела. Не исчез совсем, нет. Он продолжал гореть по краям, лизал каменные стены, жрал поленья, шипел в щелях. Но там, где лежала девушка, пламени не было.

Вокруг неё образовался тёмный круг.

Эйран выругался и схватил меха. Несколько сильных нажатий — и жар взревел. Из пасти печи вылетели искры. Огонь поднялся выше, ударил по стенам, облизнул потолок.

Платье девушки даже не задымилось.

— Да что с тобой не так...

Эйран взял бутылку с маслом, плеснул внутрь. Печь вспыхнула так ярко, что он отшатнулся и прикрыл лицо локтем.

На миг всё стало белым.

Потом огонь снова осел.

Тело лежало нетронутым.

Кожа девушки оставалась бледной. Волосы не обгорели. Даже кровь на её платье не почернела.

Эйран почувствовал, как холод пробежал по спине, хотя перед ним была раскалённая печь.

Он медленно посмотрел на окно.

Небо начинало светлеть у края леса.

До рассвета оставалось меньше часа.

Он не имел права оставить тело целым. За такое не просто наказывали. За такое забирали в храмовую яму, где люди исчезали без крика и следа. Сжигатель мёртвых отвечал за ночь. Если мертвец вставал после рассвета, виноват был тот, кто не отдал его огню.

Эйран схватил длинные клещи и попытался перевернуть тело.

Железо коснулось плеча девушки.

Клещи треснули.

Не сломались — именно треснули, будто стали стеклянными. По чёрному металлу пошла белая линия. Эйран отпустил рукоять и отступил.

В печи что-то тихо зазвенело.

Он прислушался.

Сначала показалось, что это угли. Потом — что ветер в трубе. Но звук повторился. Тонкий, едва слышный.

Шёпот.

Эйран медленно повернул голову к дальней стене.

Там стояли кувшины с пеплом. Десятки глиняных сосудов на длинных полках. На каждом имя. Дата смерти. Знак семьи. Всё, что оставалось от людей Вереска после работы Эйрана.

Один кувшин дрожал.

Потом второй.

Потом третий.

— Нет, — сказал Эйран.

Шёпот стал громче.

Он не разбирал слов. Только голоса. Старые, детские, мужские, женские. Они просыпались в пепле, будто кто-то невидимый опустил руки в каждый сосуд и начал шевелить мёртвые остатки пальцами.

Эйран бросился к полке и схватил первый кувшин. На нём было написано: “Халвен, сын Мирта. Семьдесят два года”.

Старик, которого он сжёг этой ночью.

Крышка подпрыгнула.

Изнутри донёлся сухой стук.

Раз.

Другой.

Третий.

Словно кто-то маленький бил костяшками по глине.

Эйран прижал крышку ладонью.

— Спи, старик, — прошептал он. — Ты уже сгорел. Тебя нет.

Из кувшина ответили его голосом:

— Ты не сгоришь.

Эйран отдёргнул руку.

Кувшин упал, разбился о каменный пол. Серый пепел рассыпался у его ног. На миг в нём проступил след ладони — маленькой, почти детской.

Потом исчез.

Из печи донёлся вдох.

Эйран не сразу понял, что это было. Слишком невозможный звук для этого места. В печи могли трещать кости. Мог шипеть жир. Мог падать уголь. Но никто не мог вдохнуть.

Он обернулся.

Девушка лежала в огне и смотрела на него.

Глаза у неё были открыты.

Не мутные, как у мёртвых. Не белые, как у тех, в ком проснулась вторая душа. Живые. Чёрные. Глубокие, как вода в старом колодце.

Эйран не двигался.

Девушка тоже.

Потом её губы дрогнули.

— Ты... — голос был хриплый, слабый, но настоящий. — Ты не должен был родиться.

Эйран сделал шаг назад и ударился спиной о стол.

— Кто ты?

Она попыталась подняться. Огонь вокруг неё погас окончательно. В печи остались только красные угли, и те тускнели один за другим.

— Закрой дверь, — прошептала девушка.

— Что?

— Закрой... дверь...

Эйран не понял. Потом услышал колокол. Один удар. Глухой. Далёкий. Потом второй. Потом третий.

Погребальный колокол висел на площади и звонил только в трёх случаях: если в деревне начинался пожар, если приходили северные волки или если мёртвый просыпался до рассвета.

Колокол бил снова и снова. Эйран бросился к двери печного дома и распахнул её. Ночной воздух ударил в лицо холодом.

Вереск спал под серым небом. Низкие дома жались друг к другу, как испуганные звери. Над крышами висел туман. У колодца горел одинокий фонарь. На площади метался мальчик-звонарь, вцепившись в верёвку обеими руками. Он плакал и бил в колокол, хотя рядом с ним никого не было.

Нет.

Кто-то был.

У края площади стоял человек.

Голый по пояс. Обожжённый. С чёрными трещинами на коже.
Эйран узнал его не сразу.
Потом внутри всё оборвалось.
Это был старик Халвен.
Тот самый, чей пепел только что рассыпался у ног Эйрана.
Старик медленно поднял голову.
У него не было глаз. Только два тёмных провала, из которых сыпался серый пепел.
Мальчик-звонарь закричал.
Халвен открыл рот.
И заговорил голосом матери Эйрана:
— Сынок, не смотри на солнце после заката.
Эйран захлопнул дверь.
На засов.
Потом второй засов.
Потом третий.
Руки дрожали.
Снаружи колокол продолжал бить.
В печи за его спиной девушка закашлялась. Эйран обернулся. Она уже сидела среди углей, обняв себя руками. На её коже не было ни одного ожога.
— Он пришёл за тобой, — сказала она.
— Старик?
Девушка покачала головой.
— Нет. То, что носит его.
Эйран посмотрел на железный шкаф у стены. Там лежал топор, связка погребальных ножей, соль, масло, старые храмовые печати. Всё, что полагалось держать сжигателю мёртвых на случай плохой ночи.
Эта ночь уже была хуже плохой.
— Кто ты? — повторил он.
Девушка долго смотрела на него. Казалось, она решает, можно ли говорить правду. Или слишком поздно.
— Лира, — наконец сказала она.
Имя ничего ему не дало.
— Почему ты не горишь?
Она опустила взгляд на свои ладони.
— Потому что меня уже сожгли.
Снаружи что-то ударило в дверь.
Эйран вздрогнул.
Удар повторился.
Медленный. Тяжёлый.
Не кулаком. Лбом.
Кто-то стоял за дверью и бился в неё головой.
— Эйран, — произнёс голос матери снаружи.
Он похолодел.
Мать умерла семь лет назад.
Он сам стоял у её печи. Сам подбрасывал поленья. Сам смотрел, пока огонь не оставил от неё только белый пепел и медное кольцо, которое не расплавилось даже в самом сильном жару.
— Эйран, открой.
Лира с трудом выбралась из печи и шагнула на каменный пол. Ноги её подкосились, но она удержалась за край стола.

— Не отвечай, — сказала она.

— Это не она.

— Я знаю.

Но голос за дверью был её голосом. Тёплым, усталым, тихим. Таким, каким мать говорила с ним в детстве, когда закрывала ставни после заката и не позволяла смотреть на небо.

— Открой, сынок. Я замёрзла.

Эйран сжал зубы.

В детстве он часто думал, что мёртвые должны возвращаться именно так. Не с криком. Не в крови. А голосом, по которому ты скучал больше всего.

Поэтому их и сжигали.

Не чтобы защититься от чудовищ.

А чтобы не открыть дверь любимым.

— Что ему нужно? — спросил Эйран.

Лири подошла ближе. Теперь он увидел на её груди знак — тонкий круглый шрам под ключицей. Не ожог. Не рана. Символ, будто вырезанный изнутри кожи.

Круг с лучами.

Солнце.

Но не то солнце, которое каждое утро вставало над Вереском.

Старый знак.

Запрещённый.

Эйран видел такой однажды. На внутренней стороне медного кольца матери.

— Ему нужна кровь, — сказала Лира.

— Моя?

— Не только.

Снова удар.

Дверь дрогнула.

С верхней балки посыпалась пыль.

Эйран бросился к шкафу, вытащил топор и мешочек соли. Потом схватил старую храмовую печать — железный круг с дырой посередине. Такие печати вешали на двери, если в доме умирал человек. Они не останавливали мёртвых, но замедляли их.

Иногда.

Он прижал печать к двери.

Снаружи раздалось шипение.

Голос матери стал ниже:

— Не прячься от меня.

Лири подошла к окну и выглянула наружу.

— Они идут.

— Кто?

— Все, кого ты сжёг этой зимой.

Эйран почувствовал, как воздух вышел из лёгких.

За окном в тумане двигались силуэты.

Много.

Слишком много.

Они шли медленно, неровно, будто вспоминали, как пользоваться ногами. Одни были похожи на людей. Другие — только на обугленные тени. Из треснувших тел сыпался пепел. У некоторых вместо лиц были маски из золы. У некоторых — чужие рты.

Все они шли к печному дому.

К нему.

— Почему? — спросил Эйран.

Лира посмотрела на восток.
Полоса рассвета стала шире.
— Потому что ночь закончилась, — сказала она. — А ты разбудил то, что должно было спать ещё тысячу лет.
Эйран хотел ответить, но вдруг почувствовал боль в левой ладони.
Резкую.
Жгучую.
Он разжал пальцы.
На коже проступал знак.
Круг.
Луч.
Первое Солнце.
Такой же, как у Леры.
Только его знак светился изнутри.
Дверь треснула.
Голос матери прошептал уже не снаружи, а прямо у него в голове:
— Я же говорила тебе, сынок. Не смотри на солнце после заката.
И в этот миг Эйран вспомнил то, чего не помнил всю жизнь.
Он был ребёнком.
Ночь.
Поле за деревней.
Мать держит его за плечи так сильно, что больно.
Над лесом висит не луна.
Не звезда.
Чёрное солнце.
А внутри солнца кто-то открывает глаза.
Дверь сорвалась с петель.
И мёртвые вошли.

Глава 2. Девушка из пепла

Дверь упала внутрь.

Не распахнулась. Не сломалась. Именно упала — тяжело, глухо, как тело, сброшенное с телеги.

В проёме стояли мёртвые.

Эйран увидел их всех сразу, но разум не успел собрать их в одну картину. Сначала — босые ноги на пороге. Потом — серый пепел, осыпаящийся с голеней. Потом — лица. Знакомые лица. Те самые, которые он видел на каменной плите перед печью. Те самые, которым сам закрывал глаза. Те самые, чьи имена были написаны на глиняных кувшинах.

Старуха Марна, умершая от кашля в конце зимы.

Мальчик Орит, которого вытащили из реки.

Охотник Сев, разорванный северным зверем.

И Халвен.

Старик Халвен стоял первым. Его кожа была чёрной и потрескавшейся. Из трещин сыпался пепел. Голова висела набок, как у куклы с оборванной нитью. Но он двигался. Медленно, неровно, будто кто-то внутри него учился управлять чужими костями.

Он открыл рот.

— Эйран, — сказал голос матери.

Лира схватила Эйрана за рукав.

— Не слушай.

Эйран хотел ответить, но горло сжалось. Он смотрел на Халвена и слышал не старика. Слышал женщину, которая семь лет назад гладила его по волосам, пока жар печи пожирал её тело. Слышал мать.

— Сынок, — произнёс мёртвый. — Ты же не оставишь меня за дверью?

Эйран поднял топор.

Руки дрожали так сильно, что лезвие ходило в воздухе.

— Это не ты, — сказал он.

Халвен улыбнулся.

Не своим ртом.

— А ты уверен?

Позади старика зашевелились другие. Они не бросались внутрь. Стояли у порога, будто ждали разрешения. И от этого было хуже. Мёртвые не должны ждать. Они не должны думать. Они должны быть пустыми.

А эти смотрели.

Эйран сделал шаг назад.

Лира отпустила его рукав, наклонилась и подняла с пола горсть соли. Её пальцы были грязными, покрытыми золой, но кожа оставалась целой. Без ожогов. Без волдырей. Она только что выбралась из печи, где камень раскалялся докрасна, но выглядела так, будто прошла сквозь холодный туман.

— Солью их не остановить, — сказал Эйран.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Чтобы они вспомнили, что были людьми.

Она швырнула соль в проём.

Крупинки ударили Халвену в грудь.

Старик отшатнулся.

Не сильно. Всего на полшага. Но мёртвые за его спиной зашипели, будто соль попала не на кожу, а на раскалённое железо. Пепел поднялся над ними облаком. На мгновение в воздухе запахло не гарью, а мокрой землёй.

Ли́ра резко повернулась к Эйрану.

— Есть другой выход?

— Задняя дверь.

— Веди.

— Там двор.

— Лучше двор, чем это.

Халвен снова двинулся вперёд.

Эйран ударил топором.

Лезвие вошло в плечо старика с сухим хрустом. Не как в живое тело. Не как в мясо. Скорее как в старое дерево, внутри которого давно завелась гниль. Халвен даже не вскрикнул. Только поднял руку и положил ладонь на топорнице.

Пальцы у него были холодные.

Эйран почувствовал это даже через рукоять.

— Ты похож на отца, — сказал мёртвый голосом матери.

Эйран дёрнул топор, но лезвие застряло.

— У меня не было отца.

Халвен наклонил голову.

— Был.

Ли́ра ударила старика железной печатью по лицу.

Раздался звон.

Не удар плоти о металл, а тонкий, болезненный звон, будто разбилась чаша. Голова Халвена резко ушла в сторону. Из пустых глазниц брызнул пепел. Эйран вырвал топор и потащил Ли́ру к задней стене.

Печной дом стонал.

Снаружи били колокола. Кричали люди. Лаяли собаки. Где-то недалеко плакал ребёнок. Но сквозь все звуки Эйран слышал другое — тихое шуршание, будто тысячи сухих пальцев царапали дерево.

Мёртвые входили.

Эйран распахнул заднюю дверь.

Двор за печным домом тонул в сером предрассветном свете. Там стояли пустые телеги, бочки с маслом, связки дров и длинный навес для тел, которые привозили зимой, когда земля промерзала так, что колёса не могли пройти к печи.

Сегодня под навесом было пусто.

Почти.

У дальнего столба стояла женщина в длинной ночной рубахе. Живая. Эйран узнал её — вдова мельника, Сайра. Она прижимала к груди маленькую девочку и смотрела на печной дом так, будто увидела, как сама смерть вышла погулять по деревне.

— Эйран? — прошептала она.

— В дом! — крикнул он. — Запри дверь!

Сайра не двинулась.

Её взгляд упал на Ли́ру.

На грязное платье.

На босые ноги.

На белое лицо.

На то, что девушка стояла живая, хотя час назад её привезли мёртвой.

— Это она? — голос Сайры сорвался. — Та, с дороги?

Лира опустила глаза.

Сайра попятилась.

— Милостивое Солнце...

— Уходи! — рявкнул Эйран.

Сайра вздрогнула, прижала дочь крепче и побежала к ближайшему дому.

Из печного дома донёлся треск. Мёртвые ломали внутреннюю перегородку. Их было слишком много. И с каждой секундой становилось больше. Эйран не понимал, как это возможно. Он сжигал тела. Сжигал до пепла. Проверял кости. Запечатывал кувшины. Делал всё по правилам.

Но правила умерли раньше людей.

— Куда? — спросила Лира.

Эйран посмотрел на восток.

Рассвет почти поднялся.

Над лесом светлела тонкая полоса. Обычно этот свет был спасением. После рассвета вторая душа слабела. Мёртвые становились пустыми, медленными, слепыми. Люди открывали двери. Дети снова выходили во двор.

Но сегодня он боялся утра сильнее ночи.

Потому что Лира сказала: ночь закончилась, и что-то проснулось.

— К храму, — сказал он.

Лира резко повернулась.

— Нет.

— Там колокол. Там люди. Там жрецы знают, что делать.

— Жрецы первыми тебя убьют.

— Меня?

Она схватила его за левую руку.

Знак на ладони всё ещё светился.

Круг и лучи. Чёткий, белый свет под кожей. Не боль уже — жар. Будто кто-то вложил ему в ладонь крошечный уголёк, который не сгорал и не гас.

Эйран попытался закрыть знак пальцами.

— Что это?

— Приговор.

— Объясни нормально.

Лира посмотрела на дверь печного дома. Изнутри уже тянулись руки.

— Потом.

— Нет. Сейчас.

— Если я начну объяснять сейчас, ты умрёшь с ответами. Беги.

Она рванулась к задним воротам.

Эйран хотел пойти за ней, но услышал крик.

На площади люди высыпали из домов. Кто-то держал вилы. Кто-то топор. Кто-то просто свечу, как будто маленький огонь мог защитить от того, что шло из тумана. Возле колодца всё ещё стоял мальчик-звонарь. Он уже не бил в колокол. Он сидел на земле и смотрел на собственные руки.

Перед ним лежал мёртвый Халвен.

Нет.

Не лежал.

Полз.

После удара Лирой его шея была вывернута, плечо разворочено топором, одна нога подломилась. Но он полз по площади на локтях и оставлял за собой серый след.

Люди кричали.

Староста Варгис стоял у храмовых ступеней в ночной рубахе и меховой накидке. Его лицо было красным, злым и испуганным. Рядом с ним — жрец Талмор, худой человек с выбритой головой и серебряным знаком Второго Солнца на груди.

Талмор первым увидел Эйрана.

Потом Лиру.

Потом свет на руке Эйрана.

И страх на его лице стал чем-то другим.

Не ужасом.

Узнаванием.

— Сжигатель! — крикнул жрец.

Все повернулись.

Эйран ощутил, как деревня смотрит на него. Ещё ночью он был своим. Нужным, неприятным, но своим. Тем, кого сторонились на рынке, потому что от одежды пахло дымом и смертью. Тем, кому не улыбались девушки. Тем, кого приглашали только туда, где кто-то умер.

Теперь он стал чужим.

Потому что рядом с ним стояла ожившая мёртвая девушка.

Потому что из печного дома выходили те, кого он обязан был превратить в пепел.

Потому что на его ладони светился запрещённый знак.

— Держите его! — закричал Талмор. — Он отмечен!

Толпа не сразу поняла.

А потом кто-то сказал:

— Солнечная кровь.

Эти два слова прошли по людям, как искра по сухой соломе.

— Нет, — сказал Эйран, хотя никто его не слушал.

Варгис поднял руку.

— Эйран! Стой на месте!

Лира дёрнула его к воротам.

— Теперь точно беги.

Из печного дома вывалился первый мертвец. Потом второй. Потом сразу трое. Они падали на землю, поднимались, ломались, снова вставали. Их вели не мышцы. Что-то другое держало их на ногах. Что-то, что не знало боли.

Толпа отступила.

Жрец Талмор вытянул из-под рясы длинный серебряный нож.

— Сжигатель открыл мёртвым дорогу! — крикнул он. — Он принёс в Вереск старый огонь!

— Я ничего не открывал! — крикнул Эйран.

— Тогда покажи руку!

Эйран сжал кулак.

Этого хватило.

Люди увидели.

И поверили жрецу.

Первым в него бросили камень. Не сильно. Камень ударил в плечо и отскочил. Потом второй — в землю у ног Лир. Потом кто-то схватил вилы.

Эйран вдруг понял простую вещь: мёртвые у него за спиной были не единственной опасностью.

Живые тоже хотели его смерти.

— Через двор! — сказала Лира.

Они бросились к задним воротам.

За ними закричали. Кто-то побежал следом. Где-то хлопнули двери. Лаяли собаки. Колокол снова ударил — один раз, криво, будто мальчик-звонарь случайно задел верёвку.

Эйран и Лира вылетели за ворота на узкую тропу между огородами. Земля была мокрой от ночного тумана. Лира споткнулась, едва не упала, но Эйран подхватил её за локоть.

— Ты можешь бежать?

— Я умерла, а потом проснулась в печи, — выдохнула она. — Как думаешь?

— Это значит нет?

— Это значит не задавай глупых вопросов.

Они побежали.

Тропа вела к старому оврагу, а оттуда — к северному лесу. Эйран знал все короткие пути вокруг Вереска. В детстве он прятался здесь от деревенских мальчишек, которые называли его пепельным сыном. Позже ходил сюда за сухими ветками, когда старый сжигатель, мастер Орвен, ещё был жив и бил его по пальцам за каждую ошибку.

“Сжигатель должен знать три дороги, — говорил Орвен. — Дорогу к печи. Дорогу от печи. И дорогу, по которой бежать, если печь не справилась.”

Тогда Эйран думал, что старик шутит.

Теперь понял — нет.

Позади раздался топот.

Он оглянулся.

По тропе бежали трое мужчин. Двое с вилами, один с охотничьим луком. За ними — жрец Талмор, поднявший серебряный нож так, будто это был не нож, а священное знамя.

А дальше, из-за домов, медленно выходили мёртвые.

Они не гнались.

Они просто шли.

И это было страшнее.

Эйран толкнул Лиру к оврагу.

— Вниз!

Они скатились по влажной глине, сбивая траву и камни. Лира ударилась плечом, но не вскрикнула. Только стиснула зубы и поднялась. Эйран хотел спросить, цела ли она, но сверху свистнула стрела.

Она вонзилась в землю между ними.

— Стой! — крикнул охотник. — Иначе следующая в спину!

Эйран поднял голову.

На краю оврага стоял Нерс, сын кузнеца. Когда-то они вместе ловили рыбу в ручье. Потом Нерс вырос широким, громким и уверенным, а Эйран остался тем, кто пахнет печью. Они почти не разговаривали последние годы.

Теперь Нерс держал на него лук.

— Не делай этого, — сказал Эйран.

— Покажи руку!

— Нерс...

— Покажи!

Эйран медленно поднял левую ладонь.

Знак светился ярче.

Нерс побледнел.

— Боги...

— Я не знаю, что это.

— Врёшь.

— Я правда не знаю.

Нерс перевёл взгляд на Лиру.

— А она?

Ли́ра молчала.

— Она мёртвая? — спросил Нерс.

— Нет.

— Я видел, как её привезли.

— Я тоже.

Нерс натянул тетиву.

— Жрец сказал, таких надо жечь.

Ли́ра тихо усмехнулась.

— Уже пробовали.

Эйран бросил на неё злой взгляд.

— Не помогает.

— Ты сейчас шутишь?

— Я нервничаю.

Сверху появился Талмор.

— Нерс! Не говори с ними. Стреляй в девушку. Сжигателя брать живым.

Эйран застыл.

Живым?

Ли́ра услышала тоже.

— Видишь? — прошептала она. — Я же сказала.

Нерс колебался.

Он был не убийцей. Охотником — да. Драчуном — да. Но не убийцей. Не тем, кто стреляет в девушку, стоящую по колено в овражной грязи.

Талмор понял это.

— Она не человек! — крикнул жрец. — Это сосуд старого огня!

Ли́ра вдруг подняла голову.

— А ты всё ещё служишь пеплу, Талмор?

Жрец замолчал.

На его лице мелькнуло что-то такое, от чего Эйрану стало холодно.

Он её знал.

Не просто знал о таких, как она.

Знал её.

— Закрой рот, — сказал Талмор.

Ли́ра улыбнулась. Устало, зло.

— Ты постарел.

Нерс перевёл взгляд с неё на жреца.

— Отец Талмор?

— Стреляй!

В эту секунду из тумана сверху вышел Халвен.

Нерс не видел его. Жрец видел, но слишком поздно.

Старик схватил охотника за ногу.

Нерс закричал и выстрелил.

Стрела ушла в сторону, ударила в глинистый склон рядом с лицом Эйрана. Талмор отскочил, замахнулся серебряным ножом и ударил Халвена в шею. Лезвие вспыхнуло белым светом. Мёртвый старик задёргался, открыл рот, но из него вырвался не крик — сразу несколько голосов.

Детский.

Женский.

Мужской.

И голос матери Эйрана:

— Беги.

Эйран не стал ждать второго раза.

Он схватил Лиру за руку и потащил вниз по оврагу.

Они бежали по узкому дну, где текла грязная вода. Корни цеплялись за ноги. Ветки били по лицу. Лира тяжело дышала. Эйран слышал за спиной крики, шум борьбы, хрип мёртвого Халвена, молитвы Талмора.

Потом всё заглушил лес.

Северный лес начинался сразу за оврагом.

Жители Вереска не любили ходить туда даже днём. Деревья там были слишком старые, слишком кривые. Считалось, что их корни пьют из могил старого города, которого давно нет на картах. Эйран не верил в сказки. Но сейчас, когда они с Лирой вбежали под чёрные ветви, ему показалось, что лес не пустил их, а проглотил.

Звуки деревни сразу стали глуше.

Колокол — далёким.

Крики — чужими.

Собственное дыхание — слишком громким.

Они остановились только у сухого ручья, когда ноги уже не держали. Лира опустилась на камень и прижала руку к боку. Эйран упёрся ладонями в колени и несколько раз попытался вдохнуть так, чтобы не закашляться.

Молчали долго.

Потом он сказал:

— Ты знала жреца.

— Да.

— Откуда?

— Из прошлой жизни.

— Это шутка?

Она подняла на него глаза.

— Нет.

Эйран выпрямился.

Теперь, когда они были не в огне, не в толпе, не среди мёртвых, он впервые смог рассмотреть её по-настоящему.

Лира была не похожа на деревенских девушек. Не только лицом, одеждой или осанкой. В ней была странная неподвижность. Как у человека, который привык не выдавать боль. Как у того, кто видел слишком много и давно решил, что удивляться больше нечему.

Но сейчас она дрожала.

Не от холода.

От слабости.

— Ты правда умерла? — спросил Эйран.

— Да.

— Когда?

Лира посмотрела на свои ладони.

— Я не знаю, сколько прошло.

— Как это?

— Последнее, что я помню, — зал с чёрным полом. Люди в серебряных масках. Талмор был там. Молодой. Испуганный. Он держал чашу и не мог смотреть мне в глаза.

Эйран молчал.

— Потом был нож, — сказала Лира. — Потом огонь. Потом темнота. А потом твоя печь.

— Сколько тебе лет?

Она усмехнулась.

— Сейчас или тогда?

Эйран не ответил.

Лес вокруг них шевелился от ветра. Где-то далеко хрустнула ветка. Он сразу поднял топор.

Лира покачала головой.

— Это не они.

— Откуда знаешь?

— Мёртвые идут тише.

Эйран сел на поваленное дерево напротив неё. Рука всё ещё горела. Он раскрыл ладонь. Знак стал бледнее, но не исчез. Круг и лучи были словно выжжены изнутри.

— Что со мной?

Лира долго молчала.

— Ты носитель.

— Чего?

— Осколка Первого Солнца.

Эйран тихо рассмеялся.

Смех вышел плохой. Сломанный.

— Первое Солнце — сказка для детей.

— Нет.

— Его не было.

— Было.

— Старые жрецы говорят, что это ересь.

— Старые жрецы много чего говорят, чтобы не вспоминать, кого они закопали под своими храмами.

Эйран сжал кулак.

— Я обычный человек.

— Был бы обычным, печь приняла бы меня.

— При чём тут я?

— Я проснулась от твоей крови.

Эти слова повисли между ними.

Где-то в глубине леса закричала птица.

Эйран поднялся.

— Нет.

— Эйран...

— Нет. Ты ошиблась. Тело не горело из-за тебя. Мёртвые встали из-за тебя. Жрец хотел убить тебя.

— А тебя взять живым.

Он замолчал.

Лира говорила тихо, но каждое слово попадало точно.

— Подумай. Если бы ты был просто сжигателем, Талмор приказал бы убить нас обоих.

Но тебя он хочет живым.

— Почему?

— Потому что носителей не убивают сразу. Сначала из них вытаскивают солнце.

Эйран почувствовал тошноту.

— Что значит вытаскивают?

Лира отвела взгляд.

— Лучше тебе не знать.

— Это уже не ответ.

— Это единственный ответ, который ты сейчас выдержишь.

Он шагнул к ней.

— Ты говоришь так, будто знаешь меня.

— Я знаю таких, как ты.

— Таких, как я, не существует.

— Теперь существует.

Эйран отвернулся. Хотел ударить кулаком по дереву, но сдержался. Не из спокойствия — просто боялся, что знак вспыхнет снова. Он уже боялся собственной руки. Собственной крови. Собственного тела.

Всё, что он знал о себе, рассыпалось быстрее, чем кувшин Халвена. Мать. Кольцо. Запрет смотреть на небо после заката. Чёрное солнце из внезапного воспоминания.

Он резко повернулся к Лире.

— Моя мать знала?

Лири не ответила сразу.

И этого хватило.

— Знала, — сказал он.

— Возможно.

— Невозможно. Знала.

— Да.

Эйран медленно сел обратно.

Мать лгала ему всю жизнь.

Или защищала?

Он пока не понимал разницы.

Из-за деревьев донёсся слабый звук.

Колокола больше не били.

Это было хуже.

Если колокол молчит, значит либо опасность ушла, либо некому звонить.

Эйран поднял голову.

— Нам надо вернуться.

Лири посмотрела на него так, будто он предложил лечь обратно в печь.

— Нет.

— Там люди.

— Там люди, которые только что пытались тебя убить.

— Там моя деревня.

— Уже нет.

Он схватил её за плечо.

— Не говори так.

Лири не отстранилась. Только посмотрела на его руку.

— Чем дальше ты рядом с Вереском, тем больше мёртвых будет идти туда. То, что проснулось, чувствует тебя. Через пепел. Через тех, кого ты сжёг. Через память твоей матери. Если вернёшься, приведёшь его к каждому дому.

Эйран отпустил её.

Слова были жестокими.

Но в них была логика.

Проклятая, невозможная, страшная логика.

— Куда идти? — спросил он.

— В Арквел.

— Город без теней?

Она кивнула.

Эйран знал это название. Все знали. Арквел стоял в трёх днях пути на восток, у старой каменной дороги. Туда возили шерсть, соль, железные гвозди и людей, которым в деревнях становилось слишком тесно. Говорили, что в Арквеле даже днём не бывает настоящих теней, потому что город построен на костях древнего храма.

— Почему туда?

— Там есть архив.

— Чей?

— Ордена Пепла.

Эйран снова усмехнулся.

— Великолепно. Нас ищет Орден, и мы идём в архив Ордена.

— Именно поэтому там будут ответы.

— И смерть.

— Смерть уже нашла нас в Вереске.

Он не нашёл, что ответить.

Лира поднялась. Сделала шаг и пошатнулась. Эйран машинально подхватил её.

— Ты еле стоишь.

— Пройдёт.

— Ты не дойдёшь до Арквела.

— Тогда донесёшь.

— Ты всегда такая наглая?

— Я только проснулась. У меня есть оправдание.

На мгновение Эйран почти улыбнулся.

Почти.

Потом из леса донёлся другой звук.

Не птица.

Не ветка.

Лошади.

Эйран пригнулся и потянул Лиру за собой за ствол упавшей сосны. Через несколько ударов сердца между деревьями показались всадники.

Их было пятеро.

Они двигались без спешки, уверенно, будто знали, куда идти. На них были тёмные плащи, застёгнутые у горла серебряными пряжками. Лица скрывали низкие капюшоны. У каждого на груди висел маленький знак — круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Эйран не видел этот знак раньше.

Но понял, кто они.

Лира побледнела.

— Орден Пепла, — прошептала она.

Всадники остановились у сухого ручья.

Один спешил. Высокий, широкий в плечах. Он снял перчатку и коснулся земли двумя пальцами. Потом поднял руку к лицу, будто нюхал грязь.

— Здесь были двое, — сказал он.

Голос был спокойный.

Слишком спокойный.

— Один отмечен.

Другой всадник повернул голову в сторону упавшей сосны.

Эйран перестал дышать.

Лира медленно положила ладонь ему на запястье. Не чтобы удержать. Чтобы предупредить.

Высокий всадник сделал шаг.

Потом ещё один.

Эйран сжал топор.

Он понимал, что против пятерых на лошадях, с мечами и орденскими печатями, у него нет шансов. Но тело всё равно готовилось драться. Глупое тело. Живое. Упрямое.

И тут из чащи справа раздался голос:

— Эй! Пепельные морды!

Всадники резко обернулись.

На камне у ручья стоял худой парень в зелёном плаще. Рыжие волосы торчали во все стороны. В одной руке он держал мешок, в другой — чужую серебряную пряжку.

— Это ваше? — спросил он.

Один из орденцев хлопнул себя по груди.

Пряжки не было.

Рыжий улыбнулся.

— Забирайте.

Он швырнул пряжку в кусты и бросился бежать.

Трое всадников сорвались за ним.

Высокий остался.

Остался и ещё один — с арбалетом.

Лира прошептала:

— Сейчас.

— Что?

— Бежим.

— А кто это?

— Потом.

— Ты всех знаешь?

— К сожалению.

Они рванули в противоположную сторону.

Арбалет щёлкнул.

Болт ударил в дерево рядом с головой Эйрана. Кора брызнула в лицо. Он пригнулся, потащил Лиру через сухой ручей, вверх по склону, между чёрных елей. За спиной закричала лошадь. Кто-то выругался.

Рыжий парень где-то вдалеке весело завопил:

— Медленно скачете, господа пепельники!

Эйран не знал, кто он такой.

Но был готов поставить свечу за его здоровье.

Они бежали, пока лёгкие не начали гореть. Лес становился гуще. Под ногами появились старые камни — остатки дороги, давно проглоченной корнями. Между деревьями мелькали серые глыбы, похожие на обломки стен.

Старый город.

Тот самый, о котором рассказывали детям, чтобы они не уходили далеко от деревни.

Лира вдруг остановилась.

— Сюда.

Она свернула к провалу между двумя каменными плитами.

— Ты уверена?

— Нет.

— Отлично.

Они протиснулись внутрь.

За плитами оказался узкий проход, ведущий вниз. Каменные ступени уходили в темноту. Воздух пах сыростью, железом и чем-то древним. На стенах едва виднелись вырезанные знаки — круги, линии, лучи.

Эйран поднял ладонь.

Знак на коже вспыхнул слабым белым светом.

И все символы на стенах ответили.

Они загорелись один за другим, уходя вниз по лестнице.

Лира смотрела на них широко раскрытыми глазами.

— Что? — спросил Эйран.

— Эти двери не открывались тысячу лет.

Снаружи, где-то наверху, слышались шаги.

Орденцы приближались.

Эйран посмотрел вниз.

Потом на Лиру.

Потом на светящийся знак в своей ладони.

— Значит, — сказал он, — самое время узнать, что за ними.

Они спустились в темноту.

А за их спинами древняя каменная дверь закрылась сама.

Глава 3. Мёртвые колокола

Каменная дверь закрылась без звука.

Это было хуже, чем если бы она грохнула.

Эйран стоял в темноте и слушал, как за спиной исчезает мир. Только что там был лес, крики, лошади, Орден Пепла, утро, которое должно было спасти людей от ночи. Теперь остались только узкие ступени, запах сырости и белый свет, исходящий из его левой ладони.

Лира тяжело дышала рядом.

— Она сама закрылась, — сказал Эйран.

— Я заметила.

— Двери не должны сами закрываться.

— Мёртвые тоже не должны ходить по деревне.

Он хотел ответить, но не нашёл слов.

Стены вокруг них были слишком близко. Камень мокрый, тёмный, покрытый старыми вырезанными знаками. Белый свет от ладони Эйрана скользил по ним, и символы будто просыпались один за другим. Круги. Лучи. Линии, похожие на языки пламени. Глаза, вписанные в солнце.

Эйрану не нравились эти глаза.

Они смотрели слишком внимательно.

Снаружи послышался удар.

Потом второй.

Глухо. Далеко. Словно кто-то бил по камню чем-то тяжёлым.

Орденцы нашли дверь.

Лира опёрлась ладонью о стену.

— Нам нельзя стоять.

— Куда идти? Вниз?

— Другой дороги нет.

Эйран посмотрел на ступени. Они уходили в чёрный провал. Старые, скользкие, неровные. Казалось, ими не пользовались сотни лет. А может, наоборот, пользовались слишком часто — только не люди.

— Ты знаешь это место?

— Нет.

— Но дверь открылась для тебя.

Лира посмотрела на его ладонь.

— Не для меня.

Эйран сжал кулак. Свет стал слабее, но не исчез. Он просачивался между пальцами, как вода сквозь треснутый сосуд.

— Перестань смотреть.

— Тебе придётся привыкнуть.

— К тому, что моя рука светится, когда мы лезем в древнюю могилу?

— Да.

— Чудесно.

Снаружи снова ударили. На этот раз камень под ногами дрогнул.

Лира пошла первой.

Эйран задержался на мгновение, посмотрел на закрытую дверь и вдруг подумал о Вереске. О Сайре с дочерью. О мальчишке-звонаре. О людях, которые ещё час назад были его соседями, а потом бросали в него камни. О мёртвых, которые вышли из печного дома и пошли по улицам.

Он должен был быть там.
С топором. С солью. С печатями. С огнём.
Он был сжигателем мёртвых.
Его дело — не убегать от них.
— Эйран, — позвала Лира.
— Если мёртвые добрались до домов...
— Ты ничем бы не помог.
— Я не спрашивал.
— Я отвечаю на то, о чём ты думаешь.
Он резко повернулся.
— Не делай так.
— Как?
— Не говори так, будто знаешь, что у меня в голове.
Лира помолчала.
— У тебя на лице написано.
Это было ещё хуже.
Эйран пошёл за ней.

Ступени спускались долго. Слишком долго для простого погреба, слишком ровно для природной пещеры. Это был ход, вырубленный руками. Когда-то здесь работали люди. Или те, кого люди называли людьми только потому, что не знали другого слова.

Чем глубже они спускались, тем теплее становился воздух.

Это было неправильно. Под землёй должно быть холодно. Здесь же камень будто хранил слабый жар. Не огонь — память об огне. Такой жар остаётся в печи утром, когда пламя уже умерло, но угли ещё краснеют под пеплом.

Эйран знал этот жар.
Он сопровождал его всю жизнь.
Снаружи удары по двери стали глуше. Потом исчезли.
На какое-то время остались только их шаги.
Кап.
Кап.
Кап.
Где-то падала вода.
Лира остановилась.
— Слышишь?
Эйран прислушался.
Сначала ничего.
Потом — очень далеко — тонкий звон.
Один удар.
Пауза.
Второй.
Пауза.
Третий.
Он похолодел.
— Колокол.
Лира кивнула.
— Но мы под землёй.
— Я знаю.
— Это из Вереска?
Она не ответила.

Звон повторился. Медленный, глухой, будто колокол висел не в воздухе, а в воде. Каждый удар проходил через камень, через грудь, через кости. Не громко, но глубоко.

Эйран понял, что слышит его не ушами.

Колокол звонил внутри тела.

— В Вереске только один колокол, — сказал он. — На площади. Он так не звучит.

— Значит, это не Вереск.

— А что?

Лира посмотрела вниз, туда, где ступени терялись в темноте.

— Предупреждение.

— Кому?

— Тем, кто построил это место.

— Их давно нет.

Снизу донёсся ещё один удар.

На этот раз ближе.

Лира тихо сказала:

— Не уверена.

Они пошли дальше.

Эйран крепче сжал топор. Он понимал, что топор мало поможет против древних дверей, оживших пепельников и всадников Ордена. Но рукоять в руке давала хотя бы ложь, в которую можно было верить. Пока держишь оружие, ты ещё не совсем жертва.

Ступени закончились круглой площадкой.

Перед ними открылся зал.

Не большой, но высокий. Потолок терялся во мраке. По стенам стояли каменные чаши, пустые и чёрные внутри. В центре зала находился колодец, но без воды. Его края были обложены белым камнем, который светился слабее ладони Эйрана.

На дальней стене была фреска.

Не красивая. Не такая, какие рисуют в храмах для праздников. Эта была грубой, древней, почти злой. На ней изображались два солнца.

Одно — обычное, золотое, с ровными лучами.

Второе — чёрное, с белым кругом внутри.

Между ними стояли люди. Одни поднимали руки к золотому солнцу. Другие — к чёрному. А внизу, под ногами людей, были нарисованы мёртвые. Их тела лежали рядами, но из каждого поднималась вторая фигура — тонкая, тёмная, похожая на дым.

Эйран подошёл ближе.

— Вторая душа, — прошептал он.

Лира встала рядом.

— Так её называют теперь.

— А раньше?

— Остаток.

— Остаток чего?

— Того, что не успело умереть.

Эйран провёл пальцами по нижней части фрески. Камень был тёплым.

— В храме говорили, что вторая душа — наказание за грехи.

Лира усмехнулась.

— В храме удобно всё объяснять грехами. Не надо говорить людям правду.

— И какая правда?

Она посмотрела на фреску.

— Когда Первое Солнце погасло, смерть сломалась.

Эйран медленно повернул голову.

— Смерть не может сломаться.

— Может. Всё может сломаться, если сначала заставить его работать не так, как оно создано.

— Ты говоришь загадками.

— Я говорю то, что помню.

— А помнишь ты мало.

Ли́ра ничего не ответила.

Он пожалел о словах сразу, но извиняться не стал. Внутри него кипело слишком много всего: страх, злость, вина, усталость. И ещё что-то — тихое, липкое ощущение, что вся его жизнь была построена вокруг лжи, а теперь эта ложь начала трескаться.

Он снова посмотрел на фреску.

Под двумя солнцами был изображён человек с кругом на ладони.

Эйран поднял свою руку.

Знак совпадал.

Линия к линии.

Луч к лучу.

— Это носитель? — спросил он.

Ли́ра кивнула.

— Один из первых.

— Что они делали?

— Держали дверь закрытой.

— Какую дверь?

Снизу ударил колокол.

Зал дрогнул.

Из пустых каменных чаш по стенам поднялась пыль. Не просто пыль — белая, лёгкая, похожая на пепел. Она закружилась в воздухе и стала собираться над колодцем.

Эйран отступил.

— Это ты сделала?

— Нет.

— Тогда что происходит?

Пепел над колодцем сгустился.

Сначала облако. Потом столб. Потом — очертания головы и плеч.

Ли́ра схватила Эйрана за руку.

— Не говори с ним.

— С кем?

Пепел собрался в фигуру человека.

Без лица.

Без глаз.

Только силуэт в длинной одежде, развевающейся без ветра. Он не стоял на полу, а висел над пустым колодцем. Его тело постоянно рассыпалось и собиралось снова.

Эйран поднял топор.

— Это мёртвый?

Ли́ра прошептала:

— Это память.

Фигура повернулась к ним.

И заговорила.

Голос был сухой, как страницы старой книги.

— Носитель вернулся.

Эйран почувствовал, как знак на ладони вспыхнул болью.

— Кто ты?
Лира сжала его руку сильнее.
— Я сказала, не говори.
Но было поздно.
Пепельная фигура наклонила голову.
— Кровь отвечает. Значит, печать треснула.
— Какая печать?
— Печать рассвета. Печать костей. Печать, положенная на дверь, за которой спит первый жар.
Эйран ничего не понял.
И понял всё сразу.
Это место знало его.
Не его имя. Не лицо. А то, что было внутри крови.
— Я не возвращался, — сказал он. — Я вообще не знаю, где нахожусь.
Пепельная фигура стала выше.
— Носители всегда говорят, что не знают. Потом открывают двери.
— Я не собираюсь ничего открывать.
— Уже открыл.
Лира шагнула вперёд.
— Он не виноват.
Фигура повернулась к ней.
В зале стало тише.
Даже капли воды перестали падать.
— Сосуд, — произнесла память.
Лира побледнела.
Эйран заметил, как она перестала дышать.
— Ты знаешь её? — спросил он.
Фигура медленно опустилась ниже.
— Девятая. Сожжённая. Возвращённая. Неполная.
Лира отступила на шаг.
Эйран посмотрел на неё.
— Девятая?
— Молчи, — сказала она, но голос дрогнул.
Память продолжила:
— Сосуд не должен ходить. Сосуд должен лежать под пеплом. Сосуд должен ждать носителя. Сосуд должен открыть путь.
— Я не сосуд, — тихо сказала Лира.
Пепельная фигура рассыпалась на мгновение, потом собралась снова.
— Все сосуды говорят так перед тем, как вспомнить.
Эйран шагнул между ними.
— Хватит.
Фигура повернулась к нему.
— Носитель защищает сосуд. Значит, первая связка восстановлена.
— Я никого не защищаю.
Лира за его спиной тихо сказала:
— Защищаешь.
— Не сейчас.
Пепельная память подняла руку. Из белого пепла вытянулся тонкий палец и указал на фреску.

Там, где раньше были два солнца, теперь проступали новые линии. Камень менялся прямо на глазах. Под изображением носителя появлялась дорога. Семь кругов. Семь дверей. В конце — корона.

Пепельная Корона.

Эйран почему-то сразу понял, что это она.

Хотя никогда не видел этот знак.

Никогда о нём не слышал.

Никогда не должен был знать.

— Что это? — спросил он.

— То, что ищут живые, — сказала память. — То, что боятся мёртвые. То, что спрятали под городом без теней.

Лира резко подняла голову.

— Арквел.

— Первая дверь там, где тени умерли.

Эйран смотрел на фреску. Семь дверей. Семь кругов. Дорога. Корона.

Это больше не было просто бегством.

У них появилась цель.

И от этого стало ещё страшнее.

— Почему я? — спросил он.

Пепельная фигура приблизилась.

— Потому что тебя сберегли.

— Кто?

— Мать.

Мир внутри Эйрана остановился.

Он забыл про Орден. Про Лиру. Про колокол. Про подземный зал.

Осталось только одно слово.

Мать.

— Ты знал её?

— Память знает всех, кто приносил кровь к печати.

Эйран почувствовал, как холод прошёл от затылка к спине.

— Что она сделала?

Фигура молчала.

— Что она сделала? — повторил он громче.

Пепел закружился быстрее.

— Она украла рассвет.

Эйран не понял.

— Нет. Она была травницей.

— Она была ключницей последнего огня.

— Нет.

— Она закрыла то, что ты откроешь.

— Нет!

Свет в его ладони вспыхнул так ярко, что Лира отступила.

Каменные чаши по стенам одновременно загорелись белым пламенем.

Не красным.

Не жёлтым.

Белым.

Холодным.

Пламя поднялось без дыма. Оно не грело. Наоборот, воздух стал ледяным. Эйран смотрел на свою руку и не мог остановить свет. Он не знал как. Он не знал, что делает. Он вообще не хотел ничего делать.

Он просто хотел, чтобы все замолчали.

О матери.

О крови.

О носителях.

О том, что вся его жизнь была не жизнью, а спрятанным ножом, который кто-то держал за спиной.

— Эйран, — сказала Лира. — Успокойся.

— Не говори мне, что делать.

— Огонь слышит тебя.

— Я не звал его!

Белое пламя в чашах вытянулось вверх.

И в нём начали появляться лица.

Эйран увидел старика Халвена. Мальчика Орита. Мать. Нет — не мать. Только её черты, составленные из огня и пепла. Лица появлялись и исчезали, как отражения в бурной воде.

Пепельная память произнесла:

— Носитель не обучен. Носитель опасен.

Лира схватила Эйрана за ладонь обеими руками.

Её кожа была холодной.

— Смотри на меня.

— Отпусти.

— Смотри на меня.

Он хотел вырваться, но её голос вдруг стал жёстким. Не громким — именно жёстким. Как рука на плече перед обрывом.

— Если не остановишь, ты позовёшь сюда всё, что лежит под этим залом.

Эйран посмотрел на неё.

В её глазах был страх.

Не за себя.

За него.

И это почему-то помогло.

Свет начал слабеть.

Белое пламя в чашах осело. Лица исчезли. Воздух снова стал влажным и тяжёлым. Знак на ладони остался, но теперь светился тускло, как уголь под пеплом.

Эйран выдохнул.

Он даже не заметил, что всё это время не дышал.

Лира медленно отпустила его руку.

— Что это было? — спросил он.

— Первый отклик.

— Что значит первый?

— Значит, следующий будет сильнее.

— А потом?

Она отвела взгляд.

— Потом ты либо научишься управлять огнём, либо он начнёт управлять тобой.

Пепельная память снова поднялась над колодцем.

Теперь её силуэт стал слабее.

— Первая дверь ждёт. Город без теней. Архив под серебряной башней. Ищи имя матери. Ищи девятую смерть. Ищи того, кто носит маску без лица.

— Маску без лица? — переспросил Эйран.
Но память уже рассыпалась.
Пепел упал в пустой колодец.
Снизу донёлся звон.
Один удар.
Потом второй.
Потом третий.
Колокол больше не был далёким.
Он звучал прямо под ними.
Лира подошла к краю колодца и посмотрела вниз.
— Нам надо уходить.
— Вниз?
— Нет. Отсюда.
— А если там выход?
— Там не выход.
Эйран подошёл к ней.

Колодец уходил во тьму. Глубоко. Так глубоко, что свет его ладони не доставал до дна. Но где-то внизу что-то двигалось. Не тело. Не тень. Скорее сама темнота стала гуще и начала подниматься.

Снизу пришёл запах.
Гарь.
Сырая земля.
И старые кости.
Эйран отступил.
— Что там?
Лира прошептала:
— То, что слушает колокола.
Сверху вдруг раздался удар.
Не колокол.
Камень.
Потом ещё один.
Глухой треск прокатился по лестнице, по стенам, по залу.
Орденцы пробивали дверь.
— Они всё-таки вошли, — сказал Эйран.
— Они всегда входят.
— Ты говоришь так, будто тебя уже ловили.

Лира не ответила.
Это тоже было ответом.

Они бросились к дальнему проходу, который открылся после того, как фреска изменилась. Раньше Эйран не заметил его — щель между каменными плитами, слишком узкая для двери, слишком ровная для трещины. Теперь по краям щели горели тонкие белые линии.

Лира прошла первой.
Эйран задержался.
На фреске, где появилась дорога к Пепельной Короне, проступила ещё одна деталь.
Маленькая фигура женщины.
Она стояла перед дверью и держала на руках ребёнка.
Над её головой был вырезан знак.
Не солнце.
Ключ.

Эйран прикоснулся к изображению.
Камень был горячим.
Перед глазами вспыхнуло воспоминание.
Он маленький. Очень маленький.
Мать несёт его через такой же зал.
Вокруг белый огонь.
Кто-то кричит.
Мужской голос:
— Он не переживёт печать!
Голос матери:
— Тогда пусть мир переживёт без вашей лжи.
Потом кровь.
Её кровь.
На его ладони.
На камне.
На двери.
Эйран отдернул руку.
Видение исчезло.
— Эйран! — позвала Лира из прохода.
Сверху донёлся новый звук.
Каменная дверь треснула.
В зал ворвался холодный воздух.
И голоса.
— Свет здесь, — сказал кто-то. — Носитель внизу.

Эйран нырнул в проход.

Они побежали по низкому коридору. Здесь стены были уже не гладкие, а грубые, будто ход прорубали быстро. Под ногами хрустели мелкие кости. Эйран старался не смотреть вниз, но всё равно видел: птичьи черепа, ребра мелких зверей, что-то похожее на детские пальцы.

Лира бежала впереди, держась за стену.

— Ты знала про эти ходы?

— Нет.

— Тогда почему ты так уверенно идёшь?

— Я не иду уверенно. Я просто не паникую вслух.

— Утешила.

Сзади послышался металлический звон.

Орденцы спустились в зал.

— Быстрее, — сказала Лира.

Коридор свернул вправо и вывел их к развилке.

Три прохода.

Левый уходил вниз.

Средний — прямо.

Правый — вверх.

На каждом над аркой был знак. На левом — колокол. На среднем — глаз. На правом — пламя.

Эйран остановился.

— Куда?

Лира посмотрела на знаки.

— Не к колоколу.

Снизу, из левого прохода, донёлся удар.

Близко.

Слишком близко.

Потом шорох.

Как будто что-то большое провело ногтями по камню.

— Согласен, — сказал Эйран.

— Не к глазу.

— Почему?

— Потому что если древние люди рисуют глаз над дверью, они обычно не предлагают посмотреть красивый вид.

— Значит, пламя.

— Значит, пламя.

Они свернули направо.

Подъём был крутым. Воздух становился суше. Где-то впереди тянуло дымом. Не свежим — старым, застрявшим в камнях. Эйрану показалось, что они идут внутри огромной печи, давно заброшенной, но всё ещё помнящей каждое тело.

За спиной крики стали громче.

— Они нашли развилку, — сказал он.

— Тогда надеюсь, они любят глаза.

Снизу раздался человеческий крик.

Короткий.

Оборванный.

Потом тишина.

Эйран и Лира остановились одновременно.

— Один пошёл не туда, — сказала она.

Эйран сглотнул.

— Что в среднем проходе?

— Теперь не хочу знать.

Они пошли дальше.

Через несколько десятков шагов коридор расширился и вывел их в небольшую комнату. Здесь стояли ржавые железные клетки. Пять штук. Пустые. На полу — цепи, старые чаши, обломки костей. В дальней стене была лестница наверх, но её закрывала решётка.

Эйран бросился к ней.

Заперта.

Он дёрнул раз.

Второй.

Решётка даже не шелохнулась.

— Отлично, — сказал он. — Пламя привело нас в клетку.

Лира подошла к одной из железных дверей и провела пальцами по прутьям.

— Это не тюрьма.

— А что?

— Комната ожидания.

— Для кого?

Она посмотрела на цепи.

— Для сосудов.

Эйран обернулся.

— Таких, как ты?

Лира молчала.

Он понял, что снова попал туда, куда не хотел.

— Что значит “девятая”? — спросил он.

— Не сейчас.

— Сейчас.

— Орден за нами.

— Орден всегда будет за нами. Ты сама сказала.

Она резко повернулась.

— Что ты хочешь услышать? Что я не знаю, кто я? Что меня убили до того, как я успела понять почему? Что я помню людей в масках, нож, чашу, огонь и собственный крик, но не помню, была ли у меня семья? Да. Я девятая. Девятая из кого — не знаю. Сосуд чего — не знаю. Почему я проснулась от твоей крови — не знаю.

Её голос сорвался.

Впервые с момента пробуждения она выглядела не загадкой, не ключом, не человеком из старой легенды.

А просто девушкой, которую убили.

И которая проснулась в мире, где убийцы всё ещё живы.

Эйран опустил взгляд.

— Прости.

Лира усмехнулась, но без злости.

— Оставь это слово на потом. Думаю, пригодится.

Снизу слышались шаги.

Медленные.

Осторожные.

Орденцы поднимались к ним.

Эйран посмотрел на решётку.

— Она железная.

— Вижу.

— Железо ломается от огня.

— У нас нет огня.

Он поднял левую руку.

Лира сразу поняла.

— Нет.

— Почему?

— Ты не умеешь.

— Зато умею умирать в тупике.

— Если потеряешь контроль, тупик станет не нашей главной проблемой.

Шаги становились ближе.

Эйран подошёл к решётке и положил ладонь на замок.

Металл был холодный.

Знак на коже вспыхнул.

— Эйран.

— Молчи.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он закрыл глаза.

Огонь в печи он знал. Красный, голодный, грубый. Огонь ел дерево, ткань, волосы, кожу, кости. Его надо было кормить. Надо было держать. Надо было бояться.

Но этот огонь был другим.

Он не жил в дровах.

Он жил под кожей.

Эйран попытался представить печь. Угли. Жар. Дыхание мехов. Вспомнил, как Орвен говорил: “Огонь не любит приказов. Огонь любит путь. Дай ему путь — и он пойдёт.”

Путь.

Не взрыв.

Не пламя.

Только путь.

Из ладони вытекла тонкая белая линия.

Она легла на замок.

Металл зашипел.

Эйран стиснул зубы. Боль прошла по руке до плеча. Казалось, вместе с огнём из него вытягивают что-то ещё. Не кровь. Не силу.

Воспоминание.

На мгновение он забыл запах волос матери.

Запаниковал.

Огонь дёрнулся.

— Спокойно, — сказала Лира. — Дыши.

— Я забываю.

— Что?

— Не знаю.

Это было страшнее.

Он не помнил, что именно потерял.

Замок раскалился добела.

Потом треснул.

Решётка открылась.

Эйран отступил, прижимая ладонь к груди. Свет погас. На коже вокруг знака появились тонкие серые линии, похожие на трещины в золе.

Лира смотрела на него с тревогой.

— Что ты отдал?

— Не знаю.

— Эйран...

— Потом.

Снизу показался первый орденец.

Высокий. Тот самый, что трогал землю у ручья. В руке он держал длинный меч с серебряной полосой по лезвию. За ним шёл второй — с арбалетом.

Высокий остановился, увидев открытую решётку.

— Носитель, — сказал он. — Тебя не учили. Хорошо.

Эйран поднял топор.

— Для кого хорошо?

— Для нас.

Лира шагнула к лестнице.

— Не слушай его.

Орденец снял капюшон.

У него было спокойное лицо человека, который видел много смертей и перестал считать их чем-то важным. На левой щеке — старый ожог в форме круга. Глаза серые, почти бесцветные.

— Меня зовут Каэл Ровен, — сказал он. — Я не пришёл убивать тебя.

— А её?

Он посмотрел на Лиру.

— Сосуд уже мёртв. Его можно только вернуть на место.

Ли́ра побледнела от ярости.
— Попробуй.
Каэл не обратил на неё внимания.
— Эйран из Вереска, если ты пойдёшь с нами, твоя деревня получит помощь. Мы запечатаем мёртвых. Остановим распространение. Сохраним тех, кто ещё жив.
Эйран замер.
Ли́ра резко сказала:
— Он врёт.
— Возможно, — ответил Каэл. — Но ты этого не знаешь.
Он говорил спокойно.
И именно поэтому его слова били сильнее.
— Сколько людей осталось в Вереске? — продолжил Каэл. — Ты думаешь о них. Я вижу. Ты сжигатель. Тебя учили отвечать за мёртвых. Но сегодня ты убежал.
Эйран сжал рукоять топора так сильно, что заболели пальцы.
— Не слушай, — повторила Ли́ра.
Каэл сделал шаг вверх.
— Пойдёшь с нами — получишь ответы. Кто ты. Что сделала твоя мать. Почему девятая проснулась. Почему мёртвые говорят её голосом.
Эйран почувствовал, как земля уходит из-под ног.
Голос матери.
Каэл знал.
— Откуда ты знаешь про это?
— Потому что мы давно ждали, когда печать в Вереске треснет.
Тишина.
Даже Ли́ра ничего не сказала.
— Вы знали? — спросил Эйран.
Каэл смотрел прямо на него.
— Да.
— Знали, что это может случиться?
— Да.
— И ничего не сделали?
— Мы делали. Твоя мать мешала.
В груди Эйрана что-то оборвалось.
Ли́ра схватила его за руку.
— Пошли.
Каэл поднял меч.
— Последний раз предлагаю мирно.
Из глубины подземелья ударил колокол.
Так близко, что все трое вздрогнули.
Потом ещё раз.
На этот раз пол под ногами треснул.
Каэл резко посмотрел вниз по лестнице.
В его спокойствии впервые появилась трещина.
— Что вы разбудили?
Ли́ра тихо сказала:
— Не мы.
Снизу поднялся ветер.
Холодный.
Пахнущий пеплом.

И в этом ветре прозвучали голоса.
Много голосов.
Они шептали одно слово.
Сначала неразборчиво.
Потом всё яснее.
— Носитель...
Кости в клетках зазвенели.
Цепи поползли по полу сами.
Арбалетчик выругался и поднял оружие, но одна из цепей хлестнула его по ногам. Он рухнул, ударился головой о ступень. Каэл рубанул мечом по другой цепи, серебро вспыхнуло.
Эйран понял: это шанс.
Он потянул Лиру вверх по лестнице.
Они выскочили за решётку, поднялись по узким ступеням и оказались перед деревянным люком. Эйран ударил плечом.
Раз.
Второй.
Люк не поддался.
Снизу Каэл закричал:
— Не дай ему уйти!
Эйран ударил снова.
Люк треснул.
Лира подняла с пола камень и выбила засов.
Дерево распахнулось.
В лицо ударил дневной свет.
Настоящий.
Слепящий.
Холодный.
Они выбрались наружу и упали на землю.
Несколько мгновений Эйран просто лежал на спине и смотрел в небо. Серое утро. Без чёрного солнца. Без глаз. Без фресок. Только облака, высокие ветви и туман.
Потом он сел.
Они вышли не в лесу.
Перед ними стояла старая колокольня.
Разрушенная, заросшая мхом, наполовину провалившаяся в землю. Каменные стены были покрыты теми же знаками, что и подземный зал. Внутри, под обвалившейся аркой, висел огромный чёрный колокол.
Он был треснут.
И всё равно качался.
Сам.
Без ветра.
Без верёвки.
Удар.
Звук прошёл через землю.
Лира поднялась рядом.
— Мёртвый колокол, — сказала она.
— Что это значит?
Она смотрела на чёрный металл с ужасом.
— Значит, дверь под нами открывается не только для нас.
Из люка за их спинами донёсся крик Каэла.

Потом звон цепей.

Потом что-то тяжёлое ударило в камень снизу.

Эйран помог Лире подняться.

— Уходим.

Но колокол ударил снова.

На этот раз не один.

Издали ответил другой.

Потом третий.

Потом четвёртый.

Лес вокруг них наполнился глухим звоном.

Эйран медленно повернулся.

За деревьями, в тумане, одна за другой просыпались старые колокольни. Те, которых не должно было быть. Разрушенные. Забытые. Похороненные под корнями и мхом.

Все они звонили.

Все звали.

И где-то очень далеко, там, где должен был быть Вереск, в небо поднялся столб чёрного дыма.

Лира тихо сказала:

— Теперь Орден будет не единственным, кто нас ищет.

Эйран смотрел на дым.

На колокола.

На светящийся знак в своей ладони.

И впервые понял: он не убежал от беды.

Он унёс её с собой.

Глава 4. Первая улика

Колокола звонили за деревьями.

Не один.

Не два.

Десятки.

Их не было видно, но Эйран чувствовал каждый удар в груди. Земля отвечала глухим дрожанием. Ветви старых елей осыпали мокрый мох. Птицы, если они ещё оставались в этом лесу, молчали.

Чёрный дым над Вереском поднимался медленно.

Слишком медленно.

Будто сам не хотел уходить в небо.

Эйран стоял среди руин старой колокольни и смотрел туда, где должна была быть его деревня. Между деревьями виднелась только тёмная полоса дыма, но он знал, что за ней: крыши, двор старосты, площадь, колодец, печной дом, где он прожил почти всю жизнь.

И люди.

Живые.

Мёртвые.

Те, кто ещё утром называл его сжигателем.

Те, кто теперь, возможно, проклинал его имя.

— Нам надо идти, — сказала Лира.

Эйран не ответил.

— Эйран.

Он сжал топор.

— Я должен вернуться.

— Нет.

— Я видел дым.

— Именно поэтому нет.

Он резко повернулся к ней.

— Там моя деревня.

Лира стояла рядом с треснутым чёрным колоколом. Серый свет падал на её лицо. Она выглядела хуже, чем час назад: бледнее, тоньше, будто каждый шаг забирал у неё силы. Но глаза оставались жёсткими.

— Если вернёшься, они убьют тебя или отдадут Ордену.

— Может, ещё можно помочь.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни!

Колокол ударил.

Звук прошёл через них обоих.

Лира закрыла глаза, словно от боли.

— То, что поднялось в Вереске, пришло не за деревней. Оно пришло за тобой. Пока ты там, мёртвые будут идти туда. Пока ты рядом, пепел будет отвечать. Ты думаешь, что бросил людей. Но если вернёшься, сделаешь хуже.

Эйран хотел сказать, что она лжёт.

Хотел сказать, что ей всё равно. Что она проснулась в его печи, принесла смерть, а теперь спокойно уводит его в лес.

Но слова застряли.

Потому что где-то внутри он уже знал: Лира права.

Старик Халвен говорил голосом матери не с ней.

С ним.

Мёртвые шли к печному дому не из-за Лиры.

Из-за него.

Эйран отвернулся.

— Я сжигал их, — сказал он тихо. — Всех. Стариков, детей, чужаков с дороги. Я делал всё как надо.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Лира молчала.

Он смотрел на дым и вдруг почувствовал, что в памяти есть пустое место. Маленькое. Незаметное. Будто кто-то вырезал из жизни тонкий кусок и аккуратно зашил края.

Он помнил мать.

Её руки.

Её голос.

Её кольцо.

Но не мог вспомнить запах её волос.

Ещё недавно помнил.

А теперь — нет.

Эйран поднял левую ладонь.

Знак Первого Солнца едва светился под кожей. Вокруг него расходились серые тонкие линии. Следы первого огня. Следы того, что он отдал, когда расплавил замок под землёй.

— Я потерял воспоминание, — сказал он.

Лира посмотрела на его руку.

— Какое?

— Не знаю.

— Значит, маленькое.

— Это должно утешить?

— Нет. Просто значит, что ты ещё не заплатил большой ценой.

Эйран медленно опустил руку.

— А какая большая?

Лира не сразу ответила.

— Имя. Лицо. Чувство. День жизни. Иногда — вся любовь к человеку, но не память о нём. Ты помнишь, что должен любить, но внутри пусто.

Эйран почувствовал, как холод скользнул под рёбра.

— Ты это видела?

— Да.

— На ком?

Лира посмотрела на чёрный колокол.

— На тех, кто открывал двери до тебя.

Снизу, из развалин, донёсся металлический стук.

Эйран мгновенно поднял топор.

Лира обернулась.

Стук повторился.

Потом кто-то тихо выругался.

— Если меня сейчас съест древняя лестница, — сказал голос из-за каменной стены, — знайте: я был против этого плана с самого начала.

Эйран нахмурился.

Из щели между двумя обвалившимися плитами вылез рыжий парень в зелёном плаще.

Тот самый.

Он был худой, подвижный, весь в грязи, мхе и собственной наглости. На щеке свежая царапина. Волосы торчали так, будто он бежал не по лесу, а через гнездо разъярённых птиц. В руках он держал сапог.

Чужой сапог.

Парень выбрался наружу, отряхнулся и только потом заметил топор Эйрана.

— О, — сказал он. — Вы живы. Приятно видеть, что мои усилия не пропали зря.

Эйран сделал шаг к нему.

— Ты кто?

— Человек, которому ты, судя по всему, обязан жизнью.

— Имя.

— Обычно сначала благодарят.

— Обычно не крадут у всадников Ордена пряжки и не появляются из развалин с сапогом.

Парень посмотрел на сапог, будто сам только что вспомнил о нём.

— Это трофей.

Лира устало вздохнула.

— Тавр.

Эйран повернулся к ней.

— Ты его знаешь?

— К сожалению.

Рыжий парень широко улыбнулся.

— Это она так говорит “рада видеть”.

— Я не рада.

— Но видишь.

— Это поправимо.

Тавр приложил руку к груди.

— Больно. Особенно после того, как я увёл за собой троих пепельных псов, упал в овраг, потерял нож, нашёл чей-то сапог и, между прочим, спас ваши бледные жизни.

Эйран не опустил топор.

— Ты следил за нами?

— Я следил за ними. — Тавр кивнул в сторону леса. — А вы бежали так громко, что за вами мог бы следить даже мёртвый без ушей.

— Зачем тебе Орден?

Улыбка на лице Тавра стала тоньше.

— У них хорошие лошади, плохое чувство юмора и слишком много серебра на одежде.

— Ты вор.

— Нет. Я перераспределяю лишнее имущество у людей, которые плохо себя ведут.

— Вор.

— Коротко — да.

Лира прислонилась к каменной стене.

— Нам нельзя здесь задерживаться.

— Согласен, — сказал Тавр. — Особенно теперь, когда древние мёртвые колокола решили устроить праздник, а пепельники прочёсывают лес.

Эйран насторожился.

— Пепельники?

— Орден Пепла. Так их зовут нормальные люди, когда рядом нет их ножей.

— Они близко?

Тавр поднял украденный сапог.

— Один точно теперь медленнее.

Лира закрыла глаза.

— Тавр.

— Что?

— Сколько их?

Он пожал плечами.

— Пятеро было у ручья. Трех я увёл. Один, кажется, теперь без сапога. Ещё один очень злой и, судя по манере отдавать приказы, главный.

— Каэл, — сказала Лира.

Тавр перестал улыбаться.

— Ты его знаешь?

— Да.

— Тогда у меня плохие новости. Он не из тех, кто бросает след.

Эйран вспомнил спокойное лицо ордена. Серые глаза. Ожог на щеке. Голос, которым тот говорил о Вереске, о матери, о носителях — будто обсуждал погоду.

— Он сказал, что Орден ждал, когда печать в Вереске треснет, — сказал Эйран.

Тавр перевёл взгляд на него.

— Печать?

Лира резко посмотрела на Эйрана, но было поздно.

Рыжий прищурился.

— Интересно.

— Не интересно, — сказала Лира. — Опасно.

— Опасное обычно и бывает интересным.

Эйран шагнул ближе.

— Ты знаешь дорогу в Арквел?

— Все знают дорогу в Арквел.

— Нам нужна не главная дорога.

— Тогда не все знают.

— А ты?

Тавр посмотрел на чёрные колокола, на дым над Вереском, на Лиру, потом на светящийся знак на руке Эйрана.

— Знаю.

— Проведёшь нас.

— Это прозвучало как приказ.

— Это и был приказ.

— Не люблю приказы. Они напоминают мне тюрьму, долговые ямы и женщин с ножами.

Лира открыла один глаз.

— Ты заслужил все три.

— Особенно женщин с ножами.

Эйран устал.

Страх, бегство, колокола, подземный зал, мать, Орден — всё смешалось в один тяжёлый ком. А этот рыжий стоял посреди проклятых руин и говорил так, будто мир не рушился, а просто немного испортил ему утро.

— Сколько? — спросил Эйран.

— Что сколько?

— Сколько хочешь за дорогу?

Тавр оживился.

— Вот теперь разговор стал человеческим.

— У меня нет денег.

— Разговор снова умер.

Эйран поднял топор.

— Но есть причина.

Тавр посмотрел на лезвие.

— Убедительная, но не очень доходная.

Лира оттолкнулась от стены.

— У него нет денег. У меня нет денег. За нами Орден. За ним мёртвые. Под нами проснулся колокол. Если ты не проведёшь нас в Арквел, тебя всё равно схватят, потому что ты украл у них пряжку, сапог и, скорее всего, что-то ещё.

Тавр хотел возразить.

Потом передумал.

— Кошелёк, — признался он. — Но маленький. Почти бесполезный.

— И?

— И печать.

Лира замерла.

Эйран заметил это.

— Какую печать?

Тавр полез за пазуху и вытащил небольшой серебряный круг на кожаном ремешке. Размером с монету, но толще. На лицевой стороне был знак Ордена: круг, перечёркнутый вертикальной линией. На обратной — мелкие царапины, похожие на письма.

Лира резко шагнула к нему.

— Где ты это взял?

— Снял с главного.

— С Каэла?

— С того, у кого была самая недовольная лошадь и самый дорогой плащ. Видимо, да.

Она протянула руку.

Тавр отдёрнул печать.

— Осторожно. Это моё будущее вознаграждение.

— Это может быть наше будущее выживание.

— Звучит дешевле.

Эйран посмотрел на печать.

Серебро было тусклым, будто его много лет держали в пепле. Внутри круга проходила тонкая щель. Не украшение. Механизм.

— Дай сюда.

Тавр посмотрел на топор, потом на Лиру, потом на дым.

— Ладно. Но если это стоит денег, я первый в очереди на счастье.

Он бросил печать Эйрану.

Как только серебро коснулось его ладони, знак Первого Солнца вспыхнул.

Эйран вскрикнул и едва не выронил печать. Металл стал горячим, но не обжёг. Наоборот — будто узнал его. Внутри серебряного круга что-то щёлкнуло.

Печать раскрылась.

Из неё выпала тонкая полоска чёрной кожи.

Не бумаги.

Кожи.

Лира побледнела.

— Не трогай.

— Поздно, — сказал Тавр.

Полоска развернулась сама.

На ней были выжжены строки мелким орденским письмом. Эйран читать такие знаки не умел. В Вереске его учили считать дрова, имена мёртвых и часы до рассвета. Но храмовую скоропись знали только жрецы, писцы и те, кто хотел жить слишком близко к власти.

Лира взяла полоску двумя пальцами.

Её лицо менялось по мере чтения.

Сначала напряжение.

Потом злость.

Потом страх.

— Что там? — спросил Эйран.

Она молчала.

— Лира.

Она подняла глаза.

— Это приказ.

— Чей?

— Ордена Пепла.

Тавр заглянул через её плечо.

— Обожаю чужие приказы. Особенно когда они не мне.

— Читай, — сказал Эйран.

Лира медленно вдохнула.

— “Пост Вереск. Печать нестабильна. Наблюдение продолжать. Сжигателя не трогать до проявления знака. Девятую вернуть в хранилище. В случае пробуждения мёртвых деревню зачистить до второго рассвета.”

Тавр перестал улыбаться.

Эйран смотрел на неё и не сразу понял слова.

Потом понял.

Каждое.

Отдельно.

Пост Вереск.

Наблюдение продолжать.

Сжигателя не трогать.

Деревню зачистить.

— Они знали, — сказал он.

Голос вышел чужим.

— Да, — сказала Лира.

— Знали, что это может случиться.

— Да.

— Они следили за мной.

— Похоже.

— И за деревней.

Она не ответила.

Эйран взял у неё полоску.

Буквы были чужими, но теперь казалось, что они шевелятся. Чёрные следы на мёртвой коже. Приказ, написанный заранее. Смерть, запечатанная в серебряной пряжке.

— “Деревню зачистить”, — повторил он.

Лира тихо сказала:

— Эйран...

— Что значит зачистить?

Она молчала.

Тавр отвёл взгляд.

Эйран уже знал.

Просто хотел, чтобы кто-то сказал вслух.

— Это значит, — произнесла Лира, — что если Вереск ещё жив, Орден скоро закончит то, что начали мёртвые.

Колокола ударили снова.

На этот раз их звук был дальше. Или Эйран просто перестал слышать всё, кроме крови в ушах.

Он сжал полоску так сильно, что ногти впились в ладонь.

— Я возвращаюсь.

— Нет, — сказала Лира.

— Они убьют всех.

— Если ты вернёшься, они получают то, ради чего всё это терпели.

— Мне плевать.

— А мне нет.

— Это не твоя деревня!

Лира резко замолчала.

В её лице что-то дрогнуло.

Тавр сделал шаг назад, словно почувствовал, что лучше находиться подальше от обоих.

Эйран понял, что ударил по больному месту, но злость была сильнее.

— Ты проснулась, и всё рухнуло. Мёртвые встали. Орден пришёл. Люди горят. А теперь ты говоришь мне просто уйти?

— Да.

— Почему?

— Потому что если Орден получит тебя, погибнет не только Вереск!

Эти слова прозвучали слишком громко.

Лес ответил тишиной.

Даже колокола на мгновение смолкли.

Лира стояла перед ним, сжимая чёрную полоску приказа. В глазах — усталость, злость и страх, который она больше не могла спрятать.

— Ты думаешь, я не понимаю? — сказала она тише. — Думаешь, я не знаю, что такое проснуться и понять: все, кого ты мог спасти, уже мертвы? Я не помню свою семью, Эйран. Но иногда во сне слышу, как кто-то зовёт меня из огня. И я не знаю, это мать, сестра или просто ещё один голос, который Орден оставил у меня в голове.

Он опустил взгляд.

— Я не...

— Знаю. Ты не хотел.

Вдалеке хрустнула ветка.

Тавр мгновенно пригнулся.

— Разговоры о боли и судьбе прекрасны, но у нас гости.

Эйран поднял топор.

Между деревьями двигались тени.

Не мёртвые.

Люди.

Трое.

В тёмных плащах.

Один без сапога.

— О, — прошептал Тавр. — Нашёлся владелец.

Лира вернула полоску в серебряную печать и бросила её Эйрану.

— Прячь.

— Зачем?

— Это доказательство.

— Для кого?

— Для тебя. Пока ты снова не решишь, что всё это случайность.

Эйран сунул печать за пояс.

Орденцы приближались осторожно. Видимо, после подземелья и колоколов они уже не хотели бросаться вперёд. Один держал арбалет. Второй — короткий меч и храмовую печать. Третий, без сапога, заметно хромал и выглядел так, будто готов убить сначала Тавра, а потом уже заниматься древними тайнами.

— Рыжий, — прошипел он. — Я тебя повешу за ноги.

Тавр выглянул из-за камня.

— Сначала придётся догнать. А с одним сапогом это унижительно.

Арбалетчик поднял оружие.

— На землю!

Эйран сделал шаг вперёд.

Знак на ладони вспыхнул.

Орденцы замерли.

Не от страха.

От готовности.

Как охотники, увидевшие зверя, которого долго выслеживали.

— Носитель, — сказал арбалетчик. — Не заставляй нас портить тебе руки.

— Подойдёшь — испорчу тебе лицо.

Тавр тихо присвистнул.

— Он всегда такой дружелюбный?

Лира ответила:

— Сегодня хороший день.

Орденец с мечом поднял печать. На металле зажёгся холодный серый свет.

— Именем Ордена Пепла, Эйран из Вереска, ты должен быть передан под охрану до решения старшего круга.

— А Лира?

Он посмотрел на неё.

— Сосуд должен быть возвращён.

— Я спрашивал не это.

— Она не человек.

Эйран почувствовал, как внутри снова поднялся огонь.

Не сильный. Не белая вспышка, как в подземелье. Пока только жар. Глухой, злой.

— Все вы так говорите, когда хотите кого-то сжечь?

Орденец нахмурился.

— Огонь опасен для того, кто не знает его имени.

— Тогда не подходи.

Слева щёлкнул арбалет.

Эйран увидел движение поздно.

Болт летел не в него.

В Лиру.

Он не думал.

Просто выбросил руку вперёд.

Знак вспыхнул.

Воздух перед ним стал белым.

Болт остановился в ладони света, зашипел и осыпался серым пеплом.

На мгновение все замерли.
Даже Эйран.
Он не знал, что может так.
Не хотел знать.
Боль пришла сразу после.
В голову ударила пустота.
Он забыл лицо мастера Орвена.
Не имя.
Не голос.
Только лицо.

Старик, который учил его печам, ругался, бил по пальцам, говорил про три дороги сжигателя. Эйран помнил всё это, но лицо стало мутным пятном, как рисунок, залитый водой.

Он пошатнулся.

Лира подхватила его.

— Эйран!

— Нормально.

— Ты снова отдал память.

— Зато не тебя.

Она замолчала.

Тавр вдруг метнул украденный сапог в арбалетчика.

Попал точно в лицо.

— Бежим! — крикнул он. — Пока у нас ещё есть преимущество обуви!

Он сорвался с места первым.

Лира потянула Эйрана за собой. Они бросились между камнями, вниз по заросшей тропе. Позади ругались, кричали, ломали ветки. Один орденец попытался обойти слева, но Тавр каким-то образом уже оказался там и опрокинул на него кусок старой стены — не большой, но достаточно тяжёлый, чтобы человек забыл о погоне на несколько вдохов.

— Сюда! — крикнул Тавр.

Он нырнул под низкие ветви.

Тропа, которую Эйран вообще не заметил, уходила между двумя валунами, потом резко вниз, потом по узкому карнизу над высохшим руслом. Лира бежала тяжело, но не жаловалась. Эйран держался рядом, чувствуя, как знак на руке пульсирует болью.

Позади снова свистнул болт.

Он ударил в камень и разлетелся искрами.

— Они плохо принимают отказ! — крикнул Тавр.

— Ты можешь молчать хотя бы во время погони? — спросила Лира.

— Могу, но тогда всем станет страшнее.

Карниз вывел их к старой хижине углежогов. Крыша провалилась, стены почернели от давних костров, но за ней начинался густой ельник. Тавр скользнул внутрь, поднял с пола гнилую доску и показал узкую яму.

— Вниз.

Эйран остановился.

— Ещё одно подземелье?

— Нет. Старый угольный лаз. Ведёт к ручью. Если повезёт, не обвалится.

— А если не повезёт?

— Тогда Орден нас не найдёт. Тоже плюс.

Лира, не споря, полезла первой.

Эйран за ней.

Тавр спустился последним и вернул доску на место.

В лазе было тесно и темно. Пахло углём, плесенью и мышами. Ползти приходилось почти на коленях. Эйран слышал над головой шаги. Орденцы пробежали мимо хижины, потом вернулись. Кто-то ударил по стене. Доски посыпали трухой.

Все трое замерли.

Голос ордена донёлся глухо:

— След потеряян.

Другой ответил:

— Каэл сказал брать живым. Найдём.

— А девятую?

— Девятую вернуть в хранилище. При сопротивлении разрубить ноги.

Лира в темноте перестала дышать.

Эйран почувствовал это.

Он нашёл её руку и сжал.

Она не отняла.

Орденцы ещё немного ходили наверху. Потом шаги стали удаляться.

Тавр выдохнул первым.

— Не люблю, когда меня ищут люди без чувства меры.

— Почему ты нам помогаешь? — спросил Эйран.

— Потому что вы платите мне будущими деньгами.

— У нас их нет.

— Будущие тем и хороши, что пока никто не проверяет.

— Серьёзно.

В темноте Тавр долго молчал.

Потом сказал:

— Орден забрал моего брата.

Лира повернула голову.

— Когда?

— Три года назад. В Арквеле. Он был не маг, не носитель, не сосуд, не древняя дверь, не проклятая корона. Обычный мальчишка, который умел открывать замки лучше меня. Однажды он открыл не тот дом.

— Дом Ордена?

— Архивную пристройку. Его поймали. Сказали, что он видел то, чего не должен. На следующий день его не стало.

Эйран молчал.

— Я краду у них с тех пор, — продолжил Тавр. — По мелочи. Пряжки, печати, документы, ключи. Иногда еду. Один раз лошадь. Она была злая, но справедливая.

— Ты ищешь брата?

— Сначала искал. Потом понял, что найти можно только могилу. А они своих могил не подписывают.

В темноте стало тихо.

Эйран впервые посмотрел на Тавра иначе.

Не просто вор.

Не просто шут.

Человек, у которого тоже было имя, забранное Орденем.

— Как его звали? — спросил Эйран.

— Мирт.

Это имя ударило неожиданно.

Мирт.

Так звали отца старика Халвена.

Так было написано на кувшине: “Халвен, сын Мирта”.

Совпадение.

Просто совпадение.

Но сегодня Эйран уже не верил в совпадения.

— Что? — спросил Тавр.

— Ничего.

— У тебя лицо стало такое, будто ты снова собрался светиться.

— Просто устал.

— Все устали. Даже я, а я обычно бодрый из вредности.

Лаз вывел их к ручью, спрятанному под корнями. Вода была тёмной, мелкой и ледяной. Они выбрались наружу уже далеко от колокольни. Звук колоколов стал слабее, но не исчез. Теперь он напоминал сердце, бьющееся где-то глубоко под землёй.

Тавр повёл их вдоль ручья.

— До Арквела три дня, если по дороге. Два, если через старые вырубки. Полтора, если бежать, не есть, не спать и ненавидеть свои ноги.

— Старые вырубки, — сказала Лира.

— Разумный выбор. Скучный, но разумный.

Эйран шёл молча.

В голове крутились строки приказа.

“Сжигателя не трогать до проявления знака.”

“Девятую вернуть в хранилище.”

“Деревню зачистить до второго рассвета.”

Второй рассвет.

Это значило, что у Вереска ещё есть время.

Может быть.

Если Орден ещё не начал.

Если мёртвые не дошли до всех домов.

Если дым — это не конец.

Он достал серебряную печать, раскрыл её и снова посмотрел на чёрную полоску. Лира шла впереди, Тавр проверял тропу. Никто не мешал.

Теперь Эйран заметил то, чего не увидел сразу.

На самом краю полоски, почти у сгиба, были ещё знаки. Не орденские строки. Другой почерк. Тоньше. Неровнее. Как будто кто-то царапал их в спешке.

— Лира.

Она обернулась.

— Что?

— Тут ещё что-то.

Она подошла, взяла полоску, прищурилась.

— Это не приказ.

— А что?

— Приписка.

— Чья?

Она прочитала вслух:

— “Если носитель проявится, ищите ключницу Сейну. Она нарушила клятву. Её кровь всё ещё держит первую дверь.”

Эйран перестал идти.

Ручей шумел у ног.

Лес качался от ветра.

Колокола глухо звонили вдали.

— Сейна, — сказал он.
Ли́ра посмотре́ла на него.
— Ты знаешь это имя?
Эйран не сразу смог ответить.
Горло сжалось.
— Так звали мою мать.
Тавр тихо присвистнул, но в этот раз без шутки.
Ли́ра снова посмотре́ла на приписку.
— Здесь написано, что она ключница.
— Моя мать была травницей.
— Для деревни — да.
— Она не была...
Он не договорил.
Воспоминание из подземного зала вернулось резкой вспышкой.
Мать несёт его через белый огонь.
Мужской голос кричит: “Он не переживёт печать!”
Её ответ: “Тогда пусть мир переживёт без вашей лжи.”
Эйран медленно сел на мокрый камень.
— Она держала первую дверь, — сказал он.
Ли́ра опустилась рядом.
— Похоже.
— Что это значит?
— Что Вереск был не просто деревней.
Тавр оглянулся в сторону чёрного дыма.
— Никогда не любил деревни, которые оказываются древними замками на замках.
Эйран смотрел на полоску кожи.
Теперь у него была улика.
Первая настоящая.
Не шёпот мёртвых.
Не слова Лиры.
Не видение.
Приказ.
Имя матери.
Орденская печать.
Доказательство, что его жизнь была спрятана внутри чужой войны.
— В Арквеле есть архив, — сказал он.
Ли́ра кивнула.
— Там мы найдём записи о Сейне.
— И о Вереске.
— И о тебе.
Эйран встал.
Боль в руке стала тише. Знак почти погас, но теперь он не казался просто проклятием.
Он был ключом. К прошлому матери. К Ордену. К тому, почему мёртвые говорили её голосом.
И, возможно, к тому, как спасти тех, кто ещё остался в Вереске.
— Идём, — сказал он.
Тавр поднял палец.
— Прежде чем мы отправимся в город, где нас ждут архивы, убийцы, тайные хранилища и, надеюсь, еда, уточню: я теперь официально в вашей компании или просто временно бегу в том же направлении?

Ли́ра посмотре́ла на Э́йрана.

Э́йран посмотре́л на Та́вра.

— Ты знаешь дорогу.

— Знаю.

— Знаешь Арквел.

— Лучше, чем хотелось бы.

— Ненавидишь Орден.

— Теплеет.

— И у тебя быстрые руки.

Та́вр улы́бнулся.

— Лучшие в трёх округах.

— Тогда ты с нами.

— Замечательно. А кто главный?

Ли́ра и Э́йран одновременно сказали:

— Не ты.

Та́вр кивнул.

— Команда уже сработалась.

Они пошли вдоль ручья.

Позади звонили мёртвые колокола.

Впереди ждал город без теней.

А между ними, в серебряной печати у Э́йрана за поясом, лежала первая улика: имя матери, которое оказалось не воспоминанием, а ключом.

Глава 5. Запрет матери

К полудню колокола стихли.

Не сразу.

Сначала один за другим умолкли дальние — те, что звонили где-то под землёй, в старых провалах, среди корней и камня. Потом затихли ближайшие, спрятанные в лесных руинах. Последним молчал тот, что висел в разрушенной колокольне. Его глухой голос ещё долго катился между деревьями, словно не хотел отпускать их.

Потом и он исчез.

Лес стал обычным.

И от этого обычность казалась подозрительной.

Эйран шёл вторым, за Тавром. Лира держалась рядом, но чуть позади. Так она могла видеть и дорогу, и его левую руку. Он замечал это краем глаза, но ничего не говорил. После подземного зала, после белого огня, после того, как арбалетный болт рассыпался у него перед ладонью, он и сам не доверял своей руке.

Она больше не болела.

Это тревожило сильнее боли.

Знак Первого Солнца почти погас. Остался только слабый круг под кожей, будто шрам, который ещё не решил, исчезнуть ему или стать частью тела. Но серые линии вокруг знака не пропали. Они тянулись к запястью, тонкие, кривые, похожие на корни, пробивающиеся через пепел.

Эйран пытался не смотреть.

Не получалось.

Он потерял два воспоминания.

Запах волос матери.

Лицо мастера Орвена.

Оба были маленькими вещами, если смотреть со стороны. Мир от них не рухнул. Ноги продолжали идти. Сердце билось. Он помнил, как мать говорила, как поправляла ворот его рубахи, как закрывала ставни после заката. Помнил голос Орвена, его тяжёлую ладонь, его привычку плевать в печь перед работой.

Но в памяти появились дыры.

А дыры, как знал любой сжигатель, никогда не оставались пустыми. Рано или поздно в них что-то заползало.

— Если ты продолжишь смотреть на свою руку, — сказал Тавр, не оборачиваясь, — она начнёт считать это приглашением.

Эйран опустил ладонь.

— Ты всегда говоришь глупости?

— Нет. Иногда я сплю.

Лира тихо сказала:

— Он говорит, когда боится.

Тавр остановился и обернулся.

— Неправда. Я говорю всегда. Просто когда боюсь — быстрее.

Эйран посмотрел на лес.

— Ты боишься?

— Конечно. За нами Орден, под нами звонили мёртвые колокола, рядом идёт девушка, которую сожгли и не досожгли, а у тебя рука светится, когда ей скучно. Было бы странно не бояться.

— Тогда почему ты с нами?

Тавр пожал плечами.

— Потому что одному бояться скучнее.

Он снова пошёл вперёд.

Тропа, если её можно было так назвать, тянулась вдоль ручья. Тавр уверял, что она приведёт к старым вырубкам, а оттуда — к заброшенной смоляной дороге. По ней можно выйти к Арквелу быстрее, чем по тракту. Эйран не знал этих мест. В детстве он редко уходил дальше северного леса. После смерти матери — почти никогда. У сжигателя мёртвых не было причин путешествовать. Смерть сама приходила к нему.

Теперь он впервые шёл прочь от Вереска.

Не по делу.

Не за дровами.

Не к телеге с покойником.

А потому что назад нельзя.

Эйран оглянулся.

Дыма уже не было видно.

Это ничего не значило. Лес мог скрыть пожар, крики, смерть. Лес вообще умел скрывать слишком многое.

— До второго рассвета, — сказал он.

Лира посмотрела на него.

— Что?

— В приказе было: деревню зачистить до второго рассвета. Значит, у нас есть время.

— На что?

— Вернуться.

— Нет.

— Не сейчас. После Арквела. Если найдём что-то в архиве. Если узнаем, как остановить мёртвых.

Лира не ответила.

Тавр, идущий впереди, осторожно перешагнул через корень.

— В Арквеле можно найти многое. Записи. Карты. Долги. Неприятности. Людей, которые продают чужие тайны дешевле, чем хлеб. Но если вы хотите проникнуть в архив Ордена, нам понадобятся три вещи.

— Какие? — спросил Эйран.

— Ключ, который я смогу украсть. Отвлечение, которое кто-нибудь переживёт. И чудо, желательное небольшое, чтобы не разрушить город.

Лира сказала:

— Ключа у нас нет.

— Пока.

— Отвлечения нет.

— Я оскорблён.

— Чудо есть, но оно неуправляемое.

Тавр взглянул на руку Эйрана.

— Значит, план почти готов.

Эйран не улыбнулся.

— В архиве может быть запись о моей матери.

— Может, — сказала Лира.

— И о тебе.

— Да.

— И о том, что такое Пепельная Корона.

Она замедлила шаг.

— Возможно.

Он заметил.

— Ты знаешь о ней больше, чем говоришь.

— Я знаю обрывки.

— Тогда говори обрывками.

Лира долго молчала.

Лес редел. Деревья становились ниже, между ними появлялись участки старой вырубки. На земле лежали мёртвые стволы, покрытые мхом. Когда-то здесь работали люди: рубили лес, жгли уголь, варили смолу. Теперь остались только ямы, почерневшие пни и полуразвалившиеся навесы.

— Пепельная Корона, — сказала Лира наконец, — в легендах считается реликвией Первого Солнца. Одни говорят, что это венец первого носителя. Другие — что камень, в котором заперли старый огонь. Третьи — что ключ от дверей под миром.

— А ты как думаешь?

Она посмотрела на него.

— Я думаю, Орден врёт о ней так же, как обо всём остальном.

— Почему?

— Потому что если бы Корона была просто предметом, они давно бы нашли её, спрятали и забыли.

— Значит, это не предмет?

— Возможно.

Тавр поднял руку.

— Не хочу портить мрачную беседу, но если мы идём за вещью, которая может оказаться не вещью, хотелось бы знать заранее. Чтобы потом не выглядеть глупо с мешком.

Эйран вспомнил слова из пепельного зала.

То, что ищут живые.

То, что боятся мёртвые.

То, что спрятали под городом без теней.

— Память сказала: первая дверь в Арквеле.

— Память? — уточнил Тавр.

— Пепельная фигура из подземного зала.

— А. Конечно. Пепельная фигура. Почему бы и нет.

Лира сказала:

— Она назвала меня девятой.

Тавр перестал шутить.

— И ты правда не знаешь, что это значит?

— Нет.

— Но Орден знает.

— Да.

— Тогда я точно не хочу, чтобы они нас поймали.

— Никто не хочет.

— Орден хочет.

— Тавр.

— Молчу.

Он действительно замолчал.

Ненадолго.

К вечеру они вышли к старой смоляной дороге.

Это была не дорога в привычном смысле. Просто широкая полоса земли между деревьями, где трава росла хуже, а колёса когда-то продавили глубокие колеи. По краям стояли

чёрные ямы — старые смолокурни. В некоторых ещё лежали обугленные камни. Эйран смотрел на них и думал, что они похожи на маленькие печи.

Печи были везде.

Просто люди называли их разными именами.

Тавр нашёл заброшенный углежогский навес в стороне от дороги. Крыша провалилась с одного края, но внутри было сухо. На стене висели ржавые крюки, в углу валялись пустые бочки. Под полом Тавр нашёл старый тайник и, к своему огромному удовольствию, вытащил оттуда мешочек с сухарями, две луковицы и маленькую флягу.

— Видите? — сказал он. — Мир любит тех, кто умеет искать под гнилыми досками.

— Это твоё? — спросил Эйран.

— Было чьё-то. Теперь наше. Так устроена история.

Лира села у стены.

Она выглядела совсем плохо.

Эйран заметил, что она почти не ела с момента побега. Да и что могла есть девушка, которая недавно была мёртвой? Он хотел спросить, но не знал как. Любой вопрос звучал бы неправильно.

Ты голодна?

Ты живая?

Тебе нужна еда или пепел?

Он сел напротив и протянул ей сухарь.

— Возьми.

Лира посмотрела на сухарь так, будто не сразу поняла, что с ним делают.

Потом взяла.

— Спасибо.

Она откусила маленький кусок.

Долго жевала.

С усилием проглотила.

— Вкусно? — спросил Тавр.

— Как камень с мукой.

— Значит, хороший сухарь.

Эйран ел молча.

Когда солнце стало опускаться за деревья, воздух изменился.

Сначала почти незаметно.

Птицы перестали кричать. Потом в лесу пропал ветер. Даже ручей где-то за дорогой стал тише. Тени вытянулись, но не так, как должны были. Они не легли на землю вслед за солнцем, а поползли в сторону востока, будто боялись заката.

Эйран почувствовал знакомую тревогу.

Старую.

Детскую.

Такую, которая жила глубже мыслей.

Он поднял голову.

Лес темнел.

Между деревьями висел красный свет заходящего солнца.

И вдруг он услышал голос матери.

Не снаружи.

В памяти.

— Не смотри после заката.

Он вздрогнул.

Лира сразу заметила.

— Что?

— Ничего.

— Ты побледнел.

— Вспомнил.

Тавр перестал грызть сухарь.

— Хорошее воспоминание или такое, после которого надо бежать?

Эйран смотрел на полоску закатного света за дверью навеса.

— Мать всегда закрывала ставни до темноты. Даже летом. Даже когда было душно. Она говорила, что после заката нельзя смотреть на солнце.

Тавр нахмурился.

— После заката солнца нет.

— Я знаю.

Лира тихо сказала:

— Есть.

Эйран повернулся к ней.

Она сидела неподвижно. Сухарь лежал у неё на коленях. В лице не осталось ни капли крови.

— Что значит есть?

— Не выходи.

— Лира.

— Не выходи из навеса.

Тавр медленно положил сухарь.

— Мне не нравится, когда люди говорят “не выходи” таким голосом.

Снаружи стало темнее.

Но не как ночью.

Обычно сумерки приходят мягко. Свет уходит, тени собираются, небо становится синим, потом чёрным. Сейчас всё произошло иначе. Красный закат вдруг потускнел, словно его накрыли грязной тканью. На земле пропали цвета. Деревья стали серыми. Кожа Леры — почти белой. А знак на ладони Эйрана начал светиться.

Круг.

Лучи.

Тонкие серые линии ожили, потянулись к пальцам.

— Что происходит? — спросил он.

Лира поднялась.

— Первый Сумрак.

— Что?

— Момент между обычным солнцем и тем, что осталось от Первого.

Эйран тоже встал.

— Я не понимаю.

— И не надо. Просто не смотри в небо.

Это были слова матери.

Точно те же.

И именно поэтому Эйран не смог остаться на месте.

Он подошёл к двери навеса.

Лира схватила его за руку.

— Не надо.

— Ты знаешь, что там?

— Да.

— Тогда скажи.

— Если скажу, ты всё равно захочешь увидеть.

— Уже хочу.

— Это не любопытство. Это зов.

Он посмотрел на свою светящуюся ладонь.

— Оно зовёт меня?

— Оно всегда зовёт то, что принадлежало ему.

Эйран вырвал руку.

— Я никому не принадлежу.

И вышел наружу.

Лес стоял мёртвым.

Даже мёртвые деревья казались живее.

Смоляная дорога уходила в серую даль. Над ней висел туман, хотя минуту назад его не было. Тени вытянулись по земле тонкими чёрными нитями, и все они указывали в одну сторону — к западу.

К закату.

Эйран медленно поднял глаза.

Солнце почти ушло за деревья.

Но над ним, чуть выше, там, где должно было быть пустое вечернее небо, проступал второй круг.

Чёрный.

Без света.

Без огня.

Он был похож не на солнце, а на дыру, вырезанную в небе. Вокруг него не было лучей. Только тонкий белый обод, как пепел по краю угля. И в центре этой чёрной окружности что-то двигалось.

Эйран не мог отвести взгляд.

Внутри круга открывался глаз.

Огромный.

Медленный.

Не человеческий.

Знак на ладони вспыхнул болью.

Эйран услышал голос матери:

— Не смотри.

Но уже смотрел.

Мир исчез.

Он снова был ребёнком.

Маленьким.

Босым.

Стоял посреди поля за Вереском. Трава была мокрой. Ночь — холодной. Мать держала его за плечи. Молодая. Живая. Волосы растрёпаны. На щеке кровь. В одной руке она сжимала медное кольцо.

— Смотри на меня, — говорила она.

Но ребёнок смотрел вверх.

На чёрное солнце.

Внутри него открывался глаз.

Такой же.

Мать ударила его по щеке.

Не сильно. Но резко.

— На меня!

Он заплакал.
— Там кто-то есть.
Мать опустилась перед ним на колени и закрыла ему небо собой.
— Если ты видишь его, оно видит тебя.
— Кто?
Она прижала палец к его губам.
— Никогда не спрашивай имя у того, что смотрит из-за солнца.
Где-то за её спиной горела деревня.
Нет.
Не деревня.
Другое место.
Каменные башни. Белые стены. Люди в серебряных масках. Пламя, которое не давало тепла.
Мужской голос кричал:
— Сейна! Отдай ребёнка!
Мать подняла его на руки.
— Закрой глаза, Эйран.
— Я боюсь.
— Хорошо.
— Почему хорошо?
Она побежала.
Пули? Нет. Стрелы. Белые стрелы света били в землю рядом.
— Потому что храбрые без страха долго не живут, — сказала мать. — А мне нужно, чтобы ты жил.
Воспоминание дрогнуло.
Теперь они были в подземном зале. Тот самый колодец. Те самые чаши. Белый огонь.
Мать стояла перед дверью, вырезанной в камне. На двери был знак ключа.
Вокруг лежали тела.
Жрецы.
Солдаты.
Люди в масках.
Мать прижала его ладонь к камню.
— Прости, — прошептала она.
Ребёнок плакал.
— Больно.
— Знаю.
— Мам...
— Забудь, — сказала она. — Это единственный способ спасти тебя.
Она разрежала свою ладонь медным кольцом.
Кровь упала на его знак.
На детской коже вспыхнул круг Первого Солнца.
И тогда мать сказала слова, которые Эйран не помнил всю жизнь:
— Я закрываю тебя от старого света. Своей кровью. Своим именем. Своей памятью.
Пусть он живёт как человек, пока дверь спит.
Камень ответил.
Белый огонь поднялся вокруг них.
Мать закричала.
Не от страха.
От боли.

Эйран пытался схватить её за руку, но пальцы проходили сквозь свет.

— Мама!

Она улыбнулась.

И в этой улыбке было столько боли, что взрослый Эйран, смотрящий изнутри воспоминания, захотел умереть там же.

— Не смотри на солнце после заката, — сказала она. — И если однажды вспомнишь меня полностью — беги.

Воспоминание оборвалось.

Эйран упал на колени.

Перед ним была смоляная дорога.

Лес.

Серый сумрак.

Над деревьями всё ещё висело чёрное солнце.

И оно смотрело прямо на него.

Не вообще.

Не на мир.

На него.

Эйран попытался отвернуться, но тело не слушалось. Внутри головы раздался тихий шёпот. Не слова. Пока не слова. Скорее обещание слов. Как если бы кто-то стоял за дверью и только подносил губы к щели.

Ли́ра выбежала из навеса.

— Эйран!

Она схватила его за лицо обеими руками и заставила посмотреть на себя.

— На меня. Слышишь? Только на меня.

Он видел её глаза.

Чёрные.

Живые.

Испуганные.

За её плечом небо темнело.

— Оно видит меня, — сказал он.

— Знаю.

— Оно помнит меня.

— Не слушай.

— Оно знает мою мать.

— Все двери знают ключников.

— Она закрыла меня.

— Да.

— Почему?

Ли́ра стиснула зубы.

— Потому что ты был не просто носителем.

Тавр появился рядом, держа в руках старое одеяло.

— Может, обсудим родословную после того, как накроем его чем-нибудь? Он светится так, что нас из Арквела увидят.

Ли́ра выхватила одеяло и накинула Эйрану на плечи, закрывая его руку и голову от неба. Как только ткань заслонила чёрный круг, шёпот исчез.

Эйран согнулся, хватая воздух.

Его трясло.

Не от холода.

От того, что он вспомнил.

Мать была не просто травницей.
Не просто женщиной, которая боялась заката.
Она украла его.
Или спасла.
И закрыла его своей кровью.
— Сейна, — прошептал он.
Имя матери теперь звучало иначе.
Не мягко.
Не по-домашнему.
Как ключ, повернувшийся в замке.
Лира присела рядом.
— Что ты видел?
Он хотел рассказать всё.
Башни. Маски. Дверь. Белый огонь. Мать с кровью на ладони. Её слова.
Но когда попытался вспомнить лицо матери в видении, оно поплыло.
Не исчезло совсем.
Но стало дальше.
Будто кто-то отодвинул её на шаг в туман.
Эйран схватился за голову.
— Нет.
— Что?
— Я снова теряю.
— Что именно?
— Её лицо. Не полностью. Но...
Лира побледнела.
— Ты использовал силу?
— Нет.
— Ты смотрел на Первый Сумрак. Для тебя это тоже цена.
Тавр сел на корточки напротив.
— То есть даже смотреть дорого?
— Для него — да, — сказала Лира.
— Неприятная система.
Эйран поднял на неё взгляд.
— Почему оно забирает память?
Лира молчала.
— Почему?
Она села рядом прямо на землю.
— Потому что тебя спрятали памятью.
— Что это значит?
— Твоя мать закрыла твой знак не замком, а собой. Своими воспоминаниями. Своей кровью. Возможно, частью твоих. Каждый раз, когда огонь просыпается, он прожигает эту защиту. И забирает то, из чего она сделана.
Эйран медленно сжал кулаки под одеялом.
— Значит, чтобы стать сильнее, я должен забыть мать?
Лира отвела глаза.
— Возможно.
Эти слова ударили сильнее любого ножа.
Эйран долго молчал.
Тавр впервые не шутил.

Лес оставался серым. Чёрное солнце всё ещё висело над закатом, но одеяло защищало от прямого взгляда. Эйран чувствовал его присутствие кожей. Как жар печи за закрытой дверью. Как взгляд в спину.

— Тогда я не буду пользоваться силой, — сказал он.

Лира посмотрела на него.

— Не всё зависит от тебя.

— Будет зависеть.

— Эйран...

— Нет. Если цена — она, я не плачу.

— А если иначе умрёт Лира? — тихо спросил Тавр.

Эйран поднял глаза.

Рыжий смотрел серьёзно.

— Или я. Или ты. Или весь Вереск. Я не спорю, мать — это важно. Но мир обычно берёт плату именно тогда, когда у тебя нет мелких монет.

Эйран хотел разозлиться.

Не смог.

Потому что Тавр был прав.

И это бесило.

Лира медленно встала.

— Первый Сумрак скоро закончится. Потом можно будет идти.

— А если я снова посмотрю?

— Не смотри.

— Это не ответ.

— Тогда оно посмотрит глубже.

— Что будет?

Она поправила одеяло на его плечах.

— Сначала ты услышишь голос. Потом начнёшь отвечать. Потом перестанешь понимать, какие мысли твои.

Тавр поморщился.

— Всё хуже и хуже.

Эйран посмотрел на землю.

Под одеялом знак на руке пульсировал.

— В детстве я видел его.

— Да.

— Мать сказала: если я вижу его, оно видит меня.

Лира кивнула.

— Это старое правило.

— Чьё?

— Носителей.

— Есть ещё правила?

— Были.

— Назови.

Она подумала.

— Не смотреть в Первый Сумрак. Не звать огонь без цели. Не использовать кровь ночью. Не слушать мёртвых, если они говорят голосом любимого. Не открывать дверь, если за ней колокол. Не верить Ордену, когда он предлагает спасение.

— Последнее звучит не как древнее правило.

— Но самое полезное.

Тавр поднял палец.

— Я бы добавил: не отдавать рыжему проводнику все сухари сразу, потому что он съест.

— Ты уже съел? — спросила Лира.

— Вопрос сформулирован обвинительно.

Она закрыла глаза.

— Тавр.

— Остался один. Маленький. Скорее символ сухаря.

Эйран вдруг тихо рассмеялся.

Смех вышел короткий, хриплый, почти болезненный. Но всё-таки смех.

Лира посмотрела на него удивлённо.

Тавр расплылся в улыбке.

— Видите? Я полезен для душевного равновесия.

— Ты полезен как шум, который мешает сойти с ума, — сказала Лира.

— Принимаю.

Сумрак постепенно слабел.

Чёрный круг над закатом бледнел, растворялся в сером небе. Тени на дороге снова стали обычными. Ветер вернулся в деревья. Где-то далеко закричала птица. Мир притворился нормальным.

Эйран ещё долго сидел под одеялом.

Потом осторожно откинул край и посмотрел только на землю.

— Всё?

Лира вышла наружу и подняла голову.

— Да. Можно идти.

— Солнце ушло?

— Оба.

Он встал.

Ноги дрожали, но держали.

Тавр закинул мешок за плечо.

— Предлагаю двигаться быстро и молча. Последнее особенно важно для тех, кто любит смотреть на запретные небесные дыры.

Эйран хотел ответить, но остановился.

На земле перед навесом что-то блестело.

Маленькое.

Круглое.

Он наклонился и поднял предмет.

Медное кольцо.

Старое. Тонкое. Потемневшее от времени. На внутренней стороне был вырезан знак ключа.

Эйран перестал дышать.

— Что это? — спросила Лира.

Он сжал кольцо.

Пальцы задрожали.

— Кольцо матери.

Тавр подошёл ближе.

— Оно было с тобой?

— Нет.

— Вещи обычно не появляются сами.

Эйран смотрел на кольцо и чувствовал, как внутри поднимается не огонь, а холод.

Это кольцо он видел в день смерти матери.

После сожжения оно осталось в печи. Он нашёл его среди белого пепла и спрятал под половицей в своём доме.

В Вереске.

Оно не могло быть здесь.

Ли́ра тихо сказала:

— Первый Сумрак иногда возвращает то, что было привязано к памяти.

— Значит, это из-за видения?

— Возможно.

Эйран провёл пальцем по знаку ключа.

Кольцо было тёплым.

На внутренней стороне, рядом со старым знаком, проступали новые царапины. Их не было раньше. Он был уверен.

Три короткие линии.

Потом круг.

Потом буква старого алфавита, которую он не знал, но почему-то понял.

Ли́ра взяла кольцо и поднесла ближе к глазам.

— Это не просто знак.

— Что там?

Она долго смотрела.

— Координата.

— Чего?

— Места.

Тавр присвистнул.

— Я всё больше уважаю твою мать. Умерла семь лет назад, а всё ещё оставляет задания.

Эйран не сводил глаз с кольца.

— Какого места?

Ли́ра повернула кольцо к последнему свету.

Медный обод на мгновение вспыхнул белым.

На земле перед ними появилась тонкая линия света.

Она тянулась не к Арквелу.

А в сторону от дороги.

На северо-восток.

К старым вырубкам.

Туда, где, по словам деревенских, стоял дом, в котором никогда не зажигали огня.

Ли́ра подняла взгляд.

— Здесь написано: “Ищи там, где я впервые солгала тебе.”

Эйран закрыл глаза.

Голос матери снова прозвучал в памяти:

“Если однажды вспомнишь меня полностью — беги.”

Он открыл глаза.

— Мы идём туда.

Тавр поднял обе руки.

— Конечно. Кто же пойдёт прямо в Арквел, когда можно свернуть к загадочному месту, где мать впервые солгала, и, вероятно, найти там ещё больше людей, желающих нас убить?

Ли́ра посмотрела на светящуюся линию.

— Это может быть ловушка.

Эйран надел кольцо на палец.

Оно оказалось точно по размеру.

Будто ждало его.

— Или первая правда.
Вдалеке снова ударил колокол.
Один раз.
Очень тихо.
Словно под землёй кто-то услышал его решение.
И одобрил.

Глава 6. Человек, которого уже сожгли

Свет от кольца вёл их не по дороге.

Он скользил по траве тонкой белой нитью, пересекал старые колеи, прыгал через корни, исчезал под мхом и снова появлялся впереди. Иногда линия гасла, и тогда Эйрану приходилось сжимать кольцо на пальце, пока медь не нагревалась. После этого свет снова просыпался и тянулся дальше.

На северо-восток.

Прочь от Арквела.

Прочь от главной дороги.

Прочь от всего, что хотя бы притворялось безопасным.

Тавр шёл первым, но теперь уже не так уверенно. Он то и дело оглядывался на светящуюся линию и морщился, будто она лично его оскорбляла.

— Я просто уточню, — сказал он, перешагивая через поваленный ствол. — Мы правда идём за кольцом мёртвой женщины, которое само появилось после того, как в небе открылось чёрное солнце?

— Да, — ответила Лира.

— Хорошо. Хотел убедиться, что у нас всё ещё разумный план.

Эйран ничего не сказал.

Он смотрел на кольцо.

Медное. Старое. Мамино.

На его пальце оно сидело так, будто всегда было там. Будто семь лет не лежало под половицей в доме Вереска. Будто не было найдено среди пепла после смерти Сейны. Будто не прошло через огонь, память и Первый Сумрак, чтобы снова оказаться у него в руке.

“Ищи там, где я впервые солгала тебе.”

Эти слова не были написаны на кольце обычными буквами. Но Эйран их понял. Не прочитал — именно понял. Как понимают голос за дверью. Как узнают шаги человека, которого любили.

И от этого становилось хуже.

Он не знал, какую ложь имела в виду мать.

Потому что теперь казалось: вся его жизнь была сделана из лжи.

Лира шла рядом, но молчала. После Первого Сумрака она стала ещё тише. Иногда она смотрела на Эйрана так, словно боялась, что он снова исчезнет в небе, хотя сам продолжит идти по земле.

Тавр выдержал молчание дольше обычного.

Почти десять минут.

Потом сдался.

— Я бы хотел заранее обсудить, что мы делаем, если там будет ловушка.

— Бежим, — сказала Лира.

— А если ловушка сделана специально на тех, кто бежит?

— Тогда не бежим.

— Очень подробная стратегия.

Эйран поднял голову.

— Ты можешь идти молча?

Тавр обернулся.

— Могу. Но тогда ты начнёшь думать.

— И что?

— По твоему лицу видно, что тебе это вредно.

Эйран хотел огрызнуться, но промолчал.

Потому что Тавр был прав.

Стоило лесу затихнуть, как мысли возвращались. Вереск. Дым. Приказ Ордена. Мать в белом огне. Лицо Орвена, которое он больше не мог вспомнить. Каэл Ровен и его спокойный голос.

“Твоя мать мешала.”

Эйран сжал кулак.

Кольцо нагрелось сильнее.

Белая линия на земле вспыхнула.

Лира заметила.

— Не злись.

— Это теперь тоже запрещено?

— Твоя сила отзывается на злость.

— Моя сила отзывается на всё.

— Поэтому и опасна.

— Спасибо. Без тебя я бы решил, что это подарок.

Тавр поднял палец.

— Если у кого-то когда-нибудь будет сила, которая отзывается на радость, зовите меня.

Я с радостью помогу проверить.

— Тебе нельзя давать магию, — сказала Лира.

— Почему?

— Ты продашь её частями.

— Неправда. Сначала сдам в аренду.

Эйран всё-таки коротко усмехнулся.

На миг стало легче.

Совсем немного.

Лес впереди начал меняться.

Сначала исчезли птицы. Потом деревья стали ниже, но толще, будто росли не вверх, авширь. Их кора была тёмной, почти чёрной, покрытой белыми пятнами лишайника. Между стволами висели старые верёвки. Эйран не сразу понял, что это не верёвки, а высохшие корни, спустившиеся с ветвей к земле.

Под ногами появилась зола.

Не свежая.

Старая, втопанная в землю, смешанная с грязью. Она лежала тонким слоем, как пыль на забытом столе. С каждым шагом её становилось больше.

Лира остановилась.

— Здесь что-то жгли.

Эйран присел, взял щепоть золы и растёр между пальцами.

— Давно.

— Тела?

Он понюхал золу.

Раньше этот жест был бы обычным. Работа сжигателя. Пепел многое рассказывал тому, кто не боялся его слушать. Дерево, кость, ткань, масло, болезнь, яд — всё оставляло свой запах.

Но сейчас Эйран вдруг понял, что не хочет знать.

Пепел больше не был просто остатком огня.

Он стал письмом, написанным мёртвыми.

— Не только, — сказал он.

Тавр огляделся.

— Мне не нравится “не только”.

— Здесь жгли дерево. Масло. Кости. И что-то ещё.

— Что?

Эйран поднялся.

— Память.

Тавр открыл рот.

Закрыл.

— Я передумал. Не объясняй.

Белая линия от кольца потянулась дальше, между деревьев, к низкому холму. На вершине холма стоял дом.

Эйран увидел его и замер.

Дом был маленьким. Одноэтажным. С низкой крышей, покрытой мхом. Стены сложены из серого камня, местами заросшего травой. Окна узкие, тёмные. Дверь чёрная, без ручки. Возле дома не было ни двора, ни колодца, ни сарая.

И трубы не было.

Тавр тоже заметил.

— Дом без очага.

Лира смотрела на стены.

— Значит, здесь нельзя было зажигать огонь.

— Или хозяин был очень бедный, — сказал Тавр.

— Бедные первыми ставят очаг, — ответил Эйран.

Он сам не понял, откуда знает это с такой уверенностью. Наверное, от жизни в Вереске. У бедняка могло не быть второй рубахи, нормальной двери, даже кровати. Но огонь был всегда. Без огня дом не дом. Просто коробка, в которой человек ждёт холод.

А этот дом не ждал холода.

Он ждал их.

Кольцо на пальце стало горячим.

Белая линия упёрлась в дверь и исчезла.

На чёрном дереве медленно проступил знак.

Ключ.

Такой же, как на кольце.

Эйран шагнул к двери.

Лира схватила его за локоть.

— Осторожно.

— Я не собираюсь её целовать.

— Ты уже один раз открыл древнюю дверь кровью.

— Тогда я не знал, что делаю.

— Сейчас тоже.

Тавр подошёл сбоку и внимательно осмотрел замок, которого не было.

— Дверь без ручки, без петель снаружи, без скважины. Ненавижу такие двери. Они мешают честному ремеслу.

— Воровать нечего? — спросил Эйран.

— Открывать нечего. Это хуже.

Лира провела пальцами по знаку ключа.

— Сейна знала это место.

Эйран посмотрел на дверь.

— Мама привела меня сюда?

— Возможно.

— Я не помню.

— Может, она сделала так, чтобы ты не помнил.

Эйран сжал челюсти.
Теперь это звучало слишком правдоподобно.
Он поднял руку с кольцом.
Медный обод коснулся знака.
Внутри двери что-то щёлкнуло.
Не замок.
Скорее кость.
Дерево дрогнуло и медленно ушло внутрь, открывая тёмный проход.
Из дома не пахнуло плесенью.
Не пахнуло пылью.
Не пахнуло пустотой.
Оттуда пахнуло пеплом и сухими травами.
Эйран сделал шаг.

Внутри было темно, но кольцо светило мягко, освещая низкий коридор. Стены были голые. Ни картин, ни полок, ни крюков. На полу — серый камень, гладкий от времени. Дом казался больше внутри, чем снаружи.

Тавр вошёл последним.
— Если дверь закроется сама, — сказал он, — я начну сильно ругаться.

Дверь закрылась сама.

Тавр поднял палец.

— Я предупреждал.

Эйран не слушал.

Он смотрел на стену слева.

Там были зарубки.

Ростовые отметки.

Неровные линии, вырезанные ножом. Рядом с каждой — маленькая буква. Он подошёл ближе. Сердце застучало быстрее.

Первая отметка — совсем низко. Буква “Э”.

Вторая выше.

Третья.

Четвёртая.

Все с той же буквой.

Эйран провёл пальцами по последней отметке. Она приходилась ему примерно до груди.

— Это я, — сказал он.

Лира подошла рядом.

— Ты был здесь ребёнком.

— Много раз.

Он пытался вспомнить.

Коридор. Камень. Холод. Материнские руки. Может быть, запах трав. Может быть, страх. Всё было рядом, но не открывалось. Как дверь без ручки.

Тавр заглянул через плечо.

— Забавно. У меня дома тоже отмечали рост. Только на дверном косяке и с угрозами, что если буду воровать пироги, не вырасту.

Эйран не ответил.

Белый свет от кольца двинулся дальше по коридору, будто приглашая их.

Они прошли в комнату.

Большую.

Круглую.

И пустую.

Почти.

В центре стоял каменный стол. На нём — глиняная чаша с белым пеплом. Вокруг стола на полу были вырезаны круги. Семь кругов, соединённых линиями. Такие же, как на фреске под землёй. Семь дверей. Дорога. Пепельная Корона.

Но здесь рисунок был не древним.

Линии вырезали недавно.

Может, несколько лет назад.

Может, перед самой смертью Сейны.

На стенах висели таблички.

Деревянные. Каменные. Костяные.

На каждой — имя.

Эйран начал читать.

Не все имена он знал.

Но некоторые ударили сразу.

Халвен.

Сайра.

Талмор.

Каэл Ровен.

Сейна.

Эйран.

Он шагнул назад.

— Моё имя здесь.

Лира подошла к табличкам.

— Это список?

— Чего?

Она читала молча.

Тавр, который до этого осматривал углы в поисках чего-нибудь полезного, тоже притих.

— Здесь рядом с именами знаки, — сказала Лира. — Не даты. Роли.

— Какие роли?

Она коснулась таблички с именем Сейны.

— Ключница.

Потом таблички с именем Эйрана.

— Носитель.

Потом Лиры.

Эйран только сейчас увидел её имя.

Лира.

На тонкой костяной пластине.

Под ним знак чаши.

Лира замерла.

— Сосуд, — сказал Эйран.

Она не ответила.

Тавр нашёл свою табличку быстрее всех.

— А вот это уже наглость.

Эйран повернулся.

— Ты тоже здесь?

Тавр указал на маленькую деревянную пластинку в нижнем ряду.

Тавр.

Под именем был знак открытой ладони.

— Что значит этот знак? — спросил Эйран.

Ли́ра посмотре́ла.

— Проводник.

Та́вр нахмурился.

— Я не люблю, когда древние тайные дома заранее знают мою профессию.

— Это не профессия, — сказала Ли́ра.

— Тем более не люблю.

Эйран смотрел на таблички.

Список был большим.

Слишком большим.

Некоторые имена были зачёркнуты. Некоторые обведены кругом. Некоторые выжжены так глубоко, что дерево вокруг почернело. Имя Каэла Ровена было написано на сером камне, не на дереве. Под ним — знак меча и сломанного круга.

— Что значит у Каэла?

Ли́ра подошла ближе.

— Страж печати.

Эйран вспомнил орденца. Его спокойный голос. Его ожог. Его слова о матери.

“Твоя мать мешала.”

— Он был связан с ней.

— Да.

— Как?

Ли́ра молчала.

— Ты знаешь?

— Нет. Но этот дом знает.

Та́вр постучал пальцем по своей табличке.

— Дом, если ты знаешь, я не соглашался быть проводником в древнем пророчестве. Особенно бесплатно.

Дом не ответил.

Зато ответил другой голос.

— Ты всегда много говорил, мальчик.

Эйран резко обернулся.

В комнате никого не было.

Та́вр выхватил нож.

Ли́ра подняла руку, будто пытаясь почувствовать движение воздуха.

— Кто здесь?

Голос был старый.

Сухой.

Знакомый.

И от этого невозможный.

— Если ты пришёл с топором, Эйран, держи его ниже. В этом доме не любят резких движений.

Эйран похолодел.

Он знал этот голос.

Знал.

Но лицо, которое должно было всплыть в памяти, осталось мутным пятном.

— Нет, — прошептал он.

Из дальнего угла, где тьма казалась гуще, вышел человек.

Старик.

Высокий, сутулый, в серой одежде без украшений. Лицо изборождено морщинами, одна сторона обожжена так сильно, что кожа стала похожа на расплавленный воск. Волосы белые, коротко остриженные. Глаза — светлые, почти прозрачные.

Он опирался на посох из чёрного дерева.

И пах пеплом.

Эйран не мог вспомнить его лицо.

Но голос помнил.

— Мастер Орвен, — сказал он.

Лира резко посмотрела на старика.

Тавр сделал шаг назад.

— Мастер кто?

Эйран не сводил глаз с человека.

— Ты умер.

Орвен остановился у каменного стола.

— Да.

— Я сжёг тебя.

— Тоже да.

— Я видел твой пепел.

— Ты видел пепел.

— Я запечатал кувшин.

— Ты запечатал кувшин.

Эйран поднял топор.

— Кто ты?

Старик посмотрел на лезвие, потом на него.

— Тот, кто научил тебя держать топор не как мясник, а как сжигатель. Тот, кто бил тебя по пальцам, когда ты путал масло для сухих тел и масло для мокрых. Тот, кто сказал тебе: сжигатель должен знать три дороги.

Эйран сжал рукоять.

— Дорогу к печи.

— Дорогу от печи, — продолжил Орвен.

— И дорогу, по которой бежать, если печь не справилась, — закончил Эйран.

Старик кивнул.

— Рад, что хоть это ты не забыл.

У Эйрана пересохло во рту.

Лицо Орвена всё ещё не возвращалось. Он видел старика перед собой, но память не соединяла настоящее с прошлым. Это было страшно: узнать человека по голосу и не найти в себе его лица.

— Ты должен быть мёртв, — сказал Эйран.

— Должен. Но жизнь, как и смерть, иногда работает плохо.

Лира шагнула вперёд.

— Ты был сжигателем Вереска до него.

Орвен посмотрел на неё.

Долго.

Очень долго.

— Девятая.

Лира побледнела.

— Не называй меня так.

— Тогда вспомни своё имя полностью.

Она замолчала.

Эйран перевёл взгляд с неё на Орвена.

— Ты знаешь, кто она?

— Я знаю, кем её сделали.

— Говори.

— Не так быстро.

Тавр поднял нож.

— Старик, у нас за спиной Орден, под ногами колокола, а впереди город, где, вероятно, нас повесят. Быстро — наш любимый способ.

Орвен посмотрел на него.

— Тавр, сын Нейра, брат Мирта. Всё ещё прячешь боль за языком?

Улыбка исчезла с лица Тавра.

— Откуда ты знаешь моего брата?

— Этот дом знает имена тех, кто должен был прийти.

— Меня от этого тошнит.

— Привыкнешь.

— Не планирую.

Эйран ударил обухом топора по каменному столу.

Глухо.

Пепел в чаше дрогнул.

— Хватит. Что это за место?

Орвен медленно подошёл к стене с зарубками роста.

— Дом без огня. Один из малых ключевых домов. Их строили там, где нельзя было держать пламя, но нужно было хранить память о нём.

— Моя мать приводила меня сюда.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы проверить, спит ли знак.

Эйран поднял левую руку.

— Этот?

— Да.

— И он спал?

— Пока она была жива.

В комнате стало холоднее.

Эйран посмотрел на табличку с именем Сейны.

Ключница.

— Почему ты жив?

Орвен усмехнулся.

— Плохой вопрос. Лучше спроси, почему ты сжёг меня и не заметил подмены.

— Подмены?

— В кувшине, который ты запечатал, был не я.

Эйран сделал шаг к нему.

— Я видел тело.

— Ты видел тело, похожее на моё.

— Я готовил его к печи.

— И плакал, когда думал, что никто не смотрит.

Эйран замер.

Это было правдой.

Он никому не говорил.

Орвен был не отцом, не дедом, не другом в обычном смысле. Он был суровым стариком, от которого пахло дымом, травами и железом. Он ругался. Молчал. Учить умел только через боль и усталость. Но после смерти матери именно он оставил Эйрана при печном доме. Кормил. Дал работу. Не выгнал, когда деревенские шептались о странном мальчишке Сейны.

И когда Орвен умер, Эйран впервые понял, что второй раз стал сиротой.

— Почему? — спросил он.

Голос сорвался.

Орвен отвёл взгляд.

— Потому что Орден должен был поверить, что последний человек, знавший тайну Сейны, сгорел.

— Ты бросил меня.

Старик помолчал.

— Да.

Это было хуже оправданий.

Эйран ударил его.

Не топором.

Кулаком.

Орвен не защитился. Удар пришёлся в скулу. Старик качнулся, но устоял.

Лира шагнула было вперёд, но Тавр придержал её.

— Думаю, это семейное.

— Он не семья, — сказал Эйран.

Орвен вытер кровь с губы.

— Нет. Но я должен был ею стать.

Эйран почувствовал, как внутри снова поднимается жар.

— Не смей.

— Я обещал Сейне.

— Не произноси её имя.

— Я обещал твоей матери спрятать тебя, если она не вернётся. И спрятал. В Вереске. Среди мёртвых. Там, где Орден меньше всего искал носителя.

— Они всё равно следили!

— Потому что печать начала слабеть.

— И ты ничего не сделал.

Орвен посмотрел на его руку.

— Делал. Пока мог.

— Из тени?

— Из пепла.

Он подошёл к чаше на столе и коснулся белого пепла двумя пальцами. Пепел поднялся тонкой струёй и завис в воздухе. В нём появились образы. Вереск. Печной дом. Маленький Эйран у двери. Орвен, молодой лишь чуть-чуть меньше, чем сейчас, стоит рядом с Сейной. Сейна держит ребёнка на руках.

Эйран смотрел, не дыша.

Пепельное видение было мутным, но живым.

Сейна говорила что-то Орвену, но звука не было.

Потом она протянула ему медное кольцо.

Орвен взял его.

И поклонился.

Не как ученик.

Не как сосед.

Как человек, принимающий клятву.

Видение рассыпалось.

— Я не мог быть рядом открыто, — сказал Орвен. — Орден имел глаза в Вереске.

— Талмор.

— Не только.

Эйран похолодел.

— Кто ещё?

Орвен молчал.

— Кто ещё?

Старик посмотрел на стену с именами.

— Староста Варгис.

Эйран вспомнил красное лицо старосты на храмовых ступенях. Его крик. Его приказ стоять на месте. Его страх.

Нет.

Не страх.

Теперь Эйран понял.

Вина.

— Он был с ними?

— Он докладывал Талмору. Талмор — Каэлу. Каэл — старшему кругу.

— Вся деревня была клеткой.

— Не вся. Но достаточно, чтобы ты не вышел из неё без ведома Ордена.

Эйран отвернулся.

Ему стало трудно дышать.

Вереск больше не был домом.

Печной дом — не просто работой.

Его жизнь — не просто жизнью.

Всё это было местом наблюдения. Клеткой без прутьев. Печью, в которой его держали, пока знак не проснётся.

— Сейна знала? — спросил он.

— Что за тобой будут следить? Да.

— И всё равно оставила меня там?

— Она выбирала между плохим и худшим.

— Все так говорят, когда хотят оправдать предательство.

Орвен тяжело вздохнул.

— Сейна не предавала тебя.

— Она мне лгала.

— Чтобы ты жил.

— Я устал слышать это.

— Но это правда.

Эйран резко повернулся.

— Какая именно правда? Что она была ключницей? Что закрыла меня памятью? Что я носитель? Что мой знак жрёт мои воспоминания? Что человек, которого я сжёг, стоит передо мной живым? Вы все говорите “правда”, но каждый раз даёте только кусок, чтобы я подавился и попросил следующий.

Орвен молчал.

Лира смотрела в пол.

Тавр тихо сказал:

— Хорошо сказал.

Эйран указал на таблички.

— Что значит “первая ложь”?

Орвен поднял глаза.

— Кольцо привело тебя сюда?

— Да.

— И показало слова?

— Да.

— Значит, Сейна решила, что время пришло.

— Она мертва.

— Для ключниц смерть не всегда конец работы.

Эйран усмехнулся.

— Отлично. Теперь и моя мать будет оставлять мне указания из пепла?

— Если повезёт.

— А если нет?

— Тогда их оставят те, кто убил её.

Слова повисли в комнате.

Лира медленно подняла голову.

— Орден убил Сейну?

Орвен посмотрел на Эйрана.

— Нет.

Эйран замер.

— Что?

— Орден пришёл за ней. Но не Орден убил её.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как Тавр перестал дышать.

Эйран шагнул ближе.

— Я видел её тело.

— Да.

— Она умерла.

— Да.

— От чего?

Орвен сжал посох.

— От печати.

Лира закрыла глаза.

— Она сдерживала знак слишком долго.

Орвен кивнул.

— Семь лет после твоего рождения она держала первую дверь своей кровью. Потом ещё двенадцать — памятью. Каждый год она забывала что-то. Сначала мелочи. Потом лица. Потом собственный голос в детстве. Потом имя человека, которого любила.

Эйран почувствовал, как сердце ударило в рёбра.

— Кого?

Орвен не ответил.

— Кого она любила?

Старик подошёл к стене и снял одну табличку.

Каменную.

Ту, где было имя Каэла Ровена.

Страж печати.

Он положил её на стол рядом с пепельной чашей.

— Вот её первая ложь.

Эйран смотрел на имя.

Каэл Ровен.

Орденец.

Человек, который хотел забрать его живым.
Человек, который знал Вереск, Сейну, Лиру, печать.
— Нет, — сказал Эйран.
Орвен молчал.
— Нет.
— Сейна сказала тебе, что у тебя не было отца.
Мир стал узким.
Каменный стол.
Имя на табличке.
Свет кольца.
Глухой стук собственного сердца.
— Потому что так было легче, — продолжил Орвен. — Для ребёнка. Для деревни. Для неё самой.
Эйран не слышал.
Или слышал слишком хорошо.
Каэл Ровен.
Серые глаза.
Ожог на щеке.
Спокойный голос:
“Я не пришёл убивать тебя.”
“Тебя не учили. Хорошо.”
“Твоя мать мешала.”
Эйран поднял глаза на Орвена.
— Ты хочешь сказать...
Голос не слушался.
Орвен произнёс тихо:
— Каэл Ровен — твой отец.
Лира резко вдохнула.
Тавр выругался под нос.
Эйран сделал шаг назад.
Потом ещё один.
— Ты лжёшь.
— Нет.
— Лжёшь!
Знак на его ладони вспыхнул.
Каменный стол треснул.
Пепел в чаше взметнулся вверх.
Орвен не отступил.
— Он был стражем первой печати. Сейна — ключницей. Они должны были охранять дверь вместе. Потом Орден решил использовать ребёнка, который родится от ключницы и стража.
— Меня.
— Да.
— И он согласился?
Орвен молчал.
Этого хватило.
Эйран почувствовал, как внутри поднимается белый огонь.
Не как раньше.
Сильнее.

Глубже.
Он не звал его.
Огонь сам нашёл путь.
Таблички на стенах задрожали. Имена зашептали. Круги на полу засветились. Лира бросилась к нему, но Орвен поднял руку.
— Не трогай!
— Он потеряет контроль!
— Если сейчас его остановить силой, будет хуже.
Эйран смотрел на имя Каэла.
Отец.
У него был отец.
Не мёртвый.
Не забытый.
Не герой.
Не бедняк из деревни.
А человек Ордена.
Человек, который знал, что Вереск могут зачистить.
Человек, который смотрел на него не как на сына, а как на вещь, которую надо взять живой.
Память дрогнула.
Он снова увидел мать в белом огне.
Мужской голос:
“Сейна! Отдай ребёнка!”
Теперь он узнал голос.
Каэл.
Эйран закричал.
Белый свет ударил из ладони в стену.
Табличка с именем Каэла треснула.
Но не разбилась.
Вместо этого на ней проступили новые линии.
Не знак меча.
Не сломанный круг.
Другой знак.
Маска.
Без лица.
Лира побледнела.
Орвен шагнул к столу.
— Нет...
Тавр посмотрел на знак.
— Это плохо?
Орвен не ответил.
Эйран тяжело дышал.
Свет начал гаснуть.
На руке появились новые серые трещины. Он почувствовал, как что-то уходит из памяти.
Попытался удержать. Не смог.
На этот раз исчез звук материнского смеха.
Он помнил, что она смеялась.
Помнил, что это было редко.
Но сам звук исчез.

И от этого в нём что-то оборвалось.

Лира подошла медленно.

— Эйран...

Он поднял на неё глаза.

— Он забрал ещё кусок.

Она поняла.

— Какой?

Эйран хотел ответить, но горло сжалось.

— Её смех.

Лира опустила взгляд.

Тавр отвернулся.

Орвен закрыл глаза.

— Прости.

Эйран посмотрел на него.

— Не смей.

Старик кивнул.

— Не буду.

Несколько мгновений никто не говорил. Потом из глубины дома донёсся стук. Один. Потом второй. Будто кто-то ударил в дверь, которой здесь не было.

Лира напряглась.

— Что это?

Орвен резко повернулся к дальнему проходу.

— Они нашли дом.

— Орден? — спросил Тавр.

— Хуже.

Эйран поднял топор.

— Что хуже Ордена?

Орвен подошёл к стене и снял ещё одну табличку.

Пустую.

Без имени.

Только знак маски.

— Те, кто служит не Ордену, а тому, что смотрит из-за Первого Солнца.

Стук повторился.

Теперь ближе.

Дом без огня задрожал.

Из щелей в полу поднялся чёрный пепел.

Лира прошептала:

— Маска без лица.

Эйран вспомнил слова пепельной памяти:

“Ищи того, кто носит маску без лица.”

Орвен схватил медное кольцо на руке Эйрана и резко повернул его.

На полу открылся круг.

Не люк.

Не дверь.

Просто камень исчез, открывая узкую лестницу вниз.

— Уходите, — сказал Орвен.

— Нет, — сказал Эйран.

— Уходите.

— Ты только что вернулся из мёртвых. Я не оставлю тебя снова.

Орвен впервые улыбнулся.
Устало.
Почти тепло.
И на мгновение Эйрану показалось, что мутное пятно в памяти стало чуть яснее.
Не лицо.
Но ощущение лица.
— Я не возвращался, мальчик, — сказал Орвен. — Я всё это время горел медленно.
Стук стал ударом. На чёрной двери появилась трещина. Из неё просочился дым. Не серый. Не белый. Чёрный.
Лира схватила Эйрана за руку.
— Мы должны идти.
— Он знает больше!
— Он умрёт, если мы останемся.
Орвен поднял посох.
— В Арквеле ищите архив под серебряной башней. Не главный вход. Нижний. Через дом красильщика на улице Слепых фонарей. Пароль — “второй рассвет не для мёртвых”.
Тавр быстро кивнул.
— Запомнил.
— Не доверяйте Талмору. Не доверяйте Варгису. Не доверяйте Каэлу, даже если он скажет правду.
Эйран застыл.
— Он знает, что он мой отец?
Орвен посмотрел на него.
— Да.
Удар.
Дверь раскололась наполовину.
За ней стояла фигура в сером плаще.
Лица не было.
Только гладкая белая маска.
Без глаз.
Без рта.
Без отверстий.
Но Эйран чувствовал, что она смотрит.
Прямо на него.
Орвен крикнул:
— Вниз!
Тавр прыгнул первым.
Лира потянула Эйрана.
Он сделал шаг к лестнице, но обернулся.
Орвен стоял между ними и маской. Старый сжигатель против того, что пришло из-за солнца.
— Мастер...
Орвен не повернулся.
— Дорога, по которой бежать, если печь не справилась, помнишь?
Эйран стиснул зубы.
— Помню.
— Вот она.
Лира почти столкнула его вниз.
Каменный круг начал закрываться.

Последнее, что Эйран увидел: Орвен бросил в чашу с пеплом горсть белой соли, и весь дом вспыхнул холодным огнём.

Не красным.

Не живым.

Пепельным.

Фигура в маске шагнула в пламя.

И голос без рта произнёс:

— Носитель уже слышал отца.

Круг закрылся.

Темнота ударила в лицо.

Эйран падал по узкой лестнице, цепляясь за стены, слыша за спиной грохот, шёпот, треск камня и далёкий голос Орвена, который говорил слова старой погребальной молитвы.

Потом всё стихло.

Они оказались в подземном ходе.

Тавр сидел на полу, держась за ушибленное колено.

Лира стояла рядом, тяжело дыша.

Эйран упёрся ладонями в холодный камень.

Он не плакал.

Не кричал.

Не двигался.

Внутри него было слишком много огня и слишком мало памяти.

Тавр тихо сказал:

— Нам надо идти.

Эйран поднял голову.

— В Арквел.

Лира кивнула.

— В Арквел.

Он посмотрел на кольцо Сейны.

На нём проступила новая царапина.

Маска.

Без лица.

И рядом — одно слово.

Не написанное.

Выжженное прямо в меди.

Отец.

Эйран сжал кулак так сильно, что кольцо впилося в кожу.

Теперь он шёл в Арквел не только за архивом.

Он шёл за Каэлом Ровеном.

Глава 7. Деревня в огне

Подземный ход вывел их не сразу.

Сначала была темнота.

Длинная, низкая, давящая. Она пахла мокрым камнем, корнями и старым дымом. Иногда где-то над головой скрипели деревья, и земля осыпалась с потолка тонкими струйками. Иногда в стенах что-то шуршало, но Эйран не хотел думать, что именно.

Он шёл первым.

Не потому, что знал дорогу.

Потому что если бы шёл позади, то видел бы перед собой только спины Лира и Тавра, а этого было мало. Ему нужно было держать в руках топор, видеть проход и делать вид, что он контролирует хоть что-то.

На самом деле он не контролировал ничего.

Дом без огня остался позади.

Орвен остался позади.

Маска без лица осталась позади.

И всё равно Эйран чувствовал: она идёт следом.

Не шагами.

Не дыханием.

Просто присутствием.

Как взгляд, который не исчезает даже тогда, когда ты закрываешь глаза.

Лира шла молча. Тавр тоже. Это было страннее всего. Рыжий проводник, который ещё недавно шутил про сапоги, древние двери и будущие деньги, теперь молчал так долго, что Эйран несколько раз хотел проверить, не потеряли ли они его в темноте.

Но Тавр был рядом.

Иногда он тихо ругался, когда ударялся плечом о стену.

Значит, жив.

Через некоторое время ход стал подниматься. Воздух сделался суше. Впереди потянуло холодом и запахом травы.

Выход.

Эйран ускорил шаг.

Проход закончился каменной плитой, заваленной корнями. Между корнями пробивалась тонкая полоска серого света. Эйран упёрся плечом в плиту.

Она не поддалась.

— Дай, — сказал Тавр.

— Я сам.

— Ты, конечно, человек с сияющей рукой и семейными тайнами, но плиту лучше двигать не злостью, а рычагом.

Эйран отошёл.

Тавр вытащил из-за пояса короткий ломик.

Лира посмотрела на него.

— Откуда?

— Уважающий себя человек всегда носит ломик.

— Уважающий себя вор.

— Я не люблю узкие определения.

Он просунул ломик между плитой и стеной, нажал. Камень скрипнул. Потом ещё раз. В щель посыпалась земля. Эйран помог плечом. Лира упёрлась ладонями в корни. Плита медленно сдвинулась.

В лицо ударил ветер.

Свежий.

Холодный.

Живой.

Эйран выбрался наружу первым и зажмурился от света.

Они вышли на склоне холма, заросшего сухой травой. Позади стоял редкий лес, впереди — низина, за ней старая дорога, а дальше, совсем далеко, серело небо над Вереском.

Только небо было не серым.

Чёрным.

Дым поднимался широким столбом, закрывая восточную часть горизонта. Ветер тянул его к лесу, разрывал на клочья, но дым всё равно казался цельным, тяжёлым, живым. Как будто сама деревня теперь дышала через рану.

Эйран вышел на край холма.

Ли́ра поднялась рядом.

Тавр вылез последним, отряхнул плащ, увидел дым и перестал ворчать.

Никто не сказал ни слова.

Вереск горел.

Не весь. С такого расстояния нельзя было понять. Но дыма было слишком много для одного дома. Слишком много даже для печного двора.

Эйран почувствовал, как внутри всё стало пустым.

Не горячим.

Не злым.

Пустым.

Будто огонь забрал даже ярость.

— Мы должны идти дальше, — тихо сказала Ли́ра.

Он не повернулся.

— Нет.

— Эйран.

— Нет.

Тавр осторожно сказал:

— Если ты сейчас побежишь туда, тебя увидят раньше, чем ты дойдёшь до первых домов.

— Значит, не побегу. Пойду по оврагу.

— Ты не сможешь пройти один через кордон Ордена.

— Тогда помоги.

Тавр замолчал.

Ли́ра встала перед Эйраном.

— Послушай меня.

— Я уже слушал.

— Если ты вернёшься, Каэл получит тебя.

— Мне плевать на Каэла.

— А ему на тебя нет.

— Хорошо. Пусть попробует.

— Ты не понимаешь, против чего идёшь.

Эйран наконец посмотрел на неё.

— А ты понимаешь, что там люди?

Ли́ра выдержала его взгляд.

— Да.

— Сайра. Её девочка. Мальчик-звонарь. Даже Нерс, который стрелял в нас. Они там. А я стою здесь и слушаю, как все объясняют, почему я должен уйти.

— Потому что твоя смерть не спасёт их.

— А бегство спасёт?

Она молчала.

Эйран кивнул, будто получил ответ.

— Я не прошу тебя идти со мной.

Он сделал шаг вниз по склону.

Лира схватила его за рукав.

— Если ты пойдёшь, я пойду тоже.

— Зачем?

— Потому что без меня ты проживёшь меньше часа.

— А со мной? — спросил Тавр.

Лира даже не посмотрела на него.

— Сорок минут, но интереснее.

— Жестоко, но, возможно, справедливо.

Эйран остановился.

Он не хотел брать их с собой.

И хотел.

Потому что идти одному было проще: тогда погиб бы только он. А с ними каждый шаг становился ответственностью. Лира еле держалась на ногах, хотя пыталась скрыть слабость. Тавр был быстрым, умным, полезным — и совершенно не обязан умирать за чужую деревню.

— Вы не должны, — сказал Эйран.

Тавр вздохнул.

— Слушай, я не люблю героические речи. Они обычно заканчиваются тем, что кто-то тяжёлый падает на меня. Но если в Вереске Орден, а у Ордена есть документы, люди, печати и, возможно, сапоги, то у меня есть причины приблизиться. Осторожно. С краю. Не в центр костра.

Лира сказала:

— Мы не спасём всю деревню.

Эйран сжал зубы.

— Я знаю.

— Мы можем найти выживших. Узнать, что сделал Орден. И уйти до того, как Каэл поймёт, что ты рядом.

— Значит, так и сделаем.

— Если увидишь Каэла, не бросайся на него.

Он ничего не ответил.

— Эйран.

— Не обещаю.

Лира выругалась тихо.

Тавр поднял руку.

— Прекрасно. План: идём к горящей деревне, стараемся не попасться древнему отцу с мечом, не будим мёртвых, не смотрим на небо после заката, не трогаем людей в масках без лица и по возможности добываем еду. Я ничего не забыл?

— Молчать, — сказала Лира.

— Точно. Самое трудное.

Они спустились по склону.

Тавр повёл их не прямо к дороге, а вдоль старой линии кустарника, где земля уходила вниз и образовывала сухой овраг. По нему когда-то текла весенняя вода, теперь остались только камни, корни и жёлтая трава. Овраг тянулся в сторону Вереска, обходя тракт с севера.

Эйран знал эту местность смутно. В детстве Орвен водил его сюда собирать сухие ветки и показывал, где лучше не ходить после дождя. Но теперь лес и овраги казались чужими. Всё знакомое стало опасным, потому что за каждым поворотом могла появиться орденская печать, мёртвый с голосом матери или человек, которому он больше не мог доверять.

Когда они подошли ближе, запах дыма стал сильнее.

Не просто дерева.

Соломы.

Масла.

Горящей ткани.

И чего-то ещё, от чего Эйрану захотелось зажать нос, хотя он всю жизнь работал у печи.

Горели дома.

Горели вещи.

Горело то, что не должно было попадать в общий огонь.

Тавр поднял руку, останавливая их.

Впереди, над краем оврага, слышались голоса.

Мужские.

Спокойные.

Орденские.

Эйран медленно поднялся и выглянул сквозь сухие ветки.

На старой дороге стояли трое всадников Ордена Пепла. Рядом с ними — телега. В телеге лежали мешки, несколько сундуков, связки одежды, корзины с хлебом. Один орденец проверял списки. Другой держал копьё. Третий сидел в седле и смотрел в сторону деревни.

Возле телеги стояли люди.

Жители Вереска.

Не все. Человек двадцать. Может, меньше. Мужчины, женщины, старики. Их согнали на дорогу, связали руки верёвками и разделили на две группы.

Эйран сразу увидел Сайру.

Вдову мельника.

Она стояла на коленях, прижимая к себе девочку. Волосы у неё были в саже. Лицо разбито. Девочка не плакала — просто смотрела перед собой слишком широко открытыми глазами.

Эйран вцепился пальцами в землю.

Лира тихо схватила его за плечо.

— Не сейчас.

Он едва слышал.

Один из орденцев развернул свиток.

— По приказу старшего круга Ордена Пепла, поселение Вереск признаётся заражённым пепельным пробуждением. Все жители проходят разделение.

Староста Варгис стоял рядом с орденцами.

Живой.

Целый.

В меховой накидке, хотя день был не холодный. Он не был связан. Наоборот — держал в руках свой посох старосты. Лицо у него было серым, но не от пепла. От страха.

Эйран почувствовал, как внутри снова поднимается жар.

Варгис.

Орвен сказал правду.

Староста был одним из тех, кто следил.

Староста знал.

Староста стоял рядом с людьми Ордена, пока его деревню делили, как больную скотину.

Орденец продолжил читать:
— Первая группа: свидетели знака. Подлежат допросу и очищению.
Люди зашептались.
— Вторая группа: контактировавшие с пробуждёнными мёртвыми. Подлежат времен-
ному удержанию до второго рассвета.
— А потом? — крикнул кто-то из связанных.
Орденец даже не посмотрел.
— Молчать.
Сайра подняла голову.
— Моя дочь ничего не видела. Она ребёнок.
Орденец посмотрел в список.
— Имя?
— Мира. Ей шесть.
— Дочь мельника?
— Да.
Он сделал отметку.
— Свидетель ожившей девятой.
— Она не понимает, что видела!
— Дети часто понимают больше взрослых.
Сайра попыталась встать, но копыё опустилось ей на плечо.
— Пожалуйста, — сказала она. — Заберите меня. Её оставьте.
Варгис отвернулся.
Эйран сжал рукоять топора.
Тавр почти беззвучно сказал:
— Их нельзя взять силой. Трое на дороге, ещё будут в деревне. Плюс Варгис. Плюс
лошади.
— Я вижу, — ответила Лира.
— Он не видит.
Эйран слышал.
Но не хотел.
Орденец свернул свиток.
— Староста Варгис подтверждает, что сжигатель Эйран из Вереска проявил знак старого
огня и скрылся вместе с девятой.
Варгис сглотнул.
— Подтверждаю.
Сайра резко повернулась к нему.
— Ты же видел, что мёртвые вышли из печи! Он пытался...
— Молчать! — крикнул Варгис.
Но голос дрогнул.
Сайра смотрела на него так, будто впервые увидела не старосту, а человека, спрятавше-
гося за чужим ножом.
— Ты продал нас, — сказала она.
Варгис побледнел.
— Я защищал деревню.
— Она горит.
Варгис ничего не ответил.
Эйран почувствовал, как эти слова вошли в него глубже любого приказа.
Она горит.
Моя деревня горит.

Один из орденцев подошёл к Сайре.

— Женщину и ребёнка в первую группу.

— Нет! — Сайра отпрянула.

Девочка наконец заплакала.

Эйран уже почти поднялся.

Лира схватила его сильнее.

— Подожди.

— Они забирают ребёнка.

— Если бросишься сейчас, умрёшь и она тоже.

— Тогда что?

Лира посмотрела на телегу, на связанных, на всадников.

— Отвлечение.

Тавр тихо сказал:

— Мне не нравится, как вы произносите это слово рядом со мной.

Лира повернулась к нему.

— Сможешь вывести лошадей?

— Трёх?

— Хотя бы двух.

— С копьями, списками и пепельными убийцами рядом?

— Да.

Тавр подумал.

— Могу.

— Хорошо.

— Это был не ответ “да, я рад”. Это был ответ “да, я, вероятно, умру”.

— Не умирай.

— Великолепный совет.

Эйран посмотрел на них.

— А я?

Лира указала на телегу.

— Когда лошади сорвутся, орденцы отвлекутся. Ты перережешь верёвки. Я заберу ребёнка.

— А Варгис?

Лира задержала взгляд на нём.

— Не сейчас.

Эйран ничего не сказал.

Потому что если бы сказал, то солгал бы.

Тавр исчез первым.

Он не побежал. Не прыгнул. Просто был рядом — и вдруг его уже не было. Рыжая макушка мелькнула между кустами, потом пропала за поваленным деревом. Через несколько мгновений с другой стороны дороги хрустнула ветка.

Один из орденцев поднял голову.

— Кто там?

Тишина.

Потом из леса раздалось жалобное блеяние.

Лошадь вскинула голову.

Орденец нахмурился.

— Коза?

Второй сказал:

— Здесь нет коз.

Снова бляение.
Более обиженное.
Эйран посмотрел на Лиру.
Она тихо прошептала:
— Он сейчас серьёзно изображает козу?
— Похоже.
— И это работает?
Один из орденцев пошёл к лесу.
Работало.
Тавр заблеял третий раз.
Теперь уже так, будто коза не только заблудилась, но и осуждала всех присутствующих.
Лошадь первого всадника заржала и потянула поводья. Второй орденец выругался. На дороге началось движение.
— Сейчас, — сказала Лира.
Эйран бросился из оврага.
Сначала его никто не заметил. Все смотрели в сторону леса, откуда вдруг вылетела не коза, а Тавр, накрытый старой рогожей, с привязанными к голове ветками.
— Бе-е-е! — крикнул он и швырнул горсть пепла прямо в морду ближайшей лошади.
Лошадь взвилась.
Вторая рванулась следом.
Третий всадник попытался удержать поводья, но Тавр уже оказался под телегой и полоснул ножом по ремням. Одна из лошадей сорвалась с упряжи, ударила копытом по колесу и понеслась к лесу.
— Держать! — заорал орденец.
Люди закричали.
Сайра прижала дочь к себе.
Эйран добежал до связанных первым. Топор перерубил верёвку на руках старика Ремма.
Потом ещё одну. Потом третью.
— Бегите в овраг! — крикнул он.
Ремм смотрел на него, как на мертвеца.
— Эйран?
— В овраг!
Лира уже была рядом с Сайрой. Она схватила девочку, Сайра попыталась ударить её, не узнав сразу, но Лира удержала её руку.
— Мы помогаем.
Сайра увидела Эйрана.
Глаза расширились.
— Ты жив.
— Пока, — сказал он, перерезая её верёвки. — Бери ребёнка и беги.
— Они сказали, ты проклят.
— Потом обсудим.
Орденец с копьём наконец увидел его.
— Носитель!
Эйран развернулся.
Копьё летело в грудь.
Он отбил его топором, но удар был сильный. Рукоять вывернуло ладони. Орденец надавил, пытаясь прижать его к телеге. Эйран ударил ногой в колесо, ушёл в сторону и рубанул по древку.
Копьё треснуло.

Не сломалось.

Орденец был быстрее. Он выхватил короткий меч и ударил в плечо. Эйран отскочил, но лезвие рассекло рукав и кожу. Боль вспыхнула горячо, почти приятно после всего белого, чужого огня.

Это была обычная боль.

Человеческая.

Понятная.

Он ударил обухом топора по руке орденца. Тот выругался, меч выпал. Эйран толкнул его плечом в телегу.

Слева закричала Лира.

Эйран обернулся.

Второй орденец схватил её за волосы и тянул к себе, поднимая серебряную печать. Девочка Сайры лежала на земле и плакала. Сайра пыталась подняться, но связанная верёвка всё ещё путалась у ног.

— Девятая должна быть возвращена! — крикнул орденец.

Лира вонзила ему локоть в горло.

Он захрипел, но не отпустил.

Эйран почувствовал, как знак на ладони вспыхнул.

Нет.

Не сейчас.

Не ценой памяти.

Он бросил топор.

Не магией.

Железом.

Топор перевернулся в воздухе и ударил орденца рукоятью в висок. Тот рухнул.

Лира отшатнулась, держась за горло.

— Спасибо.

— Потом.

Тавр пролетел мимо них верхом на неосёдланной лошади, держась за гриву.

— Я не умею ездить! — крикнул он.

Лошадь неслась прямо к оврагу.

— Тогда зачем сел? — крикнула Лира.

— Она первая начала!

Третья лошадь рванула за ним, волоча за собой кусок упряжи. Телега перекосилась. Сундуки посыпались на дорогу. Один раскрылся, и из него вывалились связки бумаг, мешочки с монетами, храмовые печати и маленькие деревянные таблички с именами жителей Вереска.

Эйран увидел табличку со своим именем.

Потом другую.

Мира, дочь Сайры.

Свидетель.

Он схватил обе.

И тут услышал голос:

— Эйран.

Варгис стоял у края дороги.

Не с оружием.

С посохом.

Староста смотрел на него, и теперь на его лице не было ни власти, ни важности. Только страх. Голый, жалкий, мокрый от пота страх.

— Ты знал, — сказал Эйран.

Варгис отступил.

— Я хотел защитить Вереск.

— Ты отдал им имена.

— Они бы всё равно пришли.

— Ты отдал им детей.

— Я не знал, что они...

Эйран подошёл ближе.

— Что? Что они будут делать? Сжигать? Связывать? Зачищать? Ты не понял слово “зачистить”?

Варгис поднял дрожащую руку.

— Ты не знаешь, что такое Орден.

— Уже узнаю.

— Они не прощают. Они не забывают. Они сказали, если я буду помогать, деревню оставят.

Эйран посмотрел на дым над Вереском.

Потом на старосту.

— Оставили?

Варгис открыл рот.

Не нашёл ответа.

Из-за деревьев раздался крик Тавра:

— Можно закончить семейную драму? У нас скоро будет подкрепление!

Эйран схватил Варгиса за ворот.

— Где Талмор?

Староста побледнел ещё сильнее.

— В деревне.

— С Каэлом?

— Нет. Каэл ушёл за тобой. Талмор остался у храма.

— Что он делает?

Варгис молчал.

Эйран сильнее сжал ворот.

— Что он делает?

— Жжёт печной дом, — выдохнул Варгис. — И тех, кого считает заражёнными.

Мир покраснел.

На мгновение Эйран услышал не дорогу, не крики, не лошадей.

Печь.

Свою печь.

Орвен говорил: сжигатель отвечает за огонь.

Талмор жёг его дом.

Его мёртвых.

Его людей.

— Сколько осталось в деревне? — спросил Эйран.

— Я не знаю.

— Сколько?

— Часть разбежалась. Часть у храма. Часть... часть уже в печном дворе.

Сайра подошла к ним. На руках у неё дрожала дочь.

— Варгис, — сказала она. — Ты сказал им, где прятались дети.

Староста закрыл глаза.

Эйран отпустил его.

Варгис упал на колени.

— Я боялся.

Сайра смотрела на него с такой тишиной, что даже Эйрану стало страшно.

— Мы все боялись, — сказала она. — Но не все стали предателями.

Варгис заплакал.

Не громко.

Сухо.

Жалко.

Эйран отвернулся.

Он хотел убить его.

Очень хотел.

Но рядом стояла Мира, дочь Сайры. Шестилетняя девочка с глазами, которые уже видели слишком много огня. Если он убьёт старосту сейчас, она увидит ещё одну смерть.

И запомнит.

Если Орден не заберёт эту память раньше.

— Беги, — сказал Эйран.

Варгис поднял голову.

— Что?

— Беги. И если ещё раз увижу тебя рядом с Орденом, сожгу без печи.

Староста поднялся, спотыкаясь, и побежал к лесу.

Тавр появился из оврага, ведя под уздцы лошадь. Вид у него был победный и испуганный одновременно.

— Я добыл коня.

Лира посмотрела.

— Ты его украл.

— В бою это называется трофеей.

— Ты чуть не сломал шею.

— Но не сломал. Значит, талант.

Один из освобождённых жителей, старик Ремм, подошёл к Эйрану.

— Что нам делать?

Эйран хотел сказать: идите домой.

Но дома горели.

Хотел сказать: к храму.

Но храм был у Талмора.

Хотел сказать: я спасу вас.

Но это была бы ложь.

Он посмотрел на Сайру, на ребёнка, на стариков, на людей, которые ещё утром могли бросить в него камень, а теперь смотрели как на единственного человека, у которого есть хоть какой-то ответ.

У него не было ответа.

Была только дорога.

— Идите через овраг к старым вырубкам, — сказал он. — Там есть навес углежогов.

Спрячьтесь до ночи. Не жгите огонь.

Ремм побледнел.

— Без огня?

— Без огня.

— А мёртвые?

Эйран посмотрел на дым.

— Сегодня огонь опаснее мёртвых.

Лира подошла к Сайре и протянула ей маленькую серебряную печать, поднятую с дороги.

— Если увидите людей Ордена, бросьте это в ручей. Они решат, что след ушёл по воде.
Сайра взяла печать.

— Почему ты помогаешь нам?

Лира не сразу ответила.

— Потому что однажды мне никто не помог.

Сайра кивнула.

Не простила.

Не поняла.

Но приняла.

Тавр быстро обыскал сундуки.

— Здесь еда, две фляги, перевязки, ножи, какие-то списки и неприятно много маленьких табличек с именами.

— Забираем списки, — сказал Эйран.

— Все?

— Все.

— Это тяжело.

Эйран посмотрел на него.

Тавр вздохнул.

— Конечно, все.

Они быстро собрали бумаги в мешок. Лира перевязала плечо Эйрана куском чистой ткани. Рана была неглубокой, но кровь текла упрямо. Эйран смотрел не на неё, а на таблички.

Имена.

Жители Вереска.

Каждое имя — отметка в чужом списке.

Каждый человек — категория.

Свидетель.

Заражённый.

Подлежащий допросу.

Подлежащий очищению.

Он взял табличку Миры и сломал её пополам.

Потом свою.

Потом ещё одну.

— Не сейчас, — сказала Лира. — Остальные могут пригодиться.

— Они писали нас как мёртвых заранее.

— Значит, мы узнаем, кого ещё собирались забрать.

Эйран остановился.

Она была права.

Снова.

Он ненавидел, как часто она была права.

Издали донёсся звук рога.

Низкий.

Протяжный.

С дороги к Вереску ответил второй.

Тавр резко поднял голову.

— Подкрепление.

Лира посмотрела на освобождённых жителей.

— Уходите. Быстро.

Сайра с девочкой, Ремм и остальные начали спускаться в овраг. Некоторые шли сами, некоторых поддерживали. Один молодой парень хотел остаться, но Сайра ударила его по плечу и потащила вниз.

Эйран смотрел, пока последний не исчез в траве.

Тавр привязал мешок со списками к седлу.

— У нас одна лошадь на троих.

— Лира поедет, — сказал Эйран.

— Нет, — сказала Лира.

— Ты еле стоишь.

— Я могу идти.

— Можешь спорить. Это другое.

Тавр кивнул.

— Как независимый эксперт по бегству, подтверждаю: она садится на лошадь.

Лира открыла рот.

Эйран посмотрел ей прямо в глаза.

— Сейчас не время.

Она хотела возразить.

Потом увидела его лицо и промолчала.

Они двинулись по оврагу не за жителями, а в другую сторону — к старой смоляной дороге, которая дальше сворачивала к Арквелу. Но Эйран задержался на краю и в последний раз посмотрел в сторону Вереска.

Дым стал гуще.

Сквозь него теперь пробивалось красное пламя.

И над этим пламенем, на фоне серого неба, виднелась колокольня храма.

Целая.

Нетронутая.

На ней висел колокол.

Тот самый, который звонил в ночь пробуждения.

Но теперь он молчал.

Под колокольной двигались маленькие фигуры. С такого расстояния нельзя было различить лица, но Эйран знал: там Талмор. Там печной дом. Там люди, которых ещё можно спасти или хотя бы не дать сжечь без имени.

Лира подъехала на лошади ближе.

— Эйран.

— Я знаю.

— Нам нужно в Арквел.

— Знаю.

— Если мы сейчас пойдём в деревню, всё закончится здесь.

Он молчал.

— Но если доберёмся до архива, найдём доказательства. Найдём, как остановить печать.

Может быть, найдём способ вернуться не умирать, а побеждать.

Эйран смотрел на храм.

— Ты правда в это веришь?

Лира долго молчала.

— Нет.

Он повернулся к ней.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что иногда надо идти так, будто веришь. Иначе вообще не дойдёшь.

Тавр стоял чуть ниже по оврагу.

— Очень вдохновляюще. Мрачно, но вдохновляюще. Можно уже уходить?
Эйран достал из мешка один из орденских списков.

На верхней строке было имя:

Сейна. Ключница. Уничтожена. Память не подтверждена.

Ниже:

Эйран. Носитель. Взять живым. Не допустить второго контакта с Первым Сумраком.

И ещё ниже, отдельной строкой:

Каэл Ровен. Страж. В случае эмоциональной нестабильности отстранить от операции.

Эйран прочитал строку несколько раз.

Эмоциональной нестабильности.

Каэл знал, что он его сын.

Орден знал, что Каэл может дрогнуть.

Значит, где-то в этом человеке оставалось что-то, чего Орден опасался.

Не любовь.

Эйран не был настолько глуп.

Но, может быть, вина.

А вина — тоже трещина.

Он свернул список и убрал за пазуху.

— Идём в Арквел, — сказал он.

Лира выдохнула.

Тавр поднял глаза к небу.

— Благодарю все живые и мёртвые силы за редкое проявление разума.

Эйран посмотрел на него.

— Но сначала найдём место, где можно прочитать все списки.

— Я знал, что благодарил рано.

Они пошли.

Лира ехала на лошади, хотя держалась в седле так, будто готова в любой момент спрыгнуть и снова спорить. Тавр вёл их по оврагу. Эйран шёл позади, с мешком орденских документов через плечо.

За спиной горел Вереск.

Впереди ждал Арквел.

А между ними, где-то на дороге, Каэл Ровен искал сына, которого Орден приказал взять живым.

Когда солнце начало клониться к западу, Эйран впервые сам опустил глаза.

Не потому, что мать запретила.

Не потому, что Лира предупредила.

А потому, что теперь знал: некоторые взгляды стоят памяти.

И пока он помнил Вереск, он должен был дойти.

Глава 8. Беглецы

К ночи они нашли старую сторожку у смоляной дороги.

Когда-то здесь жили люди, которые следили за обозами с углём, смолой и железом. Теперь от сторожки остались покосившиеся стены, крыша с дырой и дверь, которую держала только ржавая петля. Зато вокруг рос густой ельник, а с дороги дом почти не было видно.

Для беглецов этого хватало.

Тавр первым обошёл сторожку кругом, проверил землю, заглянул под пол, поднялся на чердак, сунул нож в каждую щель, где мог прятаться человек, зверь или что-то хуже.

Потом объявил:

— Плохая новость: тут холодно, пахнет мышами и кто-то умер под лестницей лет десять назад.

Лира, спрыгивая с лошади, поморщилась.

— Хорошая есть?

— Это был не я.

Эйран прошёл внутрь без слов.

Сторожка встретила их сыростью и пылью. У дальней стены стояла старая печь, но труба была завалена камнями. На полу лежали обломки ящиков. В углу — гнилая солома. Единственное окно было затянуто паутиной и выходило на дорогу.

Эйран сразу посмотрел на печь.

Железная дверца была полуоткрыта. Внутри — серый пепел.

Обычный пепел.

Дрова. Сухая кора. Немного угля.

Не кость.

Не ткань.

Не человек.

Он заставил себя отвернуться.

— Огонь разводить нельзя, — сказала Лира.

— Я знаю.

— Первый Сумрак был только несколько часов назад. Если знак снова откликнется...

— Я сказал, знаю.

Она замолчала.

Тавр осторожно поднял руки.

— Тогда прекрасный вечер без огня. Очень уютно. Замёрзнем медленно, зато духовно чистыми.

Он скинул мешок с орденскими списками на стол, который чудом ещё держался на трёх ногах. Стол застонал, но не развалился.

Эйран подошёл к мешку.

Там были свитки, деревянные таблички, кожаные полоски, несколько серебряных печатей и маленькая книжка в сером переплёте. На обложке не было названия. Только знак Ордена Пепла: круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Он положил книжку перед собой.

Лира села напротив.

Тавр закрыл дверь, подперев её доской, потом присел у окна.

— Я буду следить за дорогой.

— И слушать, — сказала Лира.

— Конечно. Я же не дикарь. Сначала слушаю, потом продаю сведения.

Эйран открыл серую книжку.

Первые страницы были заполнены именами жителей Вереска. Возраст. Дом. Род занятий. Отметки о болезнях, смертях, странных случаях, поведении после Первого Сумрака. Всё было записано аккуратно. Сухо. Холодно.

Халвен, сын Мирта. Старик. Умер естественно. Пепел стабилен.

Сайра, вдова мельника. Свидетель. Эмоционально нестабильна. Имеет дочь.

Мира, дочь Сайры. Шесть лет. Видела пробуждённую девятую. Подлежит изоляции.

Нерс, сын кузнеца. Склонен к послушанию храму. Возможен для привлечения.

Варгис, староста. Полезен. Труслив. Давить через страх за деревню.

Эйран закрыл глаза.

Его деревня была не деревней.

Она была списком.

Каждый человек — строка.

Каждый страх — пометка.

Каждая слабость — инструмент.

Лира осторожно взяла у него книжку.

— Дай я.

Он не спорил.

Она листала быстро, но внимательно. Иногда хмурилась. Иногда останавливалась на одной строке дольше, чем нужно. Тавр из угла пытался делать вид, что не слушает, но слушал каждое слово.

— Здесь записи не только за этот год, — сказала Лира.

— Сколько?

— Много. Минимум двадцать лет.

Эйран медленно поднял голову.

— Двадцать?

— Да.

— Мне двадцать три.

Лира посмотрела на него.

— Значит, они начали почти сразу после твоего рождения.

В сторожке стало тихо.

Даже Тавр перестал возиться у окна.

Эйран взял одну из табличек и перевернул её в пальцах. На ней было имя мальчика-звонаря.

Орит.

Нет.

Орит был тем мальчиком, которого вытащили из реки и сожгли прошлой зимой. А мальчика-звонаря звали Ярек. Эйран помнил.

Пока помнил.

Он резко отложил табличку, будто она могла украсть и это.

— Читай дальше, — сказал он.

Лира открыла середину книжки.

— “Объект Сейна сохраняет прикрытие травницы. Контакт с ребёнком ограничивает. Ритуалы памяти проводит нерегулярно. Вероятно, печать ослабевает.”

Эйран сжал руки под столом.

— Дальше.

— “Каэл Ровен требует прямого вмешательства. Старший круг отказывает. Риск эмоциональной нестабильности стража признан высоким.”

Тавр тихо присвистнул.

— Отец хотел вмешаться?

Эйран бросил на него взгляд.
— Не называй его так.
— Как скажешь.
Но слово уже прозвучало.
Отец.
Эйран ненавидел его.
И всё же внутри что-то болезненно дрогнуло.
Не надежда.
Нет.
Скорее вопрос, который он не хотел задавать.
Если Каэл хотел вмешаться, то зачем? Чтобы забрать его? Убить Сейну? Спасти? Выполнить приказ? Нарушить?
Эйран ударил кулаком по столу.
— Дальше.
Лира перевернула страницу.
— “Сейна частично утратила память о первичном договоре. Предположительно использует собственные воспоминания для удержания носителя в спящем состоянии.”
Она остановилась.
Эйран посмотрел на неё.
— Читай.
— “Уничтожение объекта Сейна не рекомендовано: смерть ключницы может пробудить остаточный знак у носителя. Наблюдение продолжать.”
— Но она умерла.
— Да.
— От печати.
— Орвен сказал так.
— А Орден знал, что её смерть опасна.
— Да.
Тавр тихо сказал:
— И всё равно ничего не сделал.
Эйран смотрел на серую книжку.
Орден не просто следил.
Он ждал.
Ждал, когда мать сломается.
Ждал, когда знак проснётся.
Ждал, когда его жизнь перестанет быть жизнью.
— Вот, — сказала Лира.
Её голос изменился.
Эйран сразу понял: она нашла что-то важное.
— Что?
Она прочитала:
— “После смерти Сейны объект Эйран передан под внешнее наблюдение через Орвена. Сжигатель старой линии. Вероятность скрытой лояльности к ключнице — высокая.”
Эйран медленно вдохнул.
— Орден знал про Орвена?
— Подозревал.
— Но не знал, что он жив.
— Здесь дальше. “В случае смерти Орвена проверить пепел лично. Подмена возможна.”
Тавр фыркнул.

— Значит, они знали, что старик способен на трюк, и всё равно попались.

— Не совсем, — сказала Лира. — Здесь пометка другим почерком: “Пепел проверял Талмор. Ошибок не выявлено.”

Эйран поднял голову.

— Талмор соврал.

Лира кивнула.

— Или не умел проверять.

— Талмор не глуп.

— Тогда соврал.

Тавр почесал подбородок.

— Интересно. Храмовый жрец, который служит Ордену, врёт Ордену о смерти человека, связанного с твоей матерью. Это звучит как маленькая приятная трещина в их дружной мерзкой семье.

Эйран вспомнил Талмора на площади. Серебряный нож. Его страх, когда Лира назвала его по имени. Его злость.

Лира сказала, что видела его раньше.

В зале с чёрным полом.

Когда её убили.

— Талмор знал Лиру, — сказал Эйран.

Она застыла.

— Да.

— И, возможно, помог Орвену скрыться.

— Или сделал вид, что не заметил.

— Почему?

Лира долго смотрела в открытую книжку.

— Потому что он был там, когда меня убивали. И, может быть, это не единственное, о чём он жалеет.

Эйран хотел спросить больше, но увидел её лицо и остановился.

Не сейчас.

Не этой ночью.

Тавр вдруг поднял руку.

— Тихо.

Все замерли.

За окном шумел ветер. Где-то скрипела ветка. Далеко по дороге прошла лошадь.

Нет.

Не одна.

Три.

Четыре.

Тавр медленно подполз к окну и выглянул через паутину.

— Всадники.

Лира закрыла книжку.

— Орден?

— Нет. Хуже.

Эйран поднял топор.

— Опять хуже?

— В этот раз просто люди. Но голодные, злые и с факелами.

Эйран подошёл к окну.

По смоляной дороге двигалась группа человек в десять. Не орденцы. Обычные жители из окрестных деревень. Мужчины в грубых куртках, одна женщина с луком, двое подростков. Они вели тележку, на которой лежали мешки, вилы, верёвки и бочки с маслом.

У первого в руках был факел.

Огонь дрожал в вечернем воздухе.

Ли́ра резко отступила от окна.

— Факелы нельзя.

— Почему? — спросил Тавр.

— Если знак почувствует живой огонь после Сумрака...

Эйран посмотрел на свою ладонь.

Знак уже начал светиться.

Еле-еле.

Но начал.

— Потушить, — сказал он.

Тавр посмотрел на него.

— Сказать им: добрый вечер, мы беглецы от Ордена, пожалуйста, потушите огонь, потому что наш друг может случайно вспомнить солнце?

— У тебя есть идея лучше?

— Конечно. Не попадаться.

Группа остановилась на дороге напротив сторожки.

Эйран стиснул зубы.

Первый мужчина поднял факел выше.

— Здесь кто-то есть.

Ли́ра прошептала:

— Они видели лошадь.

Тавр закрыл глаза.

— Я говорил, надо было спрятать её лучше.

— Ты сказал: “и так сойдёт”, — напомнила Ли́ра.

— В мою защиту: я был голоден.

Снаружи женщина с луком сказала:

— Выходите. Мы знаем, что вы там.

Эйран, Ли́ра и Тавр молчали.

Мужчина с факелом шагнул ближе.

— Мы не из Ордена.

Тавр беззвучно показал жест: не верить.

Женщина продолжила:

— Нам нужны новости из Вереска. Дым видно за десять вёрст.

Эйран медленно выдохнул.

Ли́ра посмотрела на него и покачала головой.

Не выходи.

Он понимал.

Но за дверью были люди. Не мёртвые. Не Орден. Люди, которые, возможно, хотели понять, что случилось с соседней деревней.

И у них были факелы.

Знак на руке пульсировал сильнее.

Эйран взял одеяло, накинул на плечи, закрыв ладонь, и подошёл к двери.

Ли́ра тихо сказала:

— Не называй имя.

— Какое?

— Своё.

Он открыл дверь.

Десять человек сразу подняли оружие.

Факел вспыхнул ярче.

Знак под одеялом ответил болью.

Эйран сжал кулак.

— Потушите факел.

Мужчина впереди нахмурился.

— Что?

— Потушите.

— Ты кто такой?

— Человек, который видел Вереск.

Эти слова сделали то, что не смог бы меч. Люди перестали двигаться.

Женщина с луком опустила стрелу на палец, но не натянула тетиву.

— Что там?

Эйран вышел на порог.

Лира осталась в тени за его спиной. Тавр исчез куда-то вбок — скорее всего, уже выбирал, у кого легче украсть нож, если разговор сорвётся.

— Орден Пепла, — сказал Эйран. — Они оцепили деревню. Людей делят на группы.

Часть домов горит.

Кто-то из подростков прошептал:

— Милостивое Солнце...

Мужчина с факелом побледнел.

— Моя сестра живёт в Вереске.

Эйран замолчал.

— Имя?

— Хада. Жена кузнеца.

Эйран знал её.

Женщина с сильными руками, которая однажды принесла ему пирог после смерти Орвена и сказала: “Не думай, что это из жалости. Просто испекла лишний.”

Он не видел её среди связанных на дороге.

— Не знаю, — сказал он честно.

Мужчина сделал шаг.

— Ты был там?

— Да.

— И ушёл?

Слова ударили.

Эйран не успел ответить.

Из-за его плеча вышла Лира.

Капюшон закрывал её лицо, но голос был холодный.

— Он вывел людей с дороги. Если бы не он, их забрал бы Орден.

Мужчина посмотрел на неё.

— А ты кто?

Тавр появился рядом с ним так тихо, что тот вздрогнул.

— А вот это невежливый вопрос к женщине, которая явно пережила плохой день.

Все подняли оружие.

Тавр улыбнулся.

— Спокойно. Я тоже пережил плохой день.

Женщина с луком прищурилась.

— Ты Тавр.
Он повернулся к ней.
— Зависит от того, кто спрашивает.
— Ты украл у моего брата козу.
— Коза ушла со мной добровольно.
— Она была привязана.
— Ей не нравилась верёвка.
Эйран устало закрыл глаза.
— Вы знакомы?
— Я много с кем знаком, — сказал Тавр. — Не все счастливы.
Женщина опустила лук чуть ниже.
— Если Тавр с вами, значит, вы либо преступники, либо скоро ими станете.
— Мы уже, — ответила Лира.
Мужчина с факелом всё ещё смотрел на Эйрана.
— Что Орден ищет?
Эйран молчал.
Сказать правду — значит выдать себя.
Солгать — значит стать похожим на Варгиса.
Он выбрал часть правды.
— Знак старого огня. Девушку, которую считают сосудом. И всех, кто видел пробуждение мёртвых.
Люди переглянулись.
Один старик пробормотал:
— Значит, слухи правдивы.
— Какие слухи? — спросила Лира.
Старик сплюнул в траву.
— Что в Вереске сжигатель поднял пепел.
Эйран почувствовал, как внутри всё сжалось.
Женщина с луком посмотрела на него внимательнее.
— А ты откуда знаешь так много?
Факел снова качнулся.
Огонь осветил его лицо.
Один из подростков вдруг сказал:
— Это он.
Тишина.
Эйран повернул голову.
Парень стоял позади остальных. Худой, испуганный, с грязным лицом. На его куртке была сажа. Верескская сажа. Эйран узнал его не сразу.
Потом понял.
Ярек.
Мальчик-звонарь.
Тот самый, который бил в колокол, когда Халвен вышел на площадь.
— Ярек, — сказал Эйран.
Парень отступил.
— Это он! Сжигатель!
Люди мгновенно подняли оружие.
Лира шагнула вперёд, но Эйран остановил её рукой.
— Ты жив.
Ярек дрожал.

— Я видел, как ты стоял с ней. С мёртвой. А потом мёртвые пошли из печи.
— Я не поднимал их.
— Они говорили твоим именем!
— Я знаю.
— Моя мать... — голос Ярека сорвался. — Моя мать была у храма. Талмор сказал, если тебя найдут, мёртвые останутся.
Лира резко сказала:
— Талмор врёт.
— А ты кто такая, чтобы я тебе верил?
Она откинула капюшон.
Несколько человек отшатнулись.
Даже те, кто не видел её в Вереске, поняли: эта девушка не похожа на обычную беглянку. Слишком бледная. Слишком спокойная. Слишком живая для той, кого уже называли мёртвой.
Ярек побледнел.
— Девятая...
Лира замерла.
— Кто тебе сказал это слово?
— Жрец.
— Талмор?
Ярек кивнул.
— Он сказал: если девятая уйдёт с носителем, второй рассвет будет чёрным.
Люди зашептались.
Эйран почувствовал, как знак на руке вспыхнул сильнее.
— Потушите факел, — повторил он.
Мужчина с факелом поднял его выше.
— Сначала ответь: это ты носитель?
Тавр тихо сказал:
— Вот теперь момент, когда можно было бы солгать.
Эйран посмотрел на Ярека.
Потом на женщину с луком.
Потом на людей, которые боялись, но всё ещё стояли здесь, на дороге, потому что где-то в горящей деревне были их родные.
Он мог солгать.
Мог сказать нет.
Мог исчезнуть в лесу, пока они спорят.
Но Орден уже писал списки. Орден уже решал, кто свидетель, кто заражённый, кто подлежит очищению. Ложь давала только время. А времени всё равно почти не осталось.
Эйран снял одеяло с левой руки.
Знак Первого Солнца светился под кожей.
Люди ахнули.
Факел в руке мужчины вспыхнул белым краем.
Лира резко сказала:
— Потуши!
Но мужчина уже не слушал.
Он смотрел на знак как на болезнь.
— Старый огонь...
Ярек закричал:
— Это он! Из-за него всё!
Камень ударил Эйрана в грудь.

Не сильно, но достаточно, чтобы он отступил.
Второй камень бросила женщина, стоящая позади.
Третий поднял подросток.
Тавр выхватил нож.
— Ещё один — и я стану менее разговорчивым.
Лира схватила Эйрана за руку.
— Уходим.
Но мужчина с факелом шагнул вперёд.
— Нет. Мы отведём его в Вереск. Пусть Талмор остановит мёртвых.
— Талмор сожжёт вас вместе с ним, — сказала Лира.
— Молчать, ведьма!
Эйран почувствовал, как огонь под кожей просыпается.
Он не хотел.
Но страх людей кормил его.
Факел кормил его.
Сумерки за спиной кормил его.
Он попытался закрыть ладонь, но свет уже просачивался между пальцами.
Лира прошептала:
— Не отвечай им. Смотри на меня.
— Не могу.
— Можешь.
Камень ударил её в плечо.
Эйран перестал слышать.
Свет вырвался из ладони.
Не огнём.
Кругом.
Белая волна прошла по земле от его ног до дороги. Факел в руке мужчины погас мгновенно. Все остальные огни тоже. В темноте вспыхнули только глаза лошадей, серебряные пряжки, нож Тавра и слёзы на лице Ярека.
Люди замерли.
Эйран стоял на пороге сторожки, держа руку перед собой.
Он никого не сжёг.
Никого не ударил.
Но земля вокруг него покрылась тонким слоем белого пепла.
И в этом пепле проступили следы.
Маленькие.
Детские.
Они шли от дороги к лесу.
Ярек увидел их первым.
— Что это?
Эйран не знал.
Лира медленно опустилась на колени и коснулась одного следа.
— Это не сейчас.
— Что значит? — спросил Тавр.
— Это память места.
Следы светились слабо.
Их было много.
Детские ноги. Несколько взрослых. Все шли в сторону Вереска.
Нет.

Из Вереска.
Эйран вдруг понял.
— Дети.
Лира подняла голову.
— Что?
— Варгис сказал, что Талмор забрал детей к храму. Но эти следы идут из деревни.
Мужчина с факелом, теперь уже без огня, смотрел на пепельные отпечатки.
— Куда?
Следы тянулись через дорогу, мимо сторожки, к северному лесу.
Туда, где были старые вырубки.
Туда, где Орвен говорил искать малые ключевые дома.
Ярек сделал шаг.
— Это следы Миры?
Эйран посмотрел внимательнее.
Один след был меньше других.
Рядом — отпечаток взрослой ноги.
Сайра.
Но Сайра была с освобождёнными.
Мира тоже.
Нет.
Следы были не их.
Другие дети.
Те, кого Талмор якобы держал у храма.
— Орден вывел их раньше, — сказала Лира.
— Зачем? — спросил мужчина.
Эйран медленно повернулся к нему.
— Чтобы деревня думала, что дети ещё внутри.
Тавр тихо выругался.
— А потом сжечь храм и сказать, что никто не выжил.
Женщина с луком опустила оружие.
— Куда ведут следы?
Лира посмотрела на дорогу.
— В сторону старой часовни.
Старик из группы побледнел.
— Часовня Пустого Лика?
Тавр повернулся к нему.
— Мне не нравится это название.
— Там давно никто не ходит, — сказал старик. — Ещё наши деды говорили: стены там без образов, а молиться всё равно кто-то слышит.
Лира обменялась взглядом с Эйраном.
Маска без лица.
Пустой лик.
Слишком похоже.
Ярек шагнул к Эйрану.
Страх в нём было всё ещё много. Ненависти тоже. Но теперь рядом с ними стояло что-то сильнее.
Надежда.
— Моя сестра могла быть среди них, — сказал он.
— Как её зовут?

— Элла. Ей восемь. Её забрали утром. Талмор сказал, что в храм.
Эйран посмотрел на пепельные следы.
Белые отпечатки медленно тускнели.
Сила уходила.
С ней — память.
Он почувствовал это сразу.
Что-то в нём оторвалось мягко и бесшумно.
Он попытался ухватить.
Поздно.
Исчез день, когда мать впервые дала ему нож для трав.
Не весь день.
Только её слова.
Он помнил, что она дала нож.
Помнил, что улыбалась.
Но не помнил, что сказала.
Эйран сжал кулак так сильно, что ногти врезались в ладонь.
Лира заметила.
— Что ушло?
Он не ответил.
— Эйран.
— Слова.
— Чьи?
— Её.
Лира закрыла глаза на мгновение.
Потом сказала:
— Следы скоро исчезнут.
Тавр посмотрел на дорогу, потом на группу людей.
— У нас выбор между Арквелом, где архив, и часовней, где, возможно, дети и люди без
лиц.
— Нет, — сказал Эйран.
Все посмотрели на него.
— Это не выбор.
Он поднял мешок с орденскими списками и бросил его Тавру.
— Ты знаешь дорогу к Арквелу?
— Да.
— Сможешь провести туда Лиру?
— Эйран, — сказала Лира.
Он не дал ей закончить.
— В архив нужно попасть. Эти списки должны быть прочитаны. Имя моей матери, Каэл,
Орден, первая дверь — всё там. Если мы все пойдём к часовне и не вернёмся, правда умрёт
с нами.
— Ты не пойдёшь один.
— Нет. Со мной пойдут те, кто ищет детей.
Мужчина без факела поднял голову.
Женщина с луком шагнула вперёд.
— Я пойду.
— И я, — сказал Ярек.
— Нет, — сказал Эйран. — Ты слишком мал.
— Моя сестра там!

— Поэтому ты останешься живым, чтобы встретить её.
Ярек хотел спорить, но женщина положила руку ему на плечо.

Лира подошла к Эйрану почти вплотную.

— Ты думаешь, я уйду?

— Думаю, ты должна.

— Мне плевать, что ты думаешь.

— Лира.

— Нет. Ты только что сам сказал: если правда умрёт, всё зря. Так вот, я часть этой правды.

Девятая, сосуд, как угодно. Если часовня связана с маской без лица, я должна быть там.

Тавр поднял мешок.

— А я, получается, иду в Арквел один?

Эйран посмотрел на него.

— Сможешь?

Тавр открыл рот.

Потом закрыл.

Его лицо стало серьёзным.

— Смогу.

— Доставь списки в город. Найди улицу Слепых фонарей. Дом красильщика. Пароль

Орвена.

— “Второй рассвет не для мёртвых”, — сказал Тавр. — Я помню.

— Найди способ попасть в архив.

— Один?

— Ты же лучшие руки в трёх округах.

Тавр грустно улыбнулся.

— Ненавижу, когда мои хвастовства используют против меня.

Лира посмотрела на него.

— Не попадайся.

— Великолепный совет. Уже второй за день.

Он взял серую книжку, печати и часть табличек. Остальное Эйран оставил себе: список с именем Сейны, строку о Каэле, несколько записей о детях и маленькую серебряную печать.

Тавр подошёл к нему.

— Если не вернётесь?

— Жди нас в Арквеле два дня.

— А потом?

Эйран посмотрел на темнеющую дорогу.

— Потом решай сам.

— Плохой план.

— Другого нет.

Тавр кивнул.

— Тогда я его улучшу. Жду два дня. На третий начинаю делать глупости, чтобы вас найти.

— Не надо.

— Поздно. Уже решил.

Он повернулся к Лире.

— Следи, чтобы он не светился без необходимости.

— Попробую.

— А ты не умирай второй раз. Это начинает выглядеть как привычка.

Лира слабо улыбнулась.

— Иди, Тавр.

Рыжий проводник закинул мешок на плечо, взял лошадь под уздцы и растворился в темноте у дороги так быстро, будто его и не было.

Эйран смотрел ему вслед несколько секунд.

Потом повернулся к людям.

— Кто знает путь к часовне?

Женщина с луком подняла руку.

— Я. Меня зовут Рада.

— Сколько идти?

— Час, если быстро. Меньше, если по старой тропе.

— Ведёшь.

Она кивнула.

Мужчина, чья сестра жила в Вереске, поднял потухший факел.

— Огонь?

Эйран посмотрел на него.

— Нет.

— Там будет темно.

— Значит, пойдём тихо.

Рада усмехнулась.

— Без огня, к Пустому Лику, за детьми, которых Орден увёл до пожара. Хорошая ночь.

Лира тихо сказала:

— Бывают хуже.

Эйран поднял левую руку.

Знак больше не светился.

Но он чувствовал его.

Глубоко под кожей.

Как живой уголь.

Пепельные следы почти исчезли. Осталась только тонкая линия, уходящая к северу.

Скоро не будет и её.

Он сделал шаг первым.

За ним пошла Лира.

Потом Рада.

Потом ещё трое из группы, решившие, что страх за детей сильнее страха перед носителем.

Ярек остался у сторожки со стариком и остальными. Перед тем как Эйран ушёл, мальчик вдруг окликнул его:

— Сжигатель!

Эйран обернулся.

Ярек стоял у двери, маленький, грязный, злой и испуганный.

— Если найдёшь Элли...

Он не договорил.

Эйран кивнул.

— Найду.

Это было обещание.

А обещания, как учила мать, нельзя давать мёртвым.

Только живым.

Они ушли в лес без огня.

Над деревьями сгущалась ночь.

Где-то далеко, в стороне Арквела, Тавр нёс списки Ордена.

А впереди, за старой тропой, ждала часовня Пустого Лика — место, где, по словам деревенских стариков, молились даже те, у кого не было лица.

Глава 9. Часовня Пустого Лица

Следы детей почти исчезли.

Они светились в траве тонкой белой пылью, как пепел, который кто-то рассыпал слишком аккуратно. Маленькие отпечатки ног тянулись между деревьями, пересекали старую тропу, огибали мокрые камни и уходили всё глубже в лес.

Эйран шёл первым.

Рядом — Лира.

Чуть впереди, пригнувшись, двигалась Рада. Женщина с луком знала дорогу лучше остальных. Она не говорила лишнего, не задавала вопросов и не смотрела на руку Эйрана, хотя знак уже перестал светиться. За ней шли ещё трое: Марек, тот самый мужчина, чья сестра жила в Вереске; старый охотник Брин; и широкоплечая девушка с короткими волосами, которую звали Тесса.

Все они шли без огня.

И от этого лес казался не тёмным, а глубоким.

Обычная ночь скрывает то, что далеко.

Эта ночь скрывала даже то, что рядом.

Ветви цеплялись за одежду. Под ногами хлюпала мокрая земля. Где-то слева кричала ночная птица, но крик был неправильный — слишком короткий, будто птица сама испугалась своего голоса и замолчала.

Эйран пытался держать взгляд на следах.

Не на небе.

Не на тенях.

Не на ладони.

Только на следах.

Маленькие ноги.

Дети.

Элла, сестра Ярека, могла быть среди них. Другие дети тоже. Те, кого Талмор якобы увёл в храм Вереска, чтобы защитить. Те, чьи имена Орден уже, возможно, записал в серую книжку.

Свидетель.

Заражённый.

Подлежит очищению.

Эйран сжал пальцы.

Кольцо Сейны на руке было холодным. После дома без огня оно больше не указывало путь. Оно будто выполнило свою работу и замолчало. Но иногда медь чуть дрожала на пальце, когда Эйран думал о матери.

Или о Каэле.

Он старался не думать о Каэле.

Не получалось.

Отец.

Слово было чужим, как нож в чужой руке. Его нельзя было просто выбросить. Оно уже вошло под кожу.

Лира заметила, как он снова сжал кулак.

— Знак?

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего.

— Это обычно значит “всё”.

Он не ответил.

Рада подняла руку.

Все остановились.

Она опустила на колено у старого пня и коснулась земли. Белые детские следы здесь расходились. Часть шла прямо, часть — вправо, к густым кустам.

— Их вели группами, — сказала она.

Марек шагнул ближе.

— Сколько?

Рада всмотрелась.

— Трудно сказать. Пятеро. Может, семеро. Один взрослый. Нет... двое.

Эйран присел рядом.

Пепельные следы таяли, но он всё ещё видел рисунок. Маленькие отпечатки сбивались, путались, иногда уходили в сторону, а потом возвращались. Дети шли не сами. Их торопили. Один след был глубоким, волочащимся.

Кого-то тащили.

— Здесь ребёнок упал, — сказал Эйран.

Марек побледнел.

— Элла?

— Не знаю.

Лира молча коснулась отпечатка пальцами.

— Они были живы.

— Откуда знаешь? — спросила Тесса.

Лира подняла ладонь. На кончиках пальцев осталась белая пыль.

— Память места тёплая, если след оставил живой.

Брин, старый охотник, сплюнул в траву.

— Не нравится мне, как ты говоришь.

Лира посмотрела на него.

— Мне тоже.

Рада поднялась.

— Правые следы уходят к старому ручью. Прямые — к часовне.

— Значит, разделили детей, — сказал Марек.

— Или сделали ложный след, — ответила Лира.

Эйран взгляделся в пепельную линию справа.

Она была слабее.

Слишком ровная.

Слишком удобная.

— Ложный, — сказал он.

Рада посмотрела на него.

— Почему?

Эйран показал на землю.

— Дети идут по грязи и не оставляют обычных следов. Только пепельные. Значит, это не их ноги. Это след памяти. Кто-то хотел, чтобы мы увидели путь.

Лира кивнула.

— И чтобы пошли не туда.

Марек резко выдохнул.

— Тогда прямо?

Эйран поднялся.

— Прямо.

— А если ты ошибаешься?

Он посмотрел на него.

— Тогда мы потеряем время.

— А если не ошибаешься?

— Тогда времени уже почти нет.

Марек отвернулся.

Никто больше не спорил.

Они пошли дальше.

Чем ближе становилась часовня, тем меньше звуков оставалось в лесу. Сначала исчезли насекомые. Потом птицы. Потом даже ветер. Ветки больше не скрипели. Листья не шевелились. Воздух стал неподвижным и плотным, как вода перед утоплением.

Рада шла медленнее.

— Здесь начинается старая земля, — сказала она.

— Что это значит? — спросил Эйран.

— Значит, люди умнее меня сюда ночью не ходят.

Брин хрипло усмехнулся.

— И днём тоже.

Лира посмотрела вперёд.

— Расскажи о часовне.

Рада не сразу ответила.

— Её построили до Вереска. Может, до Арквела. Никто не знает. Стены серые, крыша провалилась, внутри нет ни одного образа. Ни Второго Солнца, ни святых, ни имён. Только гладкая стена, перед которой люди когда-то молились.

— Кому?

— Вот это и плохо, — сказал Брин. — Никто не знает кому.

Тесса крепче сжала короткое копьё.

— Моя бабка говорила, что там нельзя произносить своё имя.

— Почему? — спросил Эйран.

— Потому что тот, кто слушает, может взять его.

Лира тихо сказала:

— Не произносите имён внутри.

Марек посмотрел на неё.

— Ты веришь в деревенские сказки?

— Слишком многие сказки оказались инструкциями.

Эйран подумал о правилах матери.

Не смотреть после заката.

Не отвечать мёртвым.

Не открывать дверь, если за ней колокол.

Да. Сказки часто были просто правилами, которым люди перестали помнить объяснение.

Он хотел спросить Лиру, знала ли она Пустой Лик до своей смерти, но не успел.

Лес расступился.

Перед ними открылась поляна.

Часовня стояла в центре, как зуб в мёртвой десне.

Низкое каменное здание, наполовину заросшее мхом и чёрным плющом. Крыша провалилась с одного края. Узкие окна были пустыми. Над входом висела каменная плита без знака. Ни солнца. Ни ключа. Ни орденского круга.

Только гладкий овал.

Похожий на лицо без глаз.

Эйран сразу вспомнил фигуру у дома без огня.

Маска.

Без лица.
Лира остановилась.
— Это место не заброшено.
Рада натянула тетиву.
— Почему?
Лира указала на вход.
На каменном пороге не было листьев.
Весь лес был усыпан мокрой травой, иголками, ветками, землёй. А порог часовни был чистый. Серый камень, вытертый до гладкости. Будто по нему ходили недавно.
И часто.
Эйран посмотрел на пепельные следы.
Они вели прямо к двери.
И обрывались.
Марек прошептал:
— Элла...
Эйран поднял руку, заставляя его молчать.
Он прислушался.
Сначала ничего.
Потом изнутри донёлся звук.
Тонкий.
Ровный.
Детское дыхание.
Не плач.
Не разговор.
Дыхание сразу нескольких детей, которые спят слишком глубоко.
Эйран медленно выдохнул.
— Они внутри.
Марек шагнул к двери, но Рада схватила его за плечо.
— Стоять.
— Моя сестра...
— Если бросишься, умрёшь первым и никому не сможешь.
Он стиснул зубы, но остался.
Лира подошла к Эйрану ближе.
— Там будет не только дети.
— Знаю.
— Не используй знак.
— Я не собираюсь.
— Ты часто не собираешься.
Он посмотрел на неё.
— А если придётся?
— Тогда помни цену.
Цена.
Запах волос матери.
Лицо Орвена.
Смех Сейны.
Слова, которые она сказала, когда дала ему нож.
Маленькие куски жизни, уходящие в огонь.
Эйран кивнул.
— Помню.

Он снял с пояса маленький мешочек соли. Остался почти пустой после печного дома, но несколько горстей ещё было. Соль была грубой, серой, с примесью золы. Погребальная. Её сыпали на пороги, если боялись, что мёртвый найдёт дорогу домой.

Рада заметила.

— Соль против живых не поможет.

— А против тех, кто не решил, живой он или нет?

Она промолчала.

Эйран бросил взгляд на остальных.

— Внутри не говорить имена. Не смотреть на гладкую стену, если она там есть. Детей хватать и выводить. Если кто-то в маске — не трогать руками.

Брин нахмурился.

— Почему?

— Не знаю. Просто не трогать.

— Убедительно.

— Есть лучше совет?

Старик поправил нож.

— Если что-то двинется — бей в колено. Даже нечисть падает, если у неё есть ноги.

— Хороший совет, — сказал Эйран.

Лира тихо добавила:

— Если ног нет, бей по тому, чем оно думает.

Тесса нервно сглотнула.

— А если оно не думает?

— Тогда нам повезло.

Эйран не улыбнулся.

Он подошёл к входу.

Двери у часовни не было. Только тёмный проём, за которым пахло холодным камнем, воском и чем-то сладковатым. Не гнилью. Не кровью. Скорее засушенными цветами, которые слишком долго пролежали в закрытой комнате.

Он шагнул внутрь.

Часовня была больше, чем казалась снаружи.

Почти всегда так с плохими местами.

Внутри стояли два ряда каменных скамей. Некоторые треснули, некоторые заросли мхом. На полу лежали старые листья, но только у стен. Центральный проход был чистым. В конце часовни, там, где в обычном храме должен быть знак солнца, находилась высокая гладкая плита.

Без рисунка.

Без лица.

Без глаз.

Просто светло-серый овал, врезанный в стену.

Эйран сразу опустил взгляд.

Не смотреть.

Не давать ему взять взгляд.

Справа у стены лежали дети.

Шестеро.

Нет.

Семеро.

Они лежали на тонких серых покрывалах, ровно, как тела перед сожжением. Руки сложены на груди. Глаза закрыты. На лбу у каждого белая полоска пепла.

Марек рванулся вперёд.

— Элла!
Рада успела зажать ему рот ладонью.
Поздно.
Имя прозвучало внутри часовни.
Серый овал на стене едва заметно дрогнул.
Эйран почувствовал это кожей.
Будто кто-то без глаз повернулся в их сторону.
Одна из девочек на полу шевельнулась.
Марек застыл.
— Элла, — прошептал он уже тише.
Девочка открыла глаза.
Эйран понял сразу: это сестра Ярека. Худенькая, тёмноволосая, с грязной щекой и красной лентой на запястье.
Она смотрела не на Марека.
Не на Раду.
Не на Лиру.
На Эйрана.
— Сжигатель пришёл, — сказала она.
Голос был детский.
Но слова звучали так, будто их вложили ей в рот.
Лира резко прошептала:
— Не отвечай.
Эйран сжал мешочек соли.
— Мы пришли вывести вас.
Ещё один ребёнок открыл глаза.
Потом третий.
Все дети смотрели на него.
Элла снова сказала:
— Он просит твоё имя.
Марек задрожал.
— Кто?
Девочка подняла руку и указала на гладкую стену.
Эйран не посмотрел.
— Никто не говорит имён, — сказал он.
Элла медленно повернула голову к Мареку.
— Ты уже сказал моё.
Марек побледнел.
Серый овал на стене стал чуть темнее.
По его поверхности прошла тонкая линия.
Как трещина.
Как рот, который ещё не открылся.
Рада подняла лук.
— Забираем детей.
Она шагнула к Элле.
В тот же миг из боковой двери вышел человек в маске.
Не тот, что был в доме без огня.
Этот был ниже. Тоньше. На нём был простой серый балахон, подпоясанный верёвкой.
Маска — белая, гладкая, без отверстий. Но двигался он уверенно, будто видел всё.
В руках он держал чашу с пеплом.

Рада мгновенно выстрелила.
Стрела ударила ему в грудь.
Человек сделал шаг назад.
Потом вынул стрелу из тела и бросил на пол.
Крови не было.
Брин выругался.
— В колено! — крикнул он и метнул нож.
Нож вошёл масочнику в ногу.
Тот упал на одно колено.
Значит, ноги у него были.
Это обнадёживало.
Эйран бросился к детям.
— Вставайте!

Но дети не двигались. Они смотрели на него открытыми глазами, слишком тихие, слишком спокойные.

Лира опустила руку рядом с Эллой и провела пальцами по белой полосе на её лбу.
— Пепельный сон.
— Разбуди их!
— Нельзя просто...

Масочник поднял руку.
Серый овал на стене потемнел ещё сильнее.
И в часовне прозвучал голос.
Не из горла.
Из камня.
Из пола.
Из самой тишины.

— Носитель.
Эйран замер.
Знак на ладони кольнул болью.
— Не слушай, — сказала Лира.
Голос продолжил:
— Ты пришёл сам.
— Детей, — сказал Эйран. — Отдай их.
— Они принесли имена. Они ещё мягкие. Имена детей хорошо держатся в камне.
Марек вскрикнул и бросился к Элле, но Тесса удержала его.

Масочник поднялся, несмотря на нож в ноге. Рада выпустила вторую стрелу — в колено. На этот раз он рухнул окончательно, но всё равно пополз. Медленно. Упрямо. Как мёртвые у печного дома.

Эйран рассыпал соль поперёк центрального прохода.
Масочник остановился.
Пальцы в серых перчатках коснулись соли и задымились.
Значит, соль помогала.
Не останавливала.
Но задерживала.
— Брин! — крикнул Эйран. — К двери!
Старик уже был там. Он встал у входа с ножом и коротким копьём.
— Если ещё кто-то выйдет, встречу.
— Тесса, помогай Раде тащить детей.

Тесса кивнула и подхватила ближайшего мальчика. Тот был лёгкий, слишком лёгкий. Как мешок с сухими тряпками. Рада подняла второго ребёнка.

Марек вырвался и бросился к Элле.

— Я с ней.

Лира держала ладони у висков девочки.

— Ещё мгновение.

— Что ты делаешь?

— Ищу, где завязан сон.

— Быстрее!

— Если порву неправильно, она проснётся без имени.

Марек замолчал.

Эйран стоял между ними и серой стеной.

Не смотреть.

Не смотреть.

Не смотреть.

Но голос знал, куда бить.

— Сейна смотрела.

Эйран застыл.

Лира резко подняла голову.

— Нет.

— Она смотрела, когда просила закрыть дверь. Она смотрела, когда отдала имя. Она смотрела, когда поняла, что ребёнок всё равно будет найден.

Знак на ладони вспыхнул.

Эйран сжал кулак.

— Ты не знаешь её.

— Все ключницы оставляют след. Все матери кричат одинаково.

Эйран сделал шаг вперёд.

Лира крикнула:

— Эйран!

Он остановился.

Перед ним, в соли, масочник медленно поднял голову. Гладкая белая маска была испачкана пеплом, но на ней всё ещё не было ни глаз, ни рта.

И всё равно Эйран почувствовал улыбку.

— Отдай имя, — сказал голос из стены. — И я покажу её лицо полностью.

Вот оно.

Не угроза.

Не приказ.

Сделка.

Самая страшная из всех.

Лицо матери.

Полностью.

Без тумана.

Без потерянных кусков.

Без дыр.

Эйран не двигался.

Он хотел.

Так сильно, что стало больно.

Он хотел снова увидеть её. Не как воспоминание, которое рассыпается. Не как белую фигуру в огне. А полностью. Волосы. Глаза. Улыбку. Тот самый смех, который уже исчез.

Голос стал мягче.
— Одно имя. Не своё. Любое.
Эйран услышал, как Марек за спиной шепчет Элле что-то беззвучное. Не имя. Мольбу.
Рада выносила второго ребёнка. Тесса — третьего. Брин у двери тяжело дышал.
Одно имя.
Любое.
Он мог назвать Варгиса.
Талмора.
Каэла.
Нет.
Имя не было просто словом.
Это он уже понимал.
Имя — крючок.
Если дать его стене, она потянет человека внутрь.
— Не надо, — тихо сказала Лира.
Он не понял, что она говорит с ним, пока она не повторила:
— Не надо. Даже ради неё.
Эйран закрыл глаза.
Он вспомнил не лицо матери.
Не смех.
Не слова.
Только её руку на своей щеке.
Тёплую.
Живую.
И понял: если отдаст чужое имя, чтобы вернуть её лицо, то потеряет то, чему она пыталась его научить, даже если он уже забыл слова.
Он открыл глаза.
Но смотрел не на стену.
На соль.
— Нет.
В часовне стало холодно.
— Носитель отказывается?
— Сжигатель отказывается.
Он поднял мешочек и высыпал всю оставшуюся соль на пол.
Не просто линией.
Кругом.
Так, как Орвен учил вокруг тел, если боялся, что в них осталась вторая душа.
Масочник зашипел.
Серый овал дрогнул.
— Огонь без имени не спасает.
— Я не звал огонь.
Эйран достал нож.
Не погребальный.
Обычный, взятый из орденской телеги.
Разрезал ладонь правой руки.
Не левую.
Не знак.
Кровь капнула в соль.
Лира резко вдохнула.

— Что ты делаешь?

— Не знаю.

Это была правда.

Но часть его знала.

Не магия носителя.

Работа сжигателя.

Кровь живого.

Соль земли.

Пепел памяти.

Он положил ладонь на пол.

— Кто лежит, пусть встанет. Кто спит, пусть проснётся. Кто чужим голосом говорит, пусть замолчит.

Слова пришли сами.

Не из книги.

Не из памяти.

Из работы. Из ночей у печи. Из усталости. Из того места в человеке, где страх становится действием.

Соль вспыхнула серым светом.

Не белым.

Не солнечным.

Пепельным.

Дети одновременно вдохнули.

По-настоящему.

Элла закричала.

Марек подхватил её, прижал к себе и заплакал так тихо, будто стыдился.

Остальные дети зашевелились. Рада и Тесса вытаскивали их одного за другим. Один мальчик бился в руках, другой только шептал “мама, мама, мама”, третья девочка смотрела в потолок и не моргала.

Лира схватила Эйрана за плечо.

— Ты сделал это без знака.

Он посмотрел на левую ладонь.

Знак светился слабо.

Но не вспыхнул.

Память осталась.

Пока.

Впервые за последние дни он не заплатил материю.

Масочник за чертой соли начал подниматься.

На его гладкой маске появилась трещина.

Изнутри не было лица.

Только чёрный пепел.

— Сжигатель помнит старые слова, — сказал голос стены. — Значит, Сейна спрятала не всё.

Эйран поднялся.

— Дети уходят.

— Дети уже принесли то, что должны.

Лира повернулась к стене, но смотрела ниже овала.

— Что?

Серый камень начал темнеть.

На нём проступили имена.

Мелкие.

Детские.

Неровные.

Элла.

Мирт.

Сона.

Кель.

И ещё.

Эйран понял: не все дети лежали здесь.

Некоторые имена уже были в стене.

Марек, вынося Эллу, остановился на пороге.

— Элла здесь. Значит, она жива.

Лира тихо сказала:

— Имя можно взять раньше тела.

Элла в руках Марека вдруг прошептала:

— Он записал Ярека.

Эйран обернулся.

— Что?

Девочка дрожала.

— Мальчик у дороги. Он сказал моё имя. Пустой Лик услышал. Он записал его тоже.

Марек побледнел.

Эйран вспомнил сторожку.

Ярек остался там.

Со стариком.

С теми, кто не пошёл.

Внутри груди стало холодно.

Голос из стены произнёс:

— Один уже идёт сам.

— Нет, — сказал Эйран.

Серый овал на стене треснул.

Теперь щель была похожа на рот.

— Все, кто зовёт из страха, приходят.

Брин у входа крикнул:

— Ещё идут!

Снаружи в лесу слышались шаги.

Много.

Не быстрые.

Не тяжёлые.

Детские.

Эйран бросился к двери.

Между деревьями, по тёмной тропе, шёл Ярек.

Один.

Глаза открыты.

Лицо пустое.

Он шёл босиком, хотя у сторожки был в сапогах. Ноги оставляли за собой белые следы.

Губы двигались.

— Элла, — шептал он. — Элла. Элла. Элла.

За ним в лесу шевелились другие силуэты.

Не люди из группы.

Не Орден.
Те, кто уже отдал имена.
Маленькие тени без лиц.
Рада выругалась.
— Дети наружу! Быстро!
Тесса и Марек вынесли последних. Лира помогла девочке, которая не могла идти. Брин встал между Яреком и входом.
— Мальчик! Остановись!
Ярек не слышал.
Он шёл к часовне.
К стене.
К тому, что звало его именем сестры.
Эйран понял: если Ярек войдёт, стена заберёт его полностью.
Он бросился вперёд.
Лира крикнула:
— Не называй его!
Эйран остановился за два шага до мальчика.
Не имя.
Нельзя имя.
Он поднял правую, окровавленную руку.
— Звонарь!
Ярек моргнул.
Шаг замедлился.
— Звонарь, слышишь меня?
Губы мальчика дрогнули.
— Элла...
— Она жива.
Ярек продолжал идти.
— Она зовёт.
— Нет. Это не она.
— Я слышу.
— Ты слышишь страх.
Ярек поднял лицо.
Глаза были мутными.
За ним маленькие безликие тени приближались. Они не касались земли. Их ноги были только отпечатками. Их тела — только пепельным контуром.
Эйран вспомнил слова матери, которых уже не помнил.
Нет.
Не слова.
Смысл.
Когда человек идёт на чужой голос, дай ему свой страх, чтобы он узнал живого.
Эйран не знал, откуда пришло это правило.
Может, от Сейны.
Может, от Орвена.
Может, от всех сжигателей, которые стояли между мёртвыми и живыми.
Он шагнул к Яреку и ударил его по щеке.
Не сильно.
Но резко.
Мальчик вскрикнул.

Настоящим голосом.

— Что ты...

Эйран схватил его за плечи.

— Твоя сестра жива. Если хочешь увидеть её, проснись.

Ярек задрожал.

Потом задышал часто, рвано, будто вынырнул из воды.

— Я... я слышал...

— Знаю.

— Она звала...

— Знаю.

Из часовни донёсся треск.

Серый овал раскалывался.

Лира выбежала наружу с последним ребёнком на руках.

— Уходим!

Но было поздно для тихого бегства.

Из дверного проёма вышел масочник.

Теперь без маски.

Точнее, маска раскололась, а под ней ничего не было. Пустота в форме лица. Внутри этой пустоты вращался чёрный пепел.

Соль больше не держала его.

Голос стены говорил через него:

— Носитель не дал имя. Тогда имя даст страх.

Пепельные тени детей окружали поляну.

Рада выпустила стрелу.

Она прошла сквозь одну из теней, как через дым.

Тесса подняла копье, но руки дрожали.

Брин шагнул назад.

— Их нельзя ударить.

Эйран посмотрел на свою левую ладонь.

Знак светился.

Ждал.

Он мог позвать белый огонь.

Сжечь тени.

Сжечь масочника.

Может быть, даже саму часовню.

И потерять ещё кусок матери.

Может быть, лицо.

Может быть, имя.

Может быть, всё.

Лира смотрела на него и молчала.

Не просила.

Не запрещала.

Просто ждала, что он выберет.

Эйран медленно опустил левую руку.

И поднял правую — ту, где была кровь.

— Рада! — крикнул он. — Детей в круг!

— Какой круг?

— Любой! Быстро!

Она поняла первой. Начала тащить детей в сторону старого каменного колодца у края поляны. Тесса помогла. Марек нёс Эллу. Брин подтолкнул Ярека.

Эйран бросился к часовне.

Не внутрь.

К порогу.

Там, где камень был чистым.

Он провёл кровавой ладонью по серому порогу и начал чертить линию.

Не знак Первого Солнца.

Не ключ.

Круг с разрывом.

Погребальный знак незавершённого тела.

Такой ставили на кувшинах, если пепел не был полным. Если человек умер, но часть его ещё искала дорогу.

Орвен говорил: “Не всякий мёртвый хочет встать. Некоторым просто некуда лечь.”

Эйран не помнил лица Орвена.

Но помнил это.

Он чертил быстро. Кровь смешивалась с пеплом, солью, грязью. Масочник приближался.

Пустое лицо наклонялось к нему.

— Сжигатель строит могилу из воздуха.

— Нет, — сказал Эйран. — Дверь.

Он замкнул круг.

Разрыв оставил в сторону леса.

Пепельные тени остановились.

На мгновение поляна стала тихой.

Потом из земли поднялся ветер.

Не холодный.

Не тёплый.

Сухой.

Как дыхание печи после последнего тела.

Тени детей повернулись к разрыву в круге.

Одна за другой.

Медленно.

Почти с облегчением.

Они пошли не к часовне.

А прочь.

В лес.

Туда, куда Эйран оставил им дорогу.

Масочник издал звук, похожий на треск мокрой кости.

— Они мои.

Эйран поднялся перед ним.

— Они ничьи.

Пустая голова повернулась к нему.

— Ты не знаешь их имён. Как отпустишь тех, кого не можешь назвать?

Эйран посмотрел на исчезающие тени.

— Не все должны быть названы, чтобы быть свободными.

Эти слова тоже пришли сами.

И стояли ему почти ничего.

Почти.

Тень последнего ребёнка остановилась у края леса и повернулась. Лица не было, но Эйран почувствовал взгляд.

Потом маленькая фигура подняла руку.

Благодарность.

И исчезла.

Масочник бросился на Эйрана.

Лира ударила первой.

Она возникла сбоку, как тень, и вонзила нож в место, где у существа должна была быть шея. Нож прошёл насквозь, но масочник отшатнулся. Эйран ударил топором по колену. Существо упало.

Рада выстрелила в пустое лицо.

Стрела вошла в чёрную пустоту и вспыхнула серым огнём.

Масочник закричал.

Не голосом.

Именами.

Десятки имён вырвались из него одновременно. Детские, старческие, женские, мужские. Некоторые Эйран знал. Некоторые нет. На последнем имени существо рассыпалось в чёрный пепел.

На земле осталась только половина белой маски.

Лира подняла её, обернув руку тканью.

— Не трогай голыми руками, — сказал Эйран.

— Я знаю.

— Что это?

Она смотрела на гладкий обломок.

— Не культ Ордена.

— Тогда кто?

— То, что Орден когда-то пытался запереть. Или использовать.

Снаружи, за лесом, послышался далёкий рог.

Орденский.

Рада подняла голову.

— Они слышали?

— Или уже шли сюда, — сказал Брин.

Марек держал Эллу на руках. Девочка была жива, но едва могла говорить. Ярек сидел рядом с ней на земле и плакал, закрыв лицо руками.

Эйран подошёл к нему.

Мальчик поднял глаза.

В них всё ещё был страх.

Но ненависти стало меньше.

— Я сказал твоё имя, — прошептал Ярек.

— Знаю.

— Я привёл его к себе.

— Не ты. Твой страх.

— Это не одно и то же?

Эйран подумал.

— Нет. Но иногда очень похоже.

Ярек кивнул, хотя вряд ли понял.

Эйран посмотрел на спасённых детей.

Семеро.

Живые.

Но в стене были и другие имена.
Те, кого они не успели.
Те, кого уже нельзя было вывести на руках.
Он запомнил это.
Не как вину.

Нет.
Вины и так было слишком много.
Как долг.

Лира подошла к нему.
— Ты не использовал знак.
— Почти.
— Но не использовал.
Он посмотрел на свою правую ладонь. Кровь уже подсохла.
— Я был сжигателем до того, как стал носителем.

Лира тихо сказала:
— Может, поэтому Сейна и спрятала тебя у печи.

Эйран не ответил.
Слова попали глубоко.

Возможно, мать знала: однажды ему понадобится не сила солнца, а знание огня, смерти и пепла. Не древняя кровь, а ремесло.

Тавр бы сказал что-нибудь вроде: “Приятно, когда профессия вдруг оказывается полезнее проклятия.”

Но Тавра здесь не было.
Он шёл в Арквел один.
С мешком списков.
И, скорее всего, уже ввязался в неприятности.
Рог прозвучал снова.

Ближе.
Рада подняла лук.
— Надо уходить.
— Куда? — спросил Марек.

Эйран посмотрел на детей.
Потом на часовню.

Потом на тропу, ведущую к Арквелу.
— Детей — к сторожке. Потом к старым вырубкам. Там спрячутся с остальными.
— А ты? — спросила Рада.
— В Арквел.

Лира кивнула.
— Орден теперь узнает, что часовня потеряла имена. Они поймут, что ты был здесь.
— Значит, нужно добраться до архива раньше, чем они закроют город.

Марек шагнул к нему.
— Я пойду с детьми.
— Иди.
— Но если найдёшь Талмора...

Эйран посмотрел на него.
Марек сжал Элли крепче.
— Спроси, сколько имён он уже отдал этой стене.
— Спрошу.

Из часовни донёсся тихий треск.

Все обернулись.

Серый овал внутри лопнул окончательно. По стене пошли трещины. Камни начали осыпаться. Часовня, простоявшая неизвестно сколько лет, теперь разваливалась тихо и почти спокойно.

На гладком овале перед самым обрушением проступила надпись.

Не орденская.

Не древняя.

Та самая пепельная речь, которую Эйран не умел читать, но понимал.

Первая дверь открыта не в Арквеле.

Лира побледнела.

— Что это значит?

Эйран смотрел на надпись, пока камень не треснул и не упал.

— Значит, мы опоздали.

Под часовней что-то ударило.

Глухо.

Глубоко.

Как колокол под землёй.

Но это был не колокол.

Это была дверь.

И кто-то стучал с другой стороны.

Глава 10. Город без теней

Арквел появился перед рассветом.

Сначала Эйран увидел не стены и не башни, а свет.

Он лежал над низиной ровным серым пятном, будто кто-то размазал по земле холодную золу. Ни красного отблеска факелов. Ни жёлтых окон. Ни живого утреннего огня. Только тусклое сияние, от которого не становилось теплее.

Потом из тумана проступили стены.

Высокие. Каменные. Старые.

Арквел стоял на холме, окружённый сухим рвом и двумя кольцами укреплений. Башни были узкие, вытянутые, похожие на свечи, которые никогда не зажигали. Над главными воротами висел знак Второго Солнца — круг с шестью ровными лучами. Но под ним, почти стёртый временем, угадывался другой знак.

Круг без лучей.

Старый.

Замазанный известью.

Эйран остановился на краю дороги.

Лира встала рядом.

Они шли почти всю ночь после часовни Пустого Лика. Рада увела детей и остальных обратно к сторожке. Марек нёс Эллу на руках, а Ярек шёл рядом и не отпускал сестру за рукав, будто боялся, что стоит моргнуть — и она снова услышит чужой зов.

Эйран смотрел им вслед, пока они не скрылись в лесу.

Потом они с Лирой пошли к Арквелу.

Одни.

Без Тавра.

Без списков.

Без уверенности, что рыжий проводник вообще добрался до города.

Теперь город был перед ними.

И Эйран понял, почему его называли городом без теней.

Солнце ещё не поднялось, но небо на востоке уже посветлело. В обычном месте деревья, камни, стены и люди должны были бросать длинные предрассветные тени. Здесь же тени будто не решались лечь на землю. Они прятались под предметами, становились короткими, бледными, неправильными.

Лира подняла руку перед лицом.

Её пальцы не отбрасывали тени на ладонь.

— Значит, правда, — сказал Эйран.

— Да.

— Почему?

— Город построен на месте первой двери.

Он посмотрел на неё.

— Ты знала?

— Догадывалась.

— И не сказала?

— Я не была уверена.

— После часовни на стене было написано: первая дверь открыта не в Арквеле.

— Я помню.

— Тогда зачем мы здесь?

Лира повернулась к городу.

— Потому что архив всё ещё здесь. И потому что тот, кто написал это на стене, хотел, чтобы мы сомневались.

Эйран устало провёл рукой по лицу.

Песок, пепел, кровь, бессонная ночь — всё смешалось на коже. Плечо ныло под повязкой. Правая ладонь, рассечённая у часовни, саднила. Левая молчала, но знак под кожей казался тяжёлым.

Впервые он чувствовал усталость не как слабость, а как опасность.

Усталый человек ошибается.

А каждая его ошибка теперь могла стоить памяти.

Или чужой жизни.

— Если первая дверь не здесь, — сказал он, — значит, Орден мог перенести её.

— Или кто-то открыл другую.

— Маски?

— Возможно.

Эйран посмотрел на ворота Арквела.

У ворот стояла очередь. Крестьяне с телегами. Торговцы. Паломники. Двое солдат в кожаных панцирях проверяли корзины, мешки, лица. Над воротами висели три чёрные доски с объявлениями.

Даже отсюда Эйран видел свежий лист в центре.

Серый.

С печатью Ордена Пепла.

Лира тоже увидела.

— Нас уже ищут.

— Меня или тебя?

— Думаю, обоих.

Они сошли с дороги и спрятались за старым каменным забором у заброшенного виноградника. Оттуда ворота были видны лучше. По обеим сторонам от входа стояли не только городские стражники, но и орденцы.

Трое.

Тёмные плащи.

Серебряные пряжки.

Круг, перечёркнутый линией.

Эйран сразу вспомнил Каэла.

Не как отца.

Как угрозу.

— Через ворота не пройдем, — сказала Лира.

— Есть другой вход?

— У любого города есть другой вход.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Отлично.

Она посмотрела на него.

— Тавр знает.

— Если он добрался.

— Добрался.

— Откуда такая уверенность?

— Такие, как он, умирают не по дороге. Они умирают в местах, где можно что-то украсть.

Эйран хотел усмехнуться.

Не смог.

Он смотрел на серое объявление у ворот.

— Надо узнать, что там написано.

— Слишком опасно.

— Я не собираюсь подходить.

Он кивнул в сторону старика с тележкой, который стоял в конце очереди. На тележке лежали мешки с капустой, грязные корни, связки лука. Старик ругался на осла и выглядел так, будто ненавидит всех на свете одинаково.

— Нам нужна его одежда, — сказал Эйран.

Лира медленно повернулась к нему.

— Ты предлагаешь ограбить старика?

— Нет. Купить.

— У тебя есть деньги?

Он помолчал.

— Тогда обменять.

— На что?

Эйран достал из-за пояса одну из маленьких серебряных печатей, взятых у Ордена.

Лира нахмурилась.

— Это опасно.

— Ему можно сказать, что это просто серебро.

— А если узнает знак?

— Тогда ограбим.

Она смотрела на него несколько мгновений.

— Ты слишком быстро учишься у Тавра.

— Он бы гордился.

— Он бы взял с нас плату за обучение.

Они дождались, пока старик отойдёт от очереди к канаве, ругая осла и собственные колени. Эйран подошёл первым, подняв руки, чтобы показать, что не держит оружия.

— Дед.

Старик резко повернулся.

В руке у него откуда-то появился кривой нож.

— Ещё шаг, и кишки твои будут кормить мою капусту.

Эйран остановился.

Лира, стоявшая чуть позади, тихо сказала:

— Хорошее начало.

— Нам нужна одежда, — сказал Эйран.

Старик прищурился.

— Конечно. А мне нужен новый позвоночник и молодая жена. Все мы чего-то хотим.

Эйран показал серебряную печать.

— За плащ, шапку и место у телеги.

Старик посмотрел на серебро.

Потом на Эйрана.

Потом на Лиру.

— Беглые?

— Нет.

— Врёшь плохо.

— Учусь.

Старик хмыкнул.

— От Ордена?

Эйран промолчал.

Старик неожиданно сплюнул.

— Тогда плащ стоит дороже.

Лира осторожно спросила:

— Ты не любишь Орден?

— Я старый. Старые люди не любят тех, кто приходит с бумагами и говорит, кому жить.

Он взял печать, покрутил в пальцах, спрятал так быстро, что Эйран едва заметил.

— Плащ, шапка, место у телеги. Девке — платок. Но если вас поймают, я скажу, что вы угрожали мне магией, ножом и дурным запахом.

— Справедливо, — сказал Эйран.

Через несколько минут он уже стоял в очереди рядом с ослом, накрыв левую руку старым плащом. На голове была колючая шапка, пахнувшая дымом, потом и капустой. Лира шла чуть позади, в сером платке, низко опустив лицо.

Старик по имени Горд вёл осла и продолжал ругаться так убедительно, что стражники у ворот заранее выглядели уставшими.

— Что везёшь? — спросил первый стражник.

— Радость, богатство и тухлую капусту, — ответил Горд. — Первое кончилось, второе украли, третье осталось.

Стражник поморщился.

— Открывай мешки.

— Сам открывай. У меня спина старше твоего начальника.

Второй стражник ткнул копьём в мешок. Из него высыпалась капуста. Запах был такой, что даже орденец у ворот отвернулся.

Эйран стоял, опустив голову.

Сердце билось слишком громко.

Он видел объявление.

Теперь близко.

На сером листе было выведено:

Розыск по приказу Ордена Пепла.

Ниже — грубые рисунки.

Не очень похожие.

Но достаточно.

Мужчина с тёмными волосами. Отметина на левой руке.

Девушка с чёрными волосами. Бледная. Опасна. Не приближаться.

И третья строка:

Рыжий вор. Может иметь при себе государственные и храмовые документы. Брать живым, руки связать отдельно.

Эйран почти улыбнулся.

Тавр добрался.

И уже успел стать проблемой.

Орденец у ворот подошёл ближе.

— Лицо покажи.

Эйран поднял голову ровно настолько, чтобы выглядело естественно, но не настолько, чтобы свет упал на черты полностью.

Орденец смотрел долго.

Слишком долго.

Потом перевёл взгляд на левую руку, скрытую под плащом.

— Рука.

Эйран почувствовал, как всё внутри замерло.

Лира за его спиной не двигалась.

Старик Горд громко кашлянул.

— Ты ему лучше ноги проверь. У него грибок такой, что вчера собака понюхала и передумала жить.

Стражник приснул.

Орденец не улыбнулся.

— Руку.

Эйран медленно начал поднимать правую.

— Левую.

Знак под кожей будто услышал.

Слабое тепло.

Нет.

Не сейчас.

Эйран сжал пальцы под плащом.

И вдруг со стороны очереди раздался крик:

— Вор! Кошелёк! У меня украли кошелёк!

Все повернулись.

У торговки с корзинами действительно пропал кошелёк. Она хватала за рукава двух паломников, паломники кричали, что они честные люди, осёл Горда решил, что это подходящий момент, и громко заревел.

Орденец отвлёкся всего на мгновение.

Но мгновения хватило.

Горд ударил его тележкой по ноге.

— Ой, прости, господин пепельник. Старость. Осёл. Капуста. Всё против нас.

Стражник у ворот махнул рукой.

— Проходи уже, старый бес.

— Благослови твою мать, если она ещё терпит такого сына.

Горд потащил осла вперёд.

Эйран и Лира прошли за ним.

Только когда ворота остались позади, Эйран позволил себе вдохнуть.

Они были в Арквеле.

Город без теней оказался теснее, чем казался снаружи.

Улицы шли вверх и вниз, ломались под странными углами, будто строители боялись прямых линий. Дома теснились друг к другу, нависали вторыми этажами, соединялись деревянными переходами. На каждом углу висели фонари, но ни один не горел. Стекло в них было мутным, слепым.

Свет здесь вёл себя неправильно.

Даже утром он не падал, а растекался. Камни не отбрасывали чётких теней. Люди проходили мимо, и их ноги будто не касались собственной темноты. Эйран несколько раз смотрел на землю и не мог понять, где его тень.

Она была.

Но слабая.

Почти стёртая.

Горд свернул к рынку, остановился у грязной стены и забрал у Эйрана шапку.

— Дальше сами.

— Спасибо, — сказал Эйран.

Старик фыркнул.

— Не благодари. Я теперь причастен к чему-то, за что меня повесят, если узнают. Это не доброе дело, а глупость.

Лира спросила:

— Ты знаешь улицу Слепых фонарей?
Горд посмотрел на неё внимательнее.
— Не ходи туда.
— Почему?
— Потому что туда идут те, кто не хочет, чтобы их видели. А выходят те, кого уже не стоит узнавать.
— Нам нужен дом красильщика.
Старик выругался тихо и долго.
— Старый Рен?
— Возможно.
— Значит, вы не просто беглые. Вы совсем дурные.
Эйран устало сказал:
— Это мы уже слышали.
Горд кивнул на узкий переулок слева.
— Идёте по Соляной до сухого фонтана. Там налево. Потом вниз, где все фонари с чёрным стеклом. Третий дом после арки. Дверь синяя, хотя красильщик всю жизнь уверял, что она зелёная.
— Почему?
— Потому что он слепой.
Лира посмотрела на Эйрана.
Улица Слепых фонарей.
Дом слепого красильщика.
Всё складывалось слишком точно.
А всё, что складывалось слишком точно, в последние дни пытались их убить.
Горд уже уходил, но остановился.
— И ещё.
Эйран повернулся.
— Если увидите рыжего парня, который будет утверждать, что он мой племянник, скажите ему: я больше не верю в больных матерей, украденных лошадей и срочные похороны.
Эйран почти улыбнулся.
— Тавр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.